

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8 ИСТОРИЯ

№ 6 • 2022 • НОЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

Издательство Московского университета
Lomonosov History Journal

Выходит один раз в два месяца
Published once in two months

СОДЕРЖАНИЕ

Исмаилова З.А. «Милостники» Древней Руси	3
Козлова Н.В. Интересы казенного и частного капитала в торговле России с Китаем в первой трети XVIII в.	20
Исэров А.А. Густав Адольф Бергуд, Тадеуш Костюшко, Франсиско де Миранда: из истории революционных движений рубежа XVIII–XIX столетий	34
Мироненко С.В. Три российских реформатора (к 250-летию юбилею М.М. Сперанского)	59
Петрова О.С. Опыт коммуникативного подхода к реконструкции диалога интеллектуалов и власти (на примере деловой переписки А.С. Уварова)	71
Куликов С.В. И.И. Тхоржевский и создание Основных государственных законов 23 апреля 1906 г.	88
Иванова Н.А. От демократов к республиканцам: Израиль во внешней политике США в 1952–1953 гг.	109
Туторский А.В., Сафронов А.В., Каргина Н.П. Юрий Валентинович Кнорозов — выпускник кафедры этнографии исторического факультета Московского университета	122
Суздальцев И.А. Британская историография Коммунистического Интернационала 1990-х гг.	147
Юденкова Т.В. Интерпретации картины И.Н. Крамского «Христос в пустыне»	168
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 2022 г.	193

CONTENTS

Ismaïlova Z.A. Ancient Rus' <i>Milostniks</i>	3
Kozlova N.V. Interests of State and Private Commercial Capital in Russia's Trade with China in the First Third of the 18th Century.	20
Iserov A.A. Gustavus Adolphus Bergudd, Tadeusz Kościuszko, Francisco de Miranda: from the History of Revolutionary Movements at the Turn of the 18th – 19th Centuries.	34
Mironenko S.V. Three Russian Reformers (to the 250th Anniversary of M.M. Speransky).	59
Petrova O.S. The Experience of Communicative Approach to Reconstructing the Dialogue between the Intellectuals and Power (Case-study of A.S. Uvarov's Business Correspondence)	71
Kulikov S.V. I.I. Thorzhevsky and the Creation of the Fundamental Laws of the State of 23 April 1906	88
Ivanova N.A. From Democrats to Republicans: Israel in U.S. Foreign Policy in 1952 and 1953	109
Tutorskiy A.V., Safronov A.V., Kargina N.P. Yuri Knorozov — Graduate of the Department of Ethnography, Faculty of History, Moscow State University	122
Suzdaltsev I.A. The 1990s' British Historiography of the Communist International.	147
Yudenkova T.V. Interpretations of I.N. Kramskoi's "Christ in the Desert"	168
Index of articles and materials published in the journal in 2022.	193

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2022-6-3-19

З.А. Исмаилова

«МИЛОСТНИКИ» ДРЕВНЕЙ РУСИ

Z.A. Ismailova

ANCIENT RUS' *MILOSTNIKS*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о категории «милостников», неоднократно затрагивавшийся в отечественной исторической науке. Еще в XIX в. историки-исследователи обратили внимание на упоминания в древних русских летописях княжеских «милостников» и выдвинули предположения об их социальном статусе и отношении к правителю (князю). Но только в XX в. появились специальные исторические исследования, посвященные древнерусским княжеским «милостникам». Эти исследования базировались на марксистской методологии, в которой первостепенное значение уделялось социально-экономическим и классовым отношениям и недостаточно учитывались отношения, специфические для древних и средневековых обществ: отношения патронажа, свойства, кровнородственные, лично-служебные и др. Княжеских «милостников» рассматривали в советской исторической науке как предшественников более поздних дворян, младших слуг князя, «министералов». В данном исследовании учитываются достижения отечественных историков — дореволюционных, советских, современных, а также зарубежных этнологов и антропологов. Привлекая широкий круг исторических источников, русские и литовские летописи, автор анализирует все имеющиеся летописные известия о «милостниках» и приходит к выводам, которые позволяют значительно скорректировать утвердившиеся ранее представления. «Милостники», по мнению автора статьи, это зависимая категория населения Древней Руси, в силу различных жизненных обстоятельств оторванная от своего рода, а потому нуждавшаяся в защите и покровительстве правителя — князя. «Милостники» могли быть связаны с князем узами свойства, но это не меняло их зависимого положения, а только обязывало князя взять их под защиту. Отношения между князем и «милостниками» можно охарактеризовать как отношения патрона и клиентов. То были отношения лично-служебные, отличавшиеся от тех, которые установились позднее, в XII в., между князем и дворянами, — служебно-деловых. Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить, что «милостники» — это не предшественники дворян,

Исмаилова Зулейха Адил-кызы, аспирант кафедры отечественной истории факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского

Ismailova Zuleyha Adil-kyzy, Postgraduate Student, Department of National History, Faculty of History and International Relations, I.G. Petrovsky Bryansk State University
+7-953-299-44-97; pokrovskaya-lada@bk.ru

а социальная категория своего времени, уходящая корнями в древний родовой строй общества.

Ключевые слова: князь в Древней Руси, дворяне, дворцовая служба, княжеская дружина, летопись, «Русская Правда», патрон, клиенты, свойственники, Андрей Боголюбский, Кучковичи

Abstract. The article explores the category of *milostnik* (beneficiary). This issue has been repeatedly raised in the national historical writing. Back in the 19th century historians noticed that the ancient Russian chronicles mentioned prince's *milostniks*, and put forward assumptions about their social status and connection with the ruler (prince). However, it was only in the 20th century when special scholarly studies on the ancient Russian prince's *milostniks* appeared. These studies were based on Marxist methodology, which gave priority to socio-economic and class relations, without paying sufficient attention to relations specific to ancient and medieval societies, such as ties of patronage, affinity, kinship, personal service, etc. The prince's *milostniks* were considered in Soviet historical science as the predecessors of later nobles, junior servants of the prince, ministerials. The present study integrates the accomplishments of national historians (pre-revolutionary, Soviet, modern), as well as foreign ethnologists and anthropologists. Drawing on a number of historical sources, Russian and Lithuanian chronicles, the author analyzes all the available chronicle reports about the *milostniks* and comes to conclusions that allow us to significantly revise the previously established concepts. According to the author of the article, *milostniks* are a dependent category of the people of Ancient Rus', who were cut off from their kin due to various life circumstances, and therefore found themselves in need of protection and patronage of the ruler, the prince. The *milostniks* could be connected with the prince by bonds of affinity. This did not change their dependent position, but only obliged the prince to take them under his protection. The relationship between the prince and the *milostniks* can be described as that of a patron and clients. Those were relations of personal service, different from those that were established later, in the 12th century, between the prince and the nobles, i.e. service based on the land tenure. Thus, the research which has been conducted in this paper allows us to conclude that the *milostniks* were not the predecessors of the nobles, but a social category of their time, rooted in the ancient tribal structure of society.

Keywords: prince in Ancient Rus', nobles, palace service, princely squad, chronicle, *Russkaya Pravda*, patron, clients, relatives by affinity, Andrei Bogolyubsky, Kuchkoviches.

* * *

В древних русских летописях (Новгородской первой, Ипатьевской и летописце Переяславля Суздальского), а также в Софийской первой летописи, Московском летописном своде конца XV в., Ермолинской, Никаноровской и литовских летописях Рачинского и Красинского встречаются упоминания о «*милостниках*» — всегда в связи с личностью какого-либо князя. Современный исследователь А.А. Горский насчитал четыре таких упоминания: одно под 1136 г.,

два — под 1175 г. и еще одно — под 1180 г.¹. К этим четырем упоминаниям можно добавить еще четыре: одно — под 970 г.², два — под 980 г.³, и еще одно — под 1293 г.⁴. Таким образом, всего можно насчитать восемь упоминаний «милостников»: три из них относятся к X в., четыре — к XII в., и еще одно — к XIII в.

Кто же такие «милостники»? В литературе имеются две точки зрения на смысл этого термина.

Н.М. Карамзин заметил упоминания о них в летописях и считал их «любимцами княжескими»⁵. С.М. Соловьев перенял точку зрения Карамзина и писал о Кочкаре, милостнике киевского князя Святослава Всеволодовича (1177–1180 гг.), что это боярин, «любимец» князя⁶. В XX в. Б.А. Романов назвал Кочкаря *фаворитом* князя Святослава⁷. А.А. Горский также считает, что милостниками «именовались в XII в. княжеские любимцы, статус которых на социальной лестнице мог быть различен»⁸.

Итак, первым по времени толкованием термина «милостник», идущим из XIX в., является такое понимание, которое указывает на особые отношения правителя и подчиненного ему лица.

Однако данное толкование не вносит ясности в разбираемый вопрос, так как непонятно, какие именно отношения связывали князя и его милостников — только ли отношения личной симпатии, или же служебные, или же те и другие вместе.

В середине XX в. в научной литературе появилось первое специальное исследование, посвященное «милостникам». Оно принадлежит М.Н. Тихомирову. В статье 1952 г. он отметил, что милостники — «это предшественники позднейших дворян. Они составляли один из разрядов княжеских слуг. Наши источники характеризуют их в тот момент, когда дворцовая служба уже принимала новый характер обеспечения. Место “придатка” — милостных коней и милостного

¹ Горский А.А. Русское средневековое общество. Историко-терминологический справочник. М., 2019. С. 216.

² Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 45; ПСРЛ. Т. 41. Летописец Переяслава Суздальского. М., 1995. С. 20.

³ ПСРЛ. Т. 41. Летописец Переяслава Суздальского. С. 21; Т. 23. Ермолинская летопись. М., 2004. С. 12.

⁴ ПСРЛ. Т. 35. Летописи Белорусско-Литовские. М., 1980. С. 151.

⁵ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. первая. Т. I–IV. М., 1988. Примеч. 21 к т. III, главе I. Стлб. 12.

⁶ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1–2. М., 1988. С. 609.

⁷ Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII вв. Л., 1947. С. 165.

⁸ Горский А.А. Указ. соч. С. 216.

оружия всё более и более занимает новая форма держания — земельное пожалование, позднейшая московская “дача”⁹. В обоснование этого исследователь указал на статью 105 «Русской Правды», в которой встречается термин «милость». Далее он сравнил этот термин с точно таким же термином из сербского языка. «В Законнике Стефана Душана, — писал М.Н. Тихомиров, — “милостью” называется участок земли, пожалование от царя»¹⁰. Исходя из этого, исследователь сделал вывод, что «милость» «Русской Правды» — это и есть условное земельное держание, а милостники — княжеские слуги, получавшие это держание¹¹.

Точку зрения М.Н. Тихомирова разделял И.Я. Фроянов, считавший, что милостники — это «категория княжеских слуг в древнерусских землях в XII–XIII вв. Название происходит от слова “милость”, обозначающего условное земельное держание. Милостники были предшественниками позднейших дворян»¹². Похожего взгляда придерживался и П.С. Стефанович, который считал убийц князя Андрея Боголюбского, его «милостников», младшими дружинниками, «министерялами»¹³.

Посмотрим на значение термина «милость» в статье 105 «Русской Правды», на которую ссылался М.Н. Тихомиров. Статья гласит: «А въдачь не холопь, ни по хлебе роботять, ни по придатьце; но оже не доходить года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виновать есть»¹⁴. В Пушкинском списке «Правды» слова «ему милость» заменены словом «емлеть»¹⁵, из чего следует, что «милость» — это какое-то движимое имущество, денежное или натуральное. Выходит, что «милость» — это не условное земельное держание, «Русская Правда» не дает оснований считать ее таковым.

Слабость аргументации М.Н. Тихомирова заключается не только в этом. Ссылаясь на «Законник» сербского деспота Стефана Душана, в котором встречается термин «милость», М.Н. Тихомиров сам отметил, что этот источник относится к XIV в.¹⁶, а именно — ко времени

⁹ Тихомиров М.Н. Условное феодальное держание на Руси в XII в. // Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 238.

¹⁰ Там же. С. 237.

¹¹ Там же. С. 236–237.

¹² Фроянов И.Я. Древняя Русь IX–XIII вв. Народные движения. Княжеская и вечевая власть. М., 2014. С. 686.

¹³ Стефанович П.С. Об убийцах Андрея Боголюбского в свете новых данных // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сб. мат. X Междунар. науч. конф. (9–13 сентября 2019 г., Москва). М., 2019. С. 190.

¹⁴ Русская Правда по Троицкому списку // Памятники истории Киевского государства IX–XIII вв. Сб. документов подг. к печати Г.Е. Кочиным. Л., 1936. С. 128.

¹⁵ Там же. С. 128.

¹⁶ Тихомиров М.Н. Указ. соч. 237.

правления Душана: 1331–1355 гг. «Милость» же «Русской Правды» относится к XII в., времени появления «Пространной Правды»; упоминания о милостниках в русских и литовских летописях — к X, XII и XIII вв. Нельзя сравнивать созвучные термины из разных эпох, отделенных более чем столетием, и из разных государств и утверждать, что они тождественны. В данном случае это тождество не подтверждается источниками. Тем более что в XIV в. на Руси, как будет показано ниже, также появилось условное землевладение. Первое упоминание о нем относится к 1339 г., что совпадает с хронологией его появления в Сербии. Но на Руси оно *никогда* не обозначалось термином «милость».

Отметим также, что слово «милость» имело на Руси разные значения. В 1141 г. новгородский посадник Якун и его брат Прокопий бежали из Новгорода. Князь Юрий Долгорукий решил их защитить и привел вместе с женами в Суздаль, где держал у себя «в милости»¹⁷. Здесь «милость» выражает отношение князя к своим людям. В 1159 г. «иде Рогъволодь Борисовичъ отъ Святослава отъ Олговича искать собе волости... зане не створиша милости ему братья его, взявше подъ нимъ волость его и жизнь его всю»¹⁸. Здесь также видим, что «милость» — это отношение князей к своему родичу, выраженное в поступках. В 1326 г. митрополит Петр «позна свое из мира исхождение» и, не имея возможности видеть самого князя Ивана Калиту, которого тогда не было в Москве, призвал к себе Протасия, мужа честного и верного. «И рече ему: “Чадо, се аз отхожу житиа сего. Оставляю же сыну своему възлюбленному Ивану милость, миръ и благословение от Бога и семени его до века”»¹⁹. В этом контексте «милость» означает пожелание всех благ или же что-то близкое по смыслу.

Таким образом, слово «милость» имело разные значения в древнерусском языке. Весьма рискованно закреплять за ним только одно значение, как это сделал М.Н. Тихомиров, притом такое, которого оно не имело, во всяком случае, в источниках не отразившееся.

М.Н. Тихомиров не использовал всех источников, в которых есть упоминания о «милостниках». Он обошел вниманием Летописец Переяславля Суздальского, Софийскую первую летопись, Ермолинскую летопись и Московский летописный свод 1479 г., а также литовские летописи и Никаноровскую летопись. Именно поэтому он не обратил внимания, что «милостники» — это термин вовсе не

¹⁷ ПСРЛ. Т. 5. Софийская первая летопись. Вып. 1. Л., 1925. С. 163–164.

¹⁸ Летопись по Ипатскому списку. С. 338–339.

¹⁹ Житие митрополита Петра // Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. С. 212.

только XII в. Он встречался уже в X в. и окончательно ушел в прошлое в XIII в. Поэтому говорить о «милостниках XII в.», как это делал М.Н. Тихомиров²⁰, неверно.

Термины «милостники» и «дворяне» в летописях никогда не заменяют друг друга. Дворяне упоминаются начиная с XII в.: в Лаврентьевской летописи под 1175 г.²¹, в Никаноровской летописи под 1195 г. — «дворные люди»²², в Московском летописном своде конца XV в. под 1211 г.²³, дважды — в договорной грамоте Новгорода Великого с великим князем Ярославом Ярославичем тверским от 1270 г.²⁴, в Типографской летописи под 1347 г.²⁵ и под 1378 г. — «люди дворные»²⁶, в Сокращенном летописном своде 1493 г. под 1433, 1434, 1435, 1462 и 1469 гг.²⁷; в том же своде под 1468 г. упомянут «дворъ князя великого»²⁸; в Псковской второй летописи под 1484 г.²⁹; в Псковской третьей летописи под 1477 г. упомянуты «княжедворцы»³⁰.

Таким образом, если упоминания о «милостниках» в русских летописях приходятся на X и XII вв., то «дворяне» начинают фигурировать в них с XII в. Большинство же упоминаний о дворянах относятся к XV в.

Об условном землевладении на Руси впервые сказано в духовной грамоте Ивана Калиты 1339 г.: «А что есмь купил село в Ростове Богородичское, а дал есмь Бориску Воръкову, аже иметь сыну моему которому служити, село будет за нимъ, не иметь ли служити детемъ моимъ, село отоимут»³¹. Однако до XV в. условное землевладение не было распространено на Руси, только со второй половины этого столетия упоминания о нем в источниках стали частыми³², и это объ-

²⁰ Тихомиров М.Н. Указ. соч. С. 239.

²¹ ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1897. С. 351.

²² ПСРЛ. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. М.; Л., 1962. С. 36–37.

²³ ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949. С. 108.

²⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1949. С. 12–13.

²⁵ ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Пг., 1921. С. 119.

²⁶ Там же. С. 139.

²⁷ ПСРЛ. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века. С. 270, 271, 275, 277.

²⁸ Там же. С. 276.

²⁹ Псковские летописи. Вып. 2 / Под ред. А.Н. Насонова. М., 1955. С. 64.

³⁰ Там же. С. 204.

³¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. Л.В. Черепнин. М.; Л., 1950. С. 10.

³² Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 195–197.

ясняет, почему большинство упоминаний о дворянах в летописях приходится на XV в.

Летописи не содержат никаких указаний на то, чтобы «милостники» владели земельными участками. Коней и оружие они получали от князя: убийцы Андрея Боголюбского, его «милостники», после убийства князя «идоша на сени, и выимаша золото и каменье дорогое, и жемчюгъ, и всяко узорочье, и до всего любимаго имения, и въскладше на милостьные коне, послаша до света прочь; а сами въземше на ся оружья княже милостьное, почаша совокупити дружину къ себе»³³. Из этого видим, что кони и оружие не принадлежали «милостникам», последние могли только пользоваться ими. Представляется, что милостники находились на полном обеспечении князя, что подтверждается словами умирающего Андрея Боголюбского, обращенными к своим убийцам: «Горе вамъ, окааннии и нечестивии... Что створих вы зло, да кровь мою пролиясте на землю, Богъ отомъститъ вы мои хлебъ»³⁴.

Таким образом, условий для появления дворян-землевладельцев в XII в. не было, условное землевладение появилось на Руси только в XIV в., а распространение получило в XV в. «Милостники» не могли быть дворянами-землевладельцами.

Дворяне — это изначально слуги князя, жившие при его *дворе*. Выше отмечено, что термин «дворяне» встречается в летописях с последней четверти XII в. Но в Ипатьевской летописи уже под 1171 г. можно прочесть об «Олексе дворьском»: в том году войско Мстислава Андреевича, сына Андрея Боголюбского, взяло Киев и разграбило его. Князь киевский Мстислав Изяславич бежал из Киева в Василев, но на пути его постигла «Бастеева чадь, начаша стреляти въ плечи ему, и много изоимаша дружины около его: яша Дмитра Хороброго и Олексу дворьского...»³⁵. Замечаем, что Олекса дворский входил в состав дружины киевского князя, т.е. *дворяне* — это часть дружинников князя, живших при его дворе.

В летописи нет упоминаний о «милостниках» галицких князей. Однако начиная с XIII в. в ней часто упоминаются их «дворские»: «дворечкий» Андрей, которого князь Даниил в 1241 г. послал брать Перемышль³⁶; тот же, по всей видимости, «дворьский Ондрей» воевал по поручению князя в 1245 г. в Польше, по р. Сану³⁷; в 1247 г.

³³ Летопись по Ипатскому списку. С. 400.

³⁴ ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. С. 84.

³⁵ Летопись по Ипатскому списку. С. 372.

³⁶ Там же. С. 527.

³⁷ Там же. С. 529.

другой «дворянский Яковъ» воевал вместе со своим князем Даниилом против литовцев в Пинской волости³⁸. Замечаем, что «дворские» — это всегда военные люди, часть княжеской дружины. При этом они ни разу не названы «милостниками».

Таким образом, термины «милостники» и «дворяне» («дворские») летописец всегда употреблял обдуманно, никогда не смешивал их. Нам ясен термин «дворяне» («дворские»). Достоверно только в XIV в. они стали землевладельцами. Но «милостники» — это не дворяне и не землевладельцы. Это отдельная категория княжеских слуг. Чтобы понять, что это за категория и какими отношениями она была связана с князем, обратимся к летописным известиям, начиная с самых ранних.

Первое упоминание о «милостниках» встречается в Ипатьевской летописи и Летописце Переяславля Суздальского под 970 г.: «В се же время придоша людие Новъгородьстии, просяще князя себе... И рече к нимъ Святославъ: “абы кто к вамъ шель”. И отъпреся Ярополкъ и Олгъ; и рече Добрыня: “Просите Володимира”. Володимиръ бо бе отъ Малуши, милостьнице Ольжины; сестра же бе Добрыня, отецъ же има Малъко Любчанинъ, и бе Добрыня уй Володимиру»³⁹.

Замечаем, что Малуша — «милостьница Ольжина», т.е., княгини Ольги. Говоря об этом, летописец подробно остановился на родственных связях как самой Малуши, так и ее брата Добрыни. Исходя из того, что Добрыня — уй (дядя по матери) Владимиру, а Малуша — сестра Добрыни, Малуша — это мать князя Владимира. Отцу Владимира, Святославу, Малуша приходилась, скорее всего, наложницей.

В Лаврентьевской летописи Малуша названа не «милостницей», а ключницей Ольги⁴⁰, что указывает на ее несвободный статус, близкий к рабскому. При этом брат Малуши, Добрыня, — не только свободный человек, но и видный государственный деятель при князе Владимире, его посадник в Новгороде и крупный воевода⁴¹. Как же объяснить такое противоречие? Неужели представители одной семьи одновременно могли находиться на совершенно разных ступенях социальной лестницы? Попробуем ответить на этот вопрос, используя достижения структурной антропологии.

³⁸ Там же. С. 530.

³⁹ Летопись по Ипатскому списку. С. 45; ПСРЛ. Т. 41. Летописец Переяславля Суздальского. С. 20.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. С. 68

⁴¹ Там же. С. 78.

Прежде всего, поставим вопрос: почему летописец особо отметил, что дядей Владимира по материнской линии был Добрыня? Почему промолчал о его дядьях по отцовской линии? Ведь упоминание об отцовской линии родства Владимира — более подходящее для династических описаний.

Представляется, однако, что не династические интересы руководили его пером. Даже не узко-родственные — в своем известии он отразил древние *родовые* представления родства и свойства.

Основатель направления структурной антропологии французский антрополог К. Леви-Строс обратил внимание на отношения, которые связывали племянника и дядю по материнской линии в туземных обществах Кавказа и Новой Гвинеи. У кавказских черкесов «дядя с материнской стороны помогает своему племяннику и дарит ему в день его женитьбы коня»⁴². Немного другие отношения между племянником и его дядей по материнской линии наблюдаем у туземцев с о. Кутубу в Новой Гвинеи: «Наилучшим образом их можно определить словом “уважение... с оттенком страха”, потому что дядя с материнской стороны имеет право проклясть своего племянника и навлечь на него тяжелую болезнь». Поэтому племянник испытывает «некоторый страх перед своим дядей по материнской линии и подчиняется ему больше, чем отцу»⁴³.

То же видим в некоторых легендах осетинского народа. В легенде о св. Георгии говорится, что «где-то в поле работали три брата. Подходит к ним Уастырджи в виде старика и говорит, чтобы каждый из них пожелал что-нибудь и его пожелание исполнится. Старший брат пожелал, чтоб у него был всегда отличный урожай всех посевов, второй — чтоб у него размножились стада, а младший, не зная что пожелать, сказал, что пойдет посоветоваться с братом своей матери. Тот научил его пожелать хорошую жену и хозяйку»⁴⁴. Здесь племянник проявил уважение и почтение к своему дяде по материнской линии, обратившись к нему за советом.

Из этого видим, что древние родовые представления отводили большую роль дяде по материнской линии в отношениях с племянником. Добрыня действовал исходя из этих представлений. Он знал, что Владимир, которому он приходился уем (дядей по материнской линии), будет во всем послушен ему — в силу родового права и страха, вытекающего из этого права. Дальнейшие события подтвердили

⁴² Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 2008. С. 54.

⁴³ Там же. С. 56.

⁴⁴ Миллер В.Ф. Фольклор народов Северного Кавказа. Тексты, исследования. М., 2008. С. 231.

это: Добрыня всегда был правой рукой Владимира, его посадником в Новгороде, воеводой и советником.

Отец Добрыни и Малуши — Малко Любчанин, и это указывает, что он был родом из Любеча, из земли северян. Однако его дети оказались в Киевской земле. Мы не знаем, как это произошло и с чем было связано, но, будучи оторванными от своего родового гнезда, дети Малко Любчанина нуждались в защите. Таковой защитой им могло стать покровительство свойственников.

Княгиня Ольга дожила до глубокой старости и скончалась в 969 г. Среди ее внуков летопись под 968 г. назвала Ярополка, Олега и Владимира⁴⁵. После рождения княжича Владимира Малуша и ее брат Добрыня стали свойственниками княгине Ольге. При этом Добрыня, будучи уем Владимиру, в силу древнего родового представления сразу же занял видное место при нем. Малуша не могла рассчитывать занять подобное же место, но как прямая родственница Владимиру и свойственница Ольге вполне могла рассчитывать на покровительственную защиту последней. Такая защита в древних обществах выражалась через институт патроната.

«Потребность в таком учреждении, — заметил Л.Г. Морган, — возникла в силу наличия класса лиц, не принадлежавших к родам; это учреждение должно было дать им охрану личности и имущества»⁴⁶.

Отношения свойства обязывали княгиню Ольгу обеспечить Малуше защиту, взять ее под свое покровительство. Ольга и сделала это — Малуша стала ее «милостницей». «Милость» Ольги состояла в том, что она обеспечила своей свойственнице покровительство и защиту. Таким образом, отношения Ольги и Малуши можно определить как отношения патрона и клиента. Они сложились в силу того, что Малуша была свойственницей Ольге и не имела никакой другой защиты, какой могла быть в те времена только защита *рода*.

Следующее по времени упоминание о «милостниках» встречается в летописи под 980 г. Там говорится о Блуде — «милостнике» и воеводе Ярополка⁴⁷. Его роль в событиях 980 г. состояла в том, что он предал своего князя и перешел на сторону Владимира. Летописец, рассказывая об этом, порицал Блуда такими словами: «О злая лесьть человеческа! Якоже Давыдъ глаголетъ: ядый хлебъ мой възвеличилъ есть на мя лесьть. ...то суть неистовии, иже приемше отъ князя или отъ господина своего честь ли дары, ти мыслять о главе князя своего на пагубленье, горьше суть бесовъ таковии: якоже Блудъ преда

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 64.

⁴⁶ Морган Л.Г. Древнее общество. М., 2012. С. 186.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 41. Летописец Переяславля Суздальского. С. 21.

князя своего, и приимъ отъ него чѣти многи, се бо бысть повиненъ крови той»⁴⁸.

В Летописце Переявля Суздальского такого длинного назидательного отступления нет. Вместо него читаем краткие слова: «И забы Блуд хлеба Ярополча, посылаше таи къ Володимиру...»⁴⁹.

Ярополк во время событий 980 г. во всем слушал Блуда: посоветовал ему Блуд «не излазити на брань (с Владимиром. — З.И.) из града» Киева, так и сделал Ярополк; посоветовал ему Блуд бежать из Киева в Родню, так и сделал Ярополк; посоветовал ему Блуд сдаться Владимиру, так и сделал Ярополк. Последнее описывается в летописи таким образом: «И рече Блуд Ярополку: “Поиди къ брату и рци ему: что ми ни вдаси, азъ прииму”. И иде. Рече же ему некто Варяжко: “Не ходи, княже, убийють тя”. Рече Блудъ: “То ты милостникъ у князя”. И рече Варяжко: “Всякъ милостникъ подобенъ есть змии запазушней. А ты побегни, княже, в Печенеги и приведи воя”»⁵⁰.

Из этого видим, что Блуд был главным воеводой у Ярополка и его советником. Он советовал князю, как поступить в трудной ситуации, и князь во всем слушал его. Но почему? Почему Ярополк исполнял все советы Блуда, даже не ставя их под сомнение? Не указывает ли это на какие-то особенные отношения свойства между ними, какие были, например, между Владимиром и Добрыней? Подтверждение этому находим в Ермолинской летописи, где Блуд назван «дядькою» Ярополка⁵¹. В той же Ермолинской летописи сказано, что Блуд «повелеваше Ярополку лестию ити ко Владимиру»⁵². Обычный воевода никак не может «повелевать» князю, наоборот, князь повелевает воеводе. Однако мы поймем взаимоотношения Ярополка и Блуда, если предположим, что в основе этих отношений лежали древние родовые представления — те представления, которые связывали князя Владимира и его воеводу Добрыню. В этом случае Блуд действительно имел большое влияние на своего князя и мог ему «повелевать».

Обратим внимание на слова Варяжки: «Всякъ милостник подобенъ есть змии запазушней». То есть Блуд был весьма близким, доверенным советником Ярополка, который ел его хлеб, принял от него «многo чти» (чести). Но честь в древних и средневековых обществах часто выражалась в родстве с тем, кто оказывал честь. Блуду эту

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 75.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 41. Летописец Переяславля Суздальского. С. 21.

⁵⁰ Там же. С. 21.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 23. Ермолинская летопись. С. 11.

⁵² Там же. С. 12.

честь оказал Ярополк. И это также указывает на то, что Блуд, возможно, являлся свойственником князя Ярополка. Исходя из этого, можно понять покровительство, оказываемое Ярополком Блуду, покровительство, в основе которого лежали либо отношения свойства, либо отношения патрона к своему клиенту, либо — те и другие вместе. Само имя Блуда — нарицательное, это человек блуждающий, оторванный от своего рода, и потому нуждающийся в покровительстве патрона.

Блуд предал своего патрона, князя Ярополка, но только потому, что таким способом надеялся приобрести нового — князя Владимира. Владимир, посылая к Блуду, говорил ему: «поприяй ми; аще убью брата своего, имети тя хочю во отца место, и многу честь возьмешь отъ мене»⁵³.

Следующее упоминание о «милостниках» относится к 1137 г. и встречается только в Новгородской первой летописи старшего извода. В тот год новгородцы изгнали своего князя Всеволода Мстиславича (1127–1137). «Въ то же лето приде Новугороду князь Святославъ Олговиць ис Цернигова... Въ то же лето стрелиша князя (Святослава. — З.И.) милостьници Всеволожи, нъ живъ бысть»⁵⁴.

Из летописного известия выясняется, что Всеволод Мстиславич не смирился со своим изгнанием из Новгорода в 1137 г, т.к. его «милостники» в том же году сделали попытку убить его преемника-конкурента — князя Святослава Ольговича. Это похоже на месть. Родовая месть — это месть не только за убийство кровного родственника, но также и за обиды, нанесенные ему⁵⁵.

Но ведь мстить за своего родственника могли только его родичи, из чего следует, что «милостники» князя Всеволода были связаны с ним отношениями либо родства, либо, что вероятнее, свойства.

В 1175 г. был убит Андрей Юрьевич Боголюбский. Его убийцы — Яким Кучкович, «слуга възлюбленыи» князя, Петр, зять Кучки, Анбал Ясин, ключник у князя, Ефрем Моизович. Всего — 20 «окаянных убийц». Все они «милостивници у князя»⁵⁶ или «свои милостивници были»⁵⁷.

Известно, что Андрей Боголюбский первым браком был женат на дочери боярина Стефана Ивановича Кучки — первого владельца

⁵³ ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 75.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 24.

⁵⁵ Морган Л.Г. Указ. соч. С. 46–47.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. С. 83–84.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 223; Т. 5. Софийская первая летопись. С. 174.

Москвы, казненного Юрием Долгоруким. Сын Кучки, Яким Кучкович, приходился, таким образом, шурином Боголюбскому, был братом его жены Улиты. Свойственник Якима — Петр, зять Кучки.

Помимо Кучковичей к заговору примкнули еще двое. Анбал Ясин, имя которого ясно указывает на его происхождение, был родом осетин, выходцем с Кавказа. Несмотря на это, Анбал «ключь держашеть у всего дому княжа», и князь «надо всеми волю ему даль»⁵⁸. Ефрем Моизович — скорее всего, еврей. Впрочем, в новейшем исследовании национальная принадлежность и Анбала и Ефрема пересмотрена, и утверждается, что оба они были выходцами из Волжской Булгарии⁵⁹, что весьма вероятно, по нашему мнению.

Таким образом, убийц князя Андрея можно разделить на две группы: его свойственников, Кучковичей, с одной стороны, и выходцев из дальних краев — с другой. Все вместе они — «милостники у князя». Что же объединяло их всех?

Кучковичи нуждались в защите и покровительстве, т.к. глава их рода, боярин Кучка, лишился всего и был убит Юрием Долгоруким. А где же было искать им защиты, как не у Андрея Боголюбского — супруга их родственницы Улиты Кучковны? Выходцы же из дальних стран совсем не имели никаких корней на Руси и тем более искали защиты и покровительства у князя.

Отношения Андрея Боголюбского и его убийц, таким образом, вполне укладываются в отношения патроната и клиентства. «Милостники» — это клиенты своего князя, которые зависели от него в личном отношении. Здесь можно вспомнить и слова Варяжки, обращенные к Блуду: «Всякъ милостник подобеньъ есть змии запазушнеи».

В этом свете, как верно заметил А.А. Горский, сословное положение милостников могло быть самым разным — будь то бояре Кучковичи, или же ключник (раб) Анбал Ясин. Это были люди, лишенные обычной родовой защиты, оторванные от своего рода и, в силу этого, искавшие защиту у своего патрона. Без этой защиты их положение становилось шатким, и знатность (правда, и до того сильно пошатнувшаяся) не помогала им. Интересно отметить, что убийцы Андрея Боголюбского изображены на миниатюрах Лицевого летописного свода XVI в. На первой миниатюре они только замышляют убийство и изображены в длинных одеяниях, как и подобает знатым особам⁶⁰.

⁵⁸ Летопись по Ипатскому списку. С. 401.

⁵⁹ Гиттиус А.А., Михеев С.М. «Убийцы великого князя Андрея»: надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Переславля-Залесского // *Slovene*. 2020. Vol. 9. № 2. С. 80–81, 82.

⁶⁰ Лицевой летописный свод XVI в. Кн. 3. 1174–1204. М., 2009. С. 20.

Князь еще жив, он охраняет жизнь и положение в обществе своих клиентов-«милостников». Им ничто не угрожает. Но вот «милостники» идут убивать своего князя-патрона. Изображению убийства посвящены 10 миниатюр, и на всех них убийцы князя изображены в коротких одеждах⁶¹, что ясно указывает на их незнатное положение. Смерть князя лишила их защиты, как и высокого общественного положения. В дальнейшем (из летописи Красинского) мы увидим, что смерть князя-патрона в Литве повлекла за собою и смерть его «милостника».

Боголюбский окружил себя чужими людьми — чужими, значит не из своего рода: Кучковичами, а также выходцами из дальних краев. Наоборот, своих родичей-братьев он изгнал из Северо-Восточной Руси⁶². Его сын Мстислав, удачный полководец, скончался в 1173 г.⁶³. Андрей Боголюбский накануне своей смерти оказался в очень невыгодном с точки зрения родового права положении: он был окружен *кровными* врагами. Кучковичи не могли забыть, что отец Боголюбского Юрий Долгорукий казнил их отца. Также мы не знаем, каковы были отношения князя накануне его смерти с его первой женой — Улитой Кучковной. Наконец, во главе заговора встал Яким Кучкович, который «слыша отъ некого, аже брата его князь велеть казнить... и тече вопия къ братье своей...»⁶⁴. Учитывая эти обстоятельства, нельзя исключать, что убийство князя Андрея Боголюбского было *родовой мстью* Кучковичей. В этом свете родовое право кровной мести пересилило связи и отношения патроната и клиентства: клиенты убили своего патрона, т.к. он был их кровным врагом.

Следующее по времени летописное упоминание «милостников» относится к 1180 г. Под этим годом в Ипатьевской летописи назван некий Кочкаръ, «милостник» киевского князя Святослава Всеволодовича. Летописец повествует: «В то же время ходяшетъ Давыдъ Ростиславичъ по Днепру в лодьяхъ, ловы дея, а Святославъ ходяшетъ по Черниговьской стороне, ловы дея, противу Давыдови: и тогда Святославъ сдумавъ с княгинею своею и с Кочкаремъ, милостьникомъ своимъ, и не поведе сего мужемъ своимъ лучшимъ думы своея. И абье устремився Святославъ на рать про Глеба, сына своего, и не удержався отъ ярости, переступя крестъ...»⁶⁵. С.М. Соловьев отметил, что, по всей

⁶¹ Там же. С. 20–30.

⁶² Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С. 88.

⁶³ ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. С. 346.

⁶⁴ Летопись по Ипатскому списку. С. 397–398.

⁶⁵ Там же. С. 416.

вероятности, Кочкарь был приведен Святославом из Чернигова⁶⁶. Также заметим, что Кочкарь входил в узкий круг советников князя *наряду* с его княгиней, т.е. родственницей, — не говорит ли это о том, что Кочкаря тоже связывали с князем узы свойства?

Итак, в «милостнике» Кочкаре замечаем все те же черты, что и в других, уже известных нам «милостниках»: это оторванность от своего родового гнезда (Кочкарь приведен князем из Чернигова в Киев), особое доверие князя к своему «милостнику», возможность уз свойства между ними.

В литовской летописи Красинского встречаем известие из литовской истории XIII в., в котором также есть упоминание о «милостнике»: «...великий князь Швинторог и умре. И сын его Кгирмонт зостал по отци своем на великом княжении Литовском и Жомойтском, Руском. И подлуг приказанья отца своего на том местци, на устьи реки Вилни, где у Велю упадываеть, вчинил жгылицо, и там тело отца своего, и коня его, на котором ежчивал, и шату его, которую ношивал, и милосника его, на которого он ласков был, и сокола, и хорта его сожог»⁶⁷.

Это известие подтверждает зависимое положение «милостника», его близость к рабскому состоянию. «Милостник» связывается исключительно с личностью князя, без защиты и покровительства которого он оказывается лишенным даже своей жизни. Подчеркнем, что обычай сжигать вместе с почившим князем его родственников — древний. Он указывает на то, что «милостник», сожженный вместе с литовским князем, мог быть его свойственником.

Приведем еще аргумент в пользу того, что «милостники» нередко были связаны с князем узами свойства. В 1252 г. литовский князь Миндовг изгнал от себя своих племянников — Товтивила и Едивида. Племянники бежали к галицкому князю Даниилу. Миндовг узнал об этом и прислал к Даниилу послов: «Не чини има милости», — требовал литовский князь. Но Даниил не послушал Миндовга, потому что сестра изгнанных Товтивила и Едивида была замужем за Даниилом: «зане сестра бе ею (их. — *З.И.*) за Даниилом»⁶⁸.

Таким образом, Даниил принял литовских изгнанников, оказал им «милость» по той причине, что они приходились ему свойственниками — были родными братьями его жены. Конечно, мы видели,

⁶⁶ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1–2. С. 609.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 35. Летописи Белорусско-Литовские. С. 131–132; то же — в Познанской летописи. См.: ПСРЛ. Т. 32. Хроники Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи Баркулабовская, Аверки и Панцырного. М., 1975. С. 134.

⁶⁸ Летопись по Ипатскому списку. С. 541.

что не всегда «милостники» были связаны с князем узами свойства. При этом они всегда были людьми пришлыми, нуждавшимися в княжеской протекции. Судьба изгнанных литовских князьков вполне подтверждает это.

В 1254 г. князь Даниил пошел войной в чешские земли. Ставши станом на границе польских и чешских земель, на реке Одере, возле городка Козле, он послал вперед «Тевтивила и Едивида, и дворьского, и все вое, самъ же оста в мале со старыми бояры»⁶⁹. Здесь мы видим и литовских князьков Товтивила и Едивида — возможных княжеских «милостников», и дворского, и старых бояр. Это всё — категории служивших князю людей. Летописец не смешивал эти категории, т.к. хорошо понимал различия между ними.

Итак, можно утверждать, что «милостники» — это зависимая категория населения Древней Руси, разными жизненными обстоятельствами оторванная от своего рода, а потому нуждавшаяся в защите и покровительстве князя. «Милостники» могли быть связаны с князем узами свойства, но это не меняло их зависимого положения, а только обязывало князя взять их под свою защиту. Отношения между князем и «милостниками» можно охарактеризовать как отношения патрона и клиентов. То были отношения лично-служебные, отличавшиеся от тех, которые установились позднее, в XII в., между князем и дворянами — служебно-деловых. Из этого видим, что «милостники» — это не предшественники дворян, а социальная категория своего времени, корнями уходящая в древний родовой строй общества.

Список литературы

Гиппиус А.А., Михеев С.М. «Убийцы великого князя Андрея»: надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Переславля-Залесского // *Slovene. Словъне.* 2020. Vol. 9. № 2. С. 53–102.

Горский А.А. Русское средневековое общество. Историко-терминологический справочник. М.: Издательство Олега Абышко, 2019. 416 с.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 349 с.

Левин-Строс К. Структурная антропология. М.: Академический Проект, 2008. 555 с.

Миллер В.Ф. Фольклор народов Северного Кавказа. Тексты, исследования. М.: Наука, 2008. 997 с.

Морган Л.Г. Древнее общество. М.: Либроком, 2012. 360 с.

Романов Б.А. Люди и нравы Древней Руси. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1947. 344 с.

⁶⁹ Там же. С. 545.

Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1–2. М.: Мысль, 1988. 797 с.

Стефанович П.С. Об убийцах Андрея Боголюбского в свете новых данных // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Сборник материалов X Международной научной конференции (9–13 сентября 2019 г., Москва). М.: Индрик, 2019. С. 190–191.

Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М.: Наука, 1975. 429 с.

Фроянов И.Я. Древняя Русь IX–XIII вв. Народные движения, княжеская и вечевая власть. М.: Русский издательский центр, 2014. 1222 с.

Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М.: Соцэкгиз, 1960. 899 с.

Поступила в редакцию
12 марта 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2022-6-20-33

Н.В. Козлова

**ИНТЕРЕСЫ КАЗЕННОГО И ЧАСТНОГО ТОРГОВОГО
КАПИТАЛА В ТОРГОВЛЕ РОССИИ С КИТАЕМ
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.**

N.V. Kozlova

**INTERESTS OF STATE AND PRIVATE COMMERCIAL
CAPITAL IN RUSSIA'S TRADE WITH CHINA
IN THE FIRST THIRD OF THE 18th CENTURY**

Аннотация. На основе законодательных актов, а также записок и предложений российских купцов, чиновников и иностранных дипломатов, документов учреждений коммерции рассмотрены перспективы развития и преимущества различных организационных форм торговли России с Китаем в первой трети XVIII в. Регулярная торговля России с Китаем получила законное основание по Нерчинскому договору 1689 г. Огромные расстояния и трудности маршрута, длительность и опасность пути, а также прямая заинтересованность правительства в сбыте пушнины, поступавшей в виде дани от языческих народов Сибири, сделали казенный караванный торг основной формой торговли России с Китаем. В составе каравана могли находиться и жители разных городов, направлявшихся в Китай для собственного торга. Но в 1706 г. пушной товар был объявлен монополией казны, а купцам и служилым людям теперь запрещалось торговать в Сибири «мягкою рухлядью» и ездить с товарами в Китай. Концентрируя в руках казны наиболее доходные сферы и виды торговли, правительство стремилось увеличить поступление денежных средств, необходимых для ведения Северной войны. В 1711 г. только что учрежденный Сенат предложил крупным московским купцам взять торговлю с Китаем на откуп, организовав для этого компанию. Откупная система гарантировала получение фиксированной суммы дохода для казны. Однако крупнейшие представители торгово-предпринимательского мира Москвы уклонились от этого предприятия, сославшись на недостаточность средств и доказывая преимущества свободной торговли с Китаем. В 1720-х гг. купцы вновь поднимали

Козлова Наталья Вадимовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kozlova Natalia Vadimovna, Doctor in History, Professor, Department of Russian History until the Beginning of the Nineteenth Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7- 495-939-54-40; kozlova.n.v.i@gmail.com

вопрос об открытии вольного китайского торгога. Комиссия о коммерции в 1727 г. также признавала, что от казенных караванов «большой прибыли не видно». Однако и в дальнейшем правительство неоднократно (в 1731, 1734 гг.) запрещало российским подданным торговать «мягкой рухлядью» в Пекине и местах, подвластных Китаю. И только в 1762 г. казенная монополия на торговлю с Китаем была отменена.

Ключевые слова: казенные торговые караваны, компанейский торг, русские кушцы, казенные регалии, Петр I, Сенат

Abstract. The article examines the prospects and advantages of different organizational forms of trade between Russia and China in the first third of the 18th century on the basis of legislative acts, notes and proposals of Russian merchants, officials and foreign diplomats, documents of commercial establishments. Regular trade between Russia and China was legally sanctioned by the Treaty of Nerchinsk in 1689. Huge distances and difficulties of the route, the length and danger of the journey, the direct interest of the government in the sale of furs, which came in the form of tribute from the pagan peoples of Siberia, made the state caravan trade the main form of trade between Russia and China. The caravan could also include inhabitants of different cities, who were going to China for their own trade. In 1706, the fur trade was declared a monopoly of the treasury, and merchants and service class were forbidden to trade “soft stuff” in Siberia and to travel with goods to China. By concentrating the most profitable areas and types of trade in the hands of the treasury, the government sought to increase the flow of funds needed for the Northern War. In 1711, the newly established Senate suggested that Moscow rich merchants should buy off the trade with China by organizing a company for this purpose. This system guaranteed a fixed amount of income for the treasury. However, the largest representatives of the merchant circles of Moscow declined this suggestion, citing insufficient funds and arguing the advantages of free trade with China. In the 1720s merchants again raised the question of free Chinese trade. The Commission on Commerce in 1727 also acknowledged that “no great profit is seen” from the state caravans. Nevertheless, even later (in 1731 and 1734) the government forbade Russian subjects to trade “soft stuff” in Beijing and in territories subject to China. It was only in 1762 that the state monopoly on trade with China was abolished.

Keywords: state trade caravans, companion trade, Russian merchants, treasury regalia, Peter the Great, Senate.

* * *

Начиная с периода правления Петра I и на протяжении практически всего XVIII в. экономический курс российских властей был ориентирован на внешнюю торговлю. Именно ей отводилась особая роль в обеспечении притока денег в казну, что расценивалось как главное условие благосостояния и процветания государства. Казна была непосредственным участником внешней торговли. В ее руках в течение всего царствования Петра I оставались важнейшие статьи российского западного экспорта, монополизированные еще в конце

XVII в., — поташ, смольчуг, ремень. Их закупка и заграничный отпуск, находившиеся в ведении Коммерц-коллегии, осуществлялись через подрядчиков и откупщиков, которым могли предоставляться монополии. Казна, используя получаемое от заморской продажи казенных товаров серебро в качестве сырья для чеканки монеты, имела дополнительную прибыль. Еще С.М. Троицкий обратил внимание на заинтересованность правительства в получении иностранного серебра для чеканки монет как важную причину сохранения монополии на торговлю ременем, поташом и другими товарами¹.

В казенной монополии находились и отдельные географические направления внешней торговли. Одним из них была торговля с Китаем. Ее формы и организация, ассортимент товаров, цели и конкретные задачи были отличными от торговли не только с западными странами, но и с другими областями Востока. Причем значение и возможности, перспективы развития и преимущества тех или иных организационных форм торговли с Китаем по-разному рисовались Петру I, чиновникам учреждений коммерции, иностранным дипломатам и российским купцам. Рассмотрение их позиций позволит увидеть самую главную сухопутную торговлю в России, каковой торговлю с Китаем считал секретарь прусского посольства в Петербурге И.Г. Фоккеродт, в реалиях социальной и экономической жизни страны петровского времени. Специально этот аспект российско-китайской торговли ранее не рассматривался, хотя отдельные важные наблюдения в разное время и в различных контекстах в исследовательской литературе делались со второй половины XIX в.²

Колонизация Сибири и ее хозяйственное освоение в XVI–XVII вв., выход русских землепроходцев, вольных и служилых людей к берегам Амура и Тихого океана, основание военных крепостей и поселений привели к соприкосновению России с другой могущественной державой — Китаем, весьма враждебно отнесшейся к появлению «чужих» поселений у своих северных границ. Для закрепления и дальнейшего освоения дальневосточных земель русским властям были необходимы дипломатические и торговые связи с Китаем. Предпринимаемые на протяжении XVII в. попытки установить равноправные дипломатические отношения и договориться об организации торговли с Поднебесной оказались безуспешными.

¹ Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 177.

² См.: Семенов А.В. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле... Ч. 3. СПб., 1859. С. 61–69, 196–200; Мильков П.Н. Государственное хозяйство России и реформа Петра Великого. Изд. 2-е. М., 1905. С. 389–390.

Между тем в ходе дипломатической миссии в Китай томского казака И. Петлина в 1618–1619 гг., посольства Ф.И. Байкова в 1654–1658 гг. и особенно экспедиции Николая Спафария в 1675–1678 гг.³ были собраны богатые сведения об этой стране и составлены ее описания, получены исторические, этнографические, географические данные о народах Сибири, определены маршруты для дальнейших поездок в Китай. Более подробных сведений об Азии к тому времени в Европе не было. Например «Роспись Петлина» (отчет об экспедиции) была переведена на все европейские языки.

Китайские товары на Руси были известны давно. Их привозили осевшие в Сибири узбекские, уйгурские, таджикские торговцы, известные под собирательным названием «бухарские купцы». Причем по сведениям, приведенным А.В. Семеновым, бухарцы в 1673 г. привезли в Москву китайского выменянного товара на сумму в 4 раза большую (18 750 руб.), чем стоимость товаров, посланных с ними в 1670 г. в Китай из Москвы⁴. В 1670 г. из Тобольска был отправлен первый караван в Пекин⁵. И все же настоящая «правильная» торговля с Китаем стала возможной только после заключения в 1689 г. первого межгосударственного договора (Нерчинского) между Россией и маньчжурской династией Цин, правящей Китаем. В нем наряду с вопросами границ и политических отношений был закреплен принцип равноправия торговли для обеих сторон и разрешен свободный с проезжими грамотами приезд и выезд людям обеих стран «для своих дел», в том числе право «покупать и продавать, что им надобно» (статья 5-я).

Нерчинский договор, определив равные условия торговли, не касался вопросов ее организации. С этого времени в Пекин уже регулярно, обычно ежегодно, отправлялись купеческие караваны, но в 1698 г., когда в Пекин был послан первый казенный караван, велено было снаряжать их раз в два года, «дабы русские товары в Китае не умножались и не одешевилась бы на них цена»⁶. Двухлетний срок был определен не случайно. С.В. Березницкий в недавно изданной монографии, посвященной истории караванной торговли России с Китаем и ее значению в развитии отечественной науки XVIII в., обобщил сведения, содержащиеся в указах, документах Сената, Сибирского приказа и в трудах отечественных и зарубежных исследователей, и составил хронологию отправки торговых караванов в Китай

³ Николай Спафарий (1636–1708) — молдавский ученый, писатель, служил переводчиком в Посольском приказе.

⁴ Семенов А.В. Указ соч. С. 196.

⁵ Бочарников К. Краткое описание российского торгова, отправляемое сухим путем с Китаем, Бухарией, калмыками, Курляндию и Польшею. СПб., 1782. С. 6.

⁶ Семенов А.В. Указ. соч. С. 197.

за 1691–1756 гг.⁷ Из нее следует, что в среднем время следования каравана от Москвы до Пекина и обратно вместе с торгом составляло не менее двух-трех лет. Численность каравана могла достигать нескольких сот человек, среди которых были не только служилые люди, обеспечивавшие охрану, но и жители разных городов. Направляясь в Китай «для торгового своего промыслу», они в ответ на челобитные получали проезжие грамоты и место при караване. По Кяхтинскому договору 1727 г. русские купцы, численностью не более 200 человек, имели право раз в три года отправлять в Пекин торговые караваны, содержать там подворье со складами и церковью. Помимо караванов, следовавших в Пекин, на границе для беспошлинной торговли русского купечества с китайцами были определены два пункта — на р. Кяхте и на р. Аргуни близ Нерчинска.

Главную роль в русско-китайской торговле до начала XVIII в. играл Нерчинский острог. Однако с 1703 г. он постепенно утрачивал статус торгового центра, так как караваны в Китай отправлялись по более короткому маршруту через Селенгинск и Кяхту. В результате важнейшим торговым центром Сибири становится Иркутск, расположенный на пересечении путей из Якутии, Забайкалья, Западной Сибири. Важные детали, касающиеся пути движения каравана, трудности отдельных этапов маршрута, стоимость перевозки товаров на верховых лошадях, на санях, телегах, судах изложены в реляции 1722 г. в Коммерц-коллегию Николая Крисница, находившегося в Пекине «для усмотрения тамошняго купеческаго обхождения». Обозначая движение каравана из Пекина в Москву, он в качестве узловых пунктов на этом пути выделил Селингинск, Иркутск, Илимск, Енисейск, Томск, Тару, Тобольск. По наблюдению Н. Крисница, на этом длинном маршруте особенно трудны были сухопутные («земляные») участки через горы, леса и болота. Так, половина дороги от р. Енисея до р. Кети расстоянием в 80 верст пролегла по лесистой и болотистой местности, что вынуждало купцов перегружать товары на верховых лошадях, «которые часто падают в лесу, и товары подмачивают»⁸. Но и на водных участках маршрута встречались немалые препятствия, осложнявшие и тормозящие продвижение товаров и людей: на Байкале — это нехватка судов, на р. Ангаре — пороги и каменистые берега, отчего «часто люди падают в воду, когда лямкою тянут»⁹.

⁷ *Березницкий С.В.* Караванная торговля России с Китаем и отечественная наука XVIII в. СПб., 2017. С. 12.

⁸ Памятники сибирской истории XVIII в. / Под ред. А.И. Тимофеева. Кн. 2: 1713–1724. СПб., 1885. № 82. С. 379–381.

⁹ Там же. С. 379.

В конце XVII — начале XVIII в. Россия вывозила меха, а также железо, сукно. По свидетельству находившегося в Китае Н.П. Крисница, наибольшим спросом там пользовались соболя, черные лисицы, песцы, сибирские белки, илимские горностаи¹⁰. Из Китая поступали шелк, чай, ревен, золото, предметы искусства. Привозимые караванами драгоценные камни и металлы, табак, ревен являлись предметами государственной монополии¹¹. Сибирские меха везли сначала в Москву, в Сибирский приказ, а затем вместе с караванами отправляли в Китай¹². В 1706 г. пушной товар был объявлен монополией казны, а купцам и служилым людям запрещено было в Сибири торговать «мягкой рухлядью» и ездить с товарами в Китай¹³. Начиная с 1707 г. в Нерчинск и Иркутск для надзора за выполнением запрета проезда в «Цинскую империю» и продажи «заповедных» товаров посылались специальные надзиратели. Они не только должны были смотреть, чтобы никто из сибирских городов и уездов «в Мунгалы и в Китай ни за каким делом не ходил», но и чтоб воеводы служилых и торговых людей туда «ни для каких дел не посылали»¹⁴. Это увеличило казенный караванный торг в Китай пушным товаром. По данным, приводимым А.В. Семеновым, в 1696–1704 гг. с караваном отправлялось пушнины и других товаров на сумму в 26–47 тыс. руб., а уже в 1706 г. эта сумма выросла до 184 тыс. руб., т.е. как минимум в 4 раза¹⁵. Позднее запреты, наложенные на частную торговлю пушшиной, были смягчены. Петр I своим указом от 19 января 1710 г., направленным енисейскому воеводе, велел впредь в Москву с нарочными присылать соболей ценою выше 100 руб. сорок, а лисиц выше полтины за штуку. Более же дешевые меха соболей и лисиц разрешалось отдавать в сибирских городах купцам для продажи в Китае¹⁶. Частную торговлю с Китаем крупные купцы нередко вели через нанимаемых специально для этого приказчиков. Сохранилась крепостная запись рядного письма бывшего надзирателя Сибирской губернии табачного промышленника Алексея Осипова сына Евреи-

¹⁰ Там же. С. 377.

¹¹ *Болотина Н.Ю.* «Еду я для торгового своего промыслу». Китайские товары в России XVIII в. // Исторический архив. 2006. № 4. С. 174.

¹² *Скальковский К.* Русская торговля в Тихом океане: экономическое исследование русской торговли и мореходства в Приморской области Восточной Сибири, Кореи, Китая, Японии и Калифорнии. СПб., 1883. С. 139.

¹³ Памятники сибирской истории XVIII в. / Под ред. А.И. Тимофеева. Кн. 1: 1700–1713. СПб., 1882. № 68. С. 278–279.

¹⁴ Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. Т. 1. 1700–1725. М., 1978. № 39. С. 95–96.

¹⁵ *Семенов А.В.* Указ. соч. С. 197.

¹⁶ Памятники сибирской истории XVIII в. Кн. 1. № 93. С. 409–410.

нова со своим приказчиком томским жителем Максимом Григорьевым сыном Лебедевым. Запись была составлена в Московской крепостной конторе в мае 1720 г. по возвращении приказчика из Китая, куда он «ходил» с товаром Евреинова. Из записи следует, что найм приказчика для отправки с товаром в Китай был оформлен специальной записью и отдельным документом («отпуском»), в котором перечислялись отпускаемые в Китай товары. По завершении всех расчетов запись, «отпуск» и расписки в приеме товаров и денег были возвращены М.Г. Лебедеву. Что касается привезенного им китайского товара, среди которого преобладали шелковые ткани (байберек и камка), то они были переписаны, запечатаны князем М.В. Долгоруковым и отданы в Сибирскую канцелярию¹⁷.

До 1710 г. казенный караван возглавлялся опытным купцом, как правило, из гостей и гостиной сотни. В официальных документах его именовали купчиной. В 1698–1700, 1702–1704, 1708–1711 гг. это был гость Иван Прокофьевич Саватеев, а в 1706–1709 гг. — гость Петр Родионович Худяков. В 1710 г., когда была учреждена должность караванного комиссара, Худяков уже в новом статусе вновь повел караван в Пекин¹⁸.

В течение первого десятилетия от начала Северной войны правительство за счет концентрации в руках казны наиболее доходных сфер и видов торговли стремилось увеличить поступление денежных средств. В это время резко сокращаются возможности функционирования частного капитала. В 1705 г. торговля солью была объявлена монополией казны, и тогда же «новоопределенным указом» «из торговых людей никому ни с какими товары в Китай ездить и торговать не велено». После Полтавской победы 1709 г. и последующего занятия русскими войсками территории Эстляндии и Лифляндии с портами Ревель и Рига правительство пытается задействовать иные способы извлечения прибыли от торговой сферы. С объявлением Турцией войны России и в условиях подготовки к Прутскому походу Петр не устает напоминать о том, чтоб «деньги бережены везде были» и чтоб «денег, как возможно, собирать».

По свидетельству секретаря прусского посольства И.Г. Фоккеродта, «Петр I сам не один раз жаловался, что из всех правительственных дел нет ничего для него труднее торгового дела, и что никогда не мог составить себе яснаго понятия об общей связи торговли»¹⁹. 2 марта 1711 г. Петр I, подписав указ о создании Сената и утвердив

¹⁷ РГАДА. Ф. 282. Оп. 1. Ч. 1. Д. 545. Ч. 3. Л. 828 об. – 829.

¹⁸ Березницкий С.В. Указ. соч. С. 13.

¹⁹ Фоккеродт И.Г. Россия при Петре Великом // ЧОИДР. 1874. Т. 2. С. 73.

форму присяги на верность государственной службе²⁰, в тот же день отдельным указом возложил на новый правительственный орган задачу сбора денег и пополнения казны, «понеже деньги суть артериею войны». В числе направлений во исполнение этой генеральной задачи царь повелел Сенату рассмотреть вопрос о свободном торге людям всякого чина, «ежели не будет какова препятствия»²¹. В том же указе он обозначил «торг китайской», лаконично пояснив относительно его: «сделав компанию добрую, отдать». Как оказалось в дальнейшем, речь шла не о вольном компанейском торге, как могло быть воспринято в свете заявления о свободной торговле, а о передаче на откуп компании купцов торговли с Китаем, остававшейся в монополии казны. Одновременно на откупную систему Петр I ориентировал внутреннюю торговлю солью, с 1705 г. являвшуюся важнейшей казенной регалией.

С точки зрения финансовых интересов казны откупная система была наиболее предпочтительной. Она гарантировала получение фиксированной суммы дохода и не требовала организационных усилий по реализации товара. Вероятно, Петр I, предлагая при организации китайского торгога задействовать откупную систему, ориентировался на привычную практику ее использования на внутреннем рынке и при отпуске товаров в западные страны через Архангелогородский порт. Однако Сенат общую установку царя на свободный всем торг (его результатом стал указ от 1 октября 1711 г. «О свободной торговле всякого чина людям»)²² распространил и на торговлю с Китаем, и 13 апреля распорядился прислать из Сибирского приказа и из Ратуши сведения, нужные «для определения компаний, дабы китайский торг был свободен». В частности, Сенат интересовался, с какого года китайский торг начался, какие именно купцы и с какими товарами, на какую общую сумму денег в Китай ездили; кто возглавлял караваны, и какие изменения в объеме торговли произошли после указа 1705 г. о запрете свободной торговли с Китаем; наконец, какую прибыль от тех караванов получила казна. Такой же запрос был адресован сибирскому губернатору М.П. Гагарину²³. 31 июля появился новый приговор Сената о публикации в губерниях царского указа с призывом к людям «купеческого чина» китайский торг «взять в компанию», а в Москве по всем воротам о том же были прибиты «листы»²⁴.

²⁰ ПСЗ. Т. IV. № 2328, 2329.

²¹ Там же. № 2330.

²² Там же. № 2433.

²³ Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. Т. 1. 1700–1725. № 66, 67. С. 122–124.

²⁴ Там же. Комм. к № 66, 69. С. 596.

Во всех этих распоряжениях из виду не терялась и главная задача умножения «в том пошлин». Судя по всему, именно ее решению и должен был способствовать указ Петра I об отмене сословного принципа торговли. Распоряжение Сената навести справки у «знатных купецких людей», и если подлинно им «никакого препятия и обиды в торговых их промыслах от того не будет, то ... позволить всякаго чина людям торговать всеми товарами везде невозбранно... с платежем всех обыкновенных пошлин», вызвало едкое замечание царя²⁵. В письме в Сенат от 1 сентября 1711 г. царь объявил, что «о позволении торговли всем чинам» сенаторы «не в той материи поступили», объяснив им, что их забота состоит не в учете убытков торговым людям и «спросу тех, кои от того боготятца», а в обеспечении «государственной прибыли». «И сие или смеху ддя, или дачи от оных учинили по старым глупостям», — заявил царь, прямо намекая на возможность личной корысти сенаторов и угрожая им новым дознанием²⁶.

С самого начала самостоятельного правления Петра I отношение к купечеству, в том числе и привилегированному, было в значительной мере потребительским, оно рассматривалось как источник пополнения государственной казны и как средство решения хозяйственных задач. Интересы и нужды привилегированного купечества, если они шли в разрез с замыслами царя, во внимание не принимались.

Распоряжения Сената относительно китайской торговли также вызвали недовольство Петра I. В том же письме Сенату он настаивал: «О китайском торгу учинили вы весьма не так, как я говорил и писал: ибо не возможно чтоб посатским одним в такое великое дело вступить, но искать чтоб и знатных людей несколько человек и при них торговые во оное вступили»²⁷. Сенат, наконец, понял, в каком направлении ему следует действовать, и стал хлопотать об отдаче в компанию на откуп китайского торгового дела, остававшегося в монополии казны, назначив откупную сумму в 260 тыс. руб. в год. С учетом, что путь торгового каравана из Москвы до Пекина и обратно был долгим и занимал до трех лет, откупщикам предстояло выплатить казне до 780 тыс. руб. В ответ крупнейшие представители торгово-предпринимательского мира Москвы Алексей Остафьевич Филатьев, Матвей Григорьевич Евреинов и Илья Иванович Исаев подали в Сенат коллективное доношение, в котором прямо заявили, что компанию организовать «не возможно», потому что для этого надо составить

²⁵ ПСЗ. Т. IV. № 2349.

²⁶ Сборник РИО. Т. XI. СПб., 1873. № XXVI. С. 202–203. См. также: Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. Т. 1. 1700–1725. № 69. С. 125.

²⁷ Там же. С. 202–203.

капитал в 1,5 миллиона руб. Сбор столь огромной суммы потребует «многое время» и привлечения многих купцов, и за многолюдством и продолжительностью «в том торге времени в окончание счетов согласию быть не возможно». «А ежели вольный торг, — прибавляли они, — против прежнего с платежом обыкновенных пошлин учинен будет», то он будет способствовать «пожиточности» для многих, «отчего в казну царского величества» пребудет «не малое число пошлин». Развивая доказательства в пользу свободного торга, доносители заявляли, что и прежде, при свободе торговли, казенных товаров в Китай посылалось не меньше, а по запрещении в 1705 г. цены на русские товары не возросли, «а китайские товары не лучше прежних в привозе бывают, и в цене никакого повышения на те товары не прибыло»²⁸, следовательно, и казною никакого дополнительного прибýtка не получено.

Ссылка на недостаточность средств и на сложность их сбора и учета при неизбежном многолюдстве торговцев, привлекаемых в компанию, на первый взгляд может показаться несерьезной. Во всяком случае, царь считал, что для успеха дела достаточно, кроме посадских, привлечь в компанию несколько человек «знатных людей», а при них — чтоб «торговые в оное вступили». А.О. Филатьев, М.Г. Евреинов и И.И. Исаев, несомненно, относились к разряду «знатных», но не тех «знатных», которых хотел видеть в компании царь. Петр I, скорее всего, имел в виду представителей дворянско-чиновной знати, которую в это время он всячески побуждал включаться в торгово-промышленную сферу, участвовать в таких предприятиях, которые требовали значительных капиталов²⁹. Сенат же, вновь не поняв лапидарный стиль царя, обратился к знатному купечеству. Филатьев и Евреинов входили в состав корпорации гостей и гостиной сотни, Исаев был «гостиным сыном». Его отец, гость Иван Исаевич Исаев, в конце 1680-х — начале 1690-х гг. поставлял царской казне шелк, серебро, золото и другие товары, а в конце 1690-х состоял в купеческом «корабельном кумпанстве» и был избран одним из четырех бурмистров в только что созданную Бурмистерскую палату³⁰. Как и отец, Илья Исаев совмещал торговлю с административной деятельностью. В 1705 г. он являлся управителем Суконного двора, а в 1711 г. был на-

²⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 7. Кн. 373. Л. 1–2 об. См. также: *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 390.

²⁹ В 1717 г. в Петербурге в виде торгово-промышленной компании в составе П.П. Шафирова, П.А. Толстова и М.Ф. Апраксина была организована «Штофная и прочих шелковых парчей мануфактура». А еще раньше указ 1714 г. ориентировал дворянских «кадетов» на торговую деятельность.

³⁰ *Голикова Н.Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1 / Отв. ред. Л.А. Тимошина. М., 1998. С. 167.

значен обер-инспектором Рижского магистрата³¹. Отец гостя Алексея Филатьева, по наблюдению Н.Б. Голиковой, унаследовал капиталы крупнейшего в Москве в середине XVII в. торговца сибирской пушниной Богдана Филатьева и сам занимался соляным промыслом и соболиным торгом, совмещая их с казенными службами, в том числе в качестве соболиного оценщика в Сибирском приказе³². Однако потеря соляного и собольего промысла, в связи с введением на них в 1705 г. государственной монополии, резко ухудшила условия привычных для гостей видов занятий, а соответственно и возможности денежных накоплений. О масштабе этого процесса можно судить по сокращению оклада Алексея Филатьева и его трех братьев более, чем в 6 раз: с 1250 руб. в 1678 г. до 860 руб. в 1705 г. и 200 руб. в 1711 г.³³

Ухудшение финансового положения гостей и гостиной сотни также было связано с введением многих новых налогов, от которых прежние жалованные грамоты не защищали, поскольку они этих налогов не охватывали³⁴. В свете всех этих наблюдений становится понятным, почему в условиях сохранения казенной торговли с Китаем представители верхушки московского купечества отказались от взятия ее в компанию на откуп и выступили за восстановление вольного торгога.

В 1727 г. «российские купцы Санкт-Петербургские жители» в числе предложений, представленных в недавно созданную Комиссию о коммерции, вновь поднимали вопрос об открытии вольного китайского торгога. Они обращали внимание правительства, что от казенной монополии на торговлю с Китаем сбор пошлин падает, а торговому люду, «которой преже сего тем торгом торговали», происходит «великой упадок и разорение»³⁵. Комиссия о коммерции в 1727 г. также признавала, что от казенных караванов «большой прибыли не видно»³⁶.

И.Г. Фоккеродт, находившийся в России в начале 1720-х гг., ссылаясь на людей, знающих толк в торговых делах, писал, что «китайская торговля при теперешнем образе ее отправления в сущности больше вредна, чем полезна для Русского государства»³⁷. Он признавал, что

³¹ Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е — начало 60-х годов. М., 1999. С. 59.

³² Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в. М., 1988. С. 42.

³³ Материалы для истории московского купечества. Т. 1. Прилож. 3. М., 1891. С. 16–17; Доклады и приговоры Правительствующего Сената. Т. 3. Кн. 2. № 785. С. 797–798.

³⁴ Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 180.

³⁵ РГАДА. Ф. 1262. Оп. 6. Д. 6. Л. 10.

³⁶ РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 193. Л. 416.

³⁷ Фоккеродт И.Г. Указ. соч. С. 63.

караванный торг позволяет правительству сбывать меховой товар, «доставляемый ему в качестве дани с живущих в Сибири языческих народов» и поступающий в виде торговых пошлин этого края. Но, по его мнению, плохая организация хранения и продажи китайских товаров, их контрабандный привоз, а также «мошенничество представленных тут чиновников» были причиной того, «что большая часть барыша или пропадает, или переходит в их карманы». И это при том, что по его сведениям, «барыш должен быть чрезвычайно велик», поскольку издержки, несмотря на дальность расстояния, «не доходят до 5-ти процентов со ста на весь капитал». Умалая значение для России вывозимых из Китая товаров, Фоккеродт ратовал за развитие транзитной торговли «через эту страну» для сбыта китайских товаров «в других землях»³⁸. В этом он не был оригинален. Западноевропейские купцы не раз, начиная с правления царя Михаила Федоровича, пытались добиться права торговли со странами Востока через территорию России. Что касается Китая, то его правительство, кроме России, не имело договоров с европейскими странами о торговле. Но китайские товары попадали в Западную Европу морским путем на кораблях европейских купцов.

В 1727 г. наряду с указом о вольной торговле солью был обнародован указ Верховного тайного совета о передаче сибирского соболиного и «мягкой рухлядью» торгова, а также табака в вольную продажу. Эти указы, продолжившие отмену казенных регалий, начатую в 1719 г., не коснулись торговли с Китаем. И в дальнейшем правительство неоднократно (в 1731, 1734 гг.) запрещало российским подданным торговать «мягкой рухлядью» (камчатскими бобрами, рысью, белкой, лисицами и др.) в Пекине и местах, подвластных Китаю. Наконец, в 1739 г. именным указом Анны Иоанновны велено казенный караван в Китай отправить по-прежнему, а «впредь китайскому каравану в казенном торгу не быть, а собрать компанию знатных купцов и прочих персон, кто пожелает... положить капитал». Однако из-за «непреодолимых препятствий» компания учреждена не была, и правительство задумалось о возможности объявления свободной торговли с Китаем³⁹.

При правлении Анны Леопольдовны в этом же направлении размышлял первый кабинет-министр граф А.И. Остерман, который был весьма сведущ в делах коммерции. Это в свое время признавали и члены Верховного тайного совета, поручая ему в 1727 г. руководство Комиссией о коммерции, поскольку, по их мнению, «способнее его к такому делу другой персоны не изобрели»⁴⁰. В записке «О состоянии

³⁸ Там же. С. 62–64.

³⁹ РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 188. Л. 120–125 об.

⁴⁰ Сборник РИО. Т. 56. С. 538.

и потребностях России», составленной им в конце 1740 г. для представления Анне Леопольдовне, Остерман бегло коснулся и торговли с Китаем. Наилучшим средством ее организации он также считал учреждение китайской компании. Однако, видимо, памятуя о возникавших на этом пути препятствиях, допускал возможность свободной торговли с Китаем «с платежом знатной пошлины»⁴¹. Главным препятствием на пути организации купеческой компании признавался Кяхтинский договор 1727 г., по которому отправление торгового каравана в Китай разрешалось раз в три года. Вместе с длительностью и трудностью пути это определяло медленный оборот капитала, что не могло не отпугивать купцов от участия в компании, особенно при условии сохранения казенной монополии на торговлю с Китаем⁴².

Подведем итоги. В течение первого десятилетия от начала посылки караванов в Цинское государство казна, назначая их руководителями крупных купцов из гостей и гостиной сотни, оставалась главным участником и организатором торговых караванов. Но в составе караванов могли находиться и частные торговцы, направлявшиеся в Китай для собственного торга. В дальнейшем, стремясь к росту денежных поступлений, необходимых для обеспечения нужд Северной войны, правительство не только пушной товар, главный предмет экспорта России в Китай, но и весь китайский торг объявляет своей монополией. Эта мера, наряду с другими акциями казны по концентрации в своих руках наиболее доходных статей внутренней торговли и западного экспорта, резко ухудшила хозяйственное и финансовое состояние купеческой верхушки. В итоге Петру I, озабоченному поиском денег, не удалось связать казенный китайский торг с финансовыми доходами от откупной системы, несмотря на то что в целом откупа являлись одним из главных источников обогащения крупных купцов и наращивания их капиталов. Но в отличие, например, от питейных откупов, обеспечивавших эксплуатацию государством винной регалии, торговля с Китаем при длительности оборота капитала требовала несравненно больших средств. Собрать их одному купечеству, даже по признанию царя, было невозможно. После разрешения в 1762 г. частной торговли торговый оборот с Китаем начал быстро расти, и к 1780-м гг. увеличился в 5 раз, составляя в среднем более 6 млн руб. в год⁴³.

⁴¹ Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году // Памятники новой русской истории. Т. 3. СПб., 1873. С. 275.

⁴² РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 188. Л. 126 об.-127.

⁴³ Яковцевский В.Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953. С. 72.

Список литературы

Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в. М.: Наука, 1988. 189 с.

Березницкий С.В. Караванная торговля России с Китаем и отечественная наука XVIII в. СПб.: МАЭ РАН, 2017. 266 с.

Болотина Н.Ю. «Еду я для торгового своего промыслу». Китайские товары в России XVIII в. // Исторический архив. 2006. № 4. С. 172–207.

Бочарников К. Краткое описание российского торгового пути, отправляемое сухим путем с Китаем, Бухарией, калмыками, Курляндиею и Польшею. СПб.: Типография Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса, 1782. 23 с.

Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. I / Отв. ред. Л.А. Тимошина. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 524 с.

Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в.: 20-е — начало 60-х годов. М.: Археографический центр, 1999. 384 с.

Милюков П.Н. Государственное хозяйство России и реформа Петра Великого. Изд. 2-е. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1905. 678 с.

Семенов А.В. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII-го столетия по 1858 год. Ч. 3. СПб.: Типография И.И. Глазунова и К^о. 1859. 536 с.

Скальковский К. Русская торговля в Тихом океане: экономическое исследование русской торговли и мореходства в Приморской области Восточной Сибири, Корею, Китае, Японии и Калифорнии. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1883. 515 с.

Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М.: Наука, 1966. 275 с.

Яковцевский В.Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М.: Академия наук СССР, 1953. 204 с.

Поступила в редакцию
19 сентября 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2022-6-34-58

А.А. Исэров

**ГУСТАВ АДОЛЬФ БЕРГУД, ТАДЕУШ КОСТЮШКО,
ФРАНСИСКО ДЕ МИРАНДА: ИЗ ИСТОРИИ
РЕВОЛЮЦИОННЫХ ДВИЖЕНИЙ
РУБЕЖА XVIII–XIX СТОЛЕТИЙ**

A.A. Iserov

**GUSTAVUS ADOLPHUS BERGUDD, TADEUSZ KOŚCIUSZKO,
FRANCISCO DE MIRANDA: FROM THE HISTORY
OF REVOLUTIONARY MOVEMENTS AT THE TURN
OF THE 18th – 19th CENTURIES**

Аннотация. Статья воссоздает биографию Густава Адольфа Бергуда (1771/1772–1806) — уроженца Гданьска шведского происхождения, который прожил недолгую, но богатую событиями жизнь. Он воевал в кавалерийских частях в рядах повстанцев под предводительством Тадеуша Костюшко в 1794 г., после поражения восстания уехал в Америку, в 1797 г. встретился с Костюшко в Филадельфии, получил гражданство США в 1804 г., пытался заработать на жизнь мирным трудом в Западной Пенсильвании. Однако беспокойная натура уже в 1806 г. привела Бергуда в отряд добровольцев, возглавляемый венесуэльским революционером Франсиско де Мирандой: в качестве «капитана драгун» он участвовал в первой попытке свергнуть испанское господство в Новом Свете, но сразу попал в плен и вскоре был казнен вместе с другими девятью офицерами отряда Миранды в венесуэльской крепости Сан-Фелипе у города Пуэрто-Кабельо. В этом месте в 2006 г. ему, единственному из казненных, был установлен памятник. Воссоздание основных вех жизни Бергуда вносит коррективы в общепринятые представления об участии поляков в войнах за независимость Испанской Америки, восходящие к работе видного публициста, активиста объединенной Европы Юзефа Ретингера (1888–1960). Исследование судьбы Бергуда сталкивается с важной методологической проблемой: не сохранилось каких-либо источников, происходящих непосредственно от него самого (даже запись допроса — источник, созданный не допрашиваемым, а допрашивающим), соответственно, до нас его слова дошли в той или

Исэров Андрей Александрович, кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник ИВИ РАН

Iserov Andrey Aleksandrovich, PhD Candidate in History, Associate Professor, School of History, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Senior Research Fellow, RAS Institute of World History

+7-903-201-27-69; aisserov@hce.ru

иной степени искаженными. Автор приходит к выводу, что образ Бергуда, созданный во второй половине XX — начале XXI в. в основном в польской популярной литературе, увенчанный сооружением ему памятника, был мало связан с реальным человеком, о котором ранее почти ничего не было известно. Этот тип воплощал хрестоматийный «идеальный тип» поляка-борца, сражавшегося за свободу Венесуэлы.

Ключевые слова: Густав Адольф Бергуд, Тадеуш Костюшко, Франсиско де Миранда, войны за независимость Испанской Америки, разделы Польши, революционные движения рубежа XVIII–XIX вв.

Abstract. The article reconstructs the biography of Gustavus Adolphus Bergudd (1771/1772–1806), a Swedish-born native of Gdansk, who lived a short but eventful life. He fought in the insurgent cavalry regiment under command of Tadeusz Kościuszko in 1794, left for America after the defeat of the uprising, met Kościuszko in Philadelphia in 1797, received US citizenship in 1804, tried to earn his living as a worker in Western Pennsylvania. However, his restless nature led him to join the volunteer detachment of the Venezuelan revolutionary Francisco de Miranda as early as in 1806: as “captain of the dragoons”, he participated in the first attempt to overthrow Spanish domination of the New World, but was captured and soon executed with nine other officers from Miranda’s detachment in the Venezuelan fortress of San Felipe near the city of Puerto Cabello. He was only one of those executed whose memory was honoured with a monument erected there in 2006. Reconstructing the milestones of Bergudd’s life corrects the generally accepted view of Polish participation in the wars of Spanish American independence, which goes back to the work of the prominent publicist and activist of a united Europe, Józef Retinger (1888–1960). The study of Bergudd’s fate faces an important methodological problem: no sources directly deriving from him have survived (even the interrogation record is a text created not by the interrogee, but by the interrogator), so his words have reached us in one way or another distorted. The author concludes that the image of Bergudd, which was created in the second half of the 20th and early 21st centuries mainly in Polish popular literature and crowned with his monument, was little related to the real person almost unknown previously. This image embodied an “ideal type” of the Polish fighter for the freedom of Venezuela.

Keywords: Gustavus Adolphus Bergudd, Tadeusz Kościuszko, Francisco de Miranda, the wars of Spanish American independence, the Partitions of Poland, revolutionary movements in the late 18th and 19th centuries.

* * *

Статья посвящена судьбе малоизвестного офицера по имени Густав Адольф Бергуд (Gustavus/Gustaw Adolph(us) Bergudd)¹ — ветерану польского восстания 1794 г., который встречался с Костюшко в Филадельфии в 1797 г., затем в 1806 г. под предводительством уроженца Каракаса, революционера Франсиско де Миранды (1750–1816)

¹ В источниках его фамилия приводится в следующих вариантах, очевидно, со слуха: Bergud / Bergadd / Berguat / Berguat / Berguett / Burgudd / Burgood.

участвовал как «капитан драгун» в первой попытке свергнуть испанское господство в Новом Свете, но сразу попал в плен и был казнен в венесуэльской крепости Сан-Фелипе у города Пуэрто-Кабельо. Это первая детальная попытка, следуя «основному инстинкту» историка², собрать всё, что дошло до нас об этом человеке.

Источники, в которых было обнаружено имя Бергуда, следующие: письмо бывшего адъютанта и секретаря Тадеуша Костюшко Юлиана Урсына Немцевича (1757–1841) кн. Адаму Казимиру Чарторыйскому (1734–1823), воспоминания Немцевича (1823–1838 гг.), воспоминания (1844–1846 гг.) филаделфийского купца Петера Адольфа Гротъяна (1774–1850), документ о натурализации Бергуда в США, документы, хранящиеся в архиве Франсиско де Миранды, опубликованные материалы суда над плененными участниками экспедиции Миранды, воспоминания участников экспедиции и позднее свидетельство (1846 г.) пенсильванского журналиста и, как мы сказали бы сегодня, краеведа Карла/Чарльза Циста (Charles Cist, 1792–1868). Возможно, какие-то материалы еще можно найти в городском архиве Гданьска и пенсильванских архивах. Важно, что все эти источники, за исключением воспоминаний участников экспедиции Миранды, создавались независимо друг от друга, но в том, что касается личности Бергуда, рисуют непротиворечивую картину.

Итак, Густав Адольф Бергуд родился в 1771/1772 г.³ в Гданьске⁴ — третьем городе Польши, после Варшавы и Познани, население которого составляло в 1794 г. почти 37 тысяч жителей. И ко времени разделов Польши Гданьск сохранил свою особость, оставаясь городом в основном лютеранским: в 1751–1775 г. лютеране составляли 85,6 процентов его населения, в 1776–1800 гг. — 76,5 процентов⁵, поль-

² Уваров П.Ю. Апокатастасис, или основной инстинкт историка // Казус. 2000. М., 2001. С. 15–32 (перепечатано с авторским комментарием в: Уваров П.Ю. Между «ежами» и «лисами»: Заметки об историках. М., 2015. С. 10–32).

³ Во время первого и второго допросов 23 мая и 8 июня 1806 г. ему было 34 года. См.: De Ocumare a Segovia (juicio militar a los expedicionarios mirandinos, 1806) / Equipo de investigación R. Berrios, A. Arismendi, et al. T. 1–2. T. 2. Caracas, 2006. P. 277, 291 (благодарю И. А. Христофорова, который сделал для меня фотокопию источника). См. также: *Goicoechea [Navarro]* C. Inventario de los documentos del proceso seguido en el año 1806, al General Francisco de Miranda y otros prisioneros // Homenaje a Federico Navarro: Miscelánea de estudios dedicados a su memoria. Madrid, 1973. P. 162; *Polanco Alcántara T.* Francisco de Miranda. ¿Don Juan o Don Quijote? Caracas, 1997. P. 499; *Mondolji Gudat E.* Las memorias de Moses Smith // Boletín de la Academia Nacional de la Historia (Caracas). Vol. LXXXIX. N 354 (abril–junio 2006). P. 129.

⁴ Юлиан Урсын Немцевич — кн. Адаму Казимиру Чарторыйскому, 28 августа 1806 г. // *Niemcewicz J.U.* Listy z Ameryki do Adama Kazimierza Czartoryskiego (1798–1806). Toruń, 2003. S. 121; *Idem.* Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne. Leipzig, 1868. S. 266 (изд. 1957 г. — Т. II. S. 232–233).

⁵ *Kriegseisen W.* Ewangelicy wobec powstania kościuszkowskiego // *Kościuszek — powstanie 1794 r.* — tradycja / Pod red. J. Koweckiego. Warszawa, 1997. S. 91–121.

зуюсь гражданскими правами, всей полноты которых были лишены евреи и меннониты⁶. Впрочем, как видно уже из его имени, Бергуд, безусловно, не был «обычным» поляком. Некий Бергуд служил в 1774–1783 гг. шведским консулом и комиссаром по торговым делам в Гданьске, так что вполне вероятно, что наш герой был его сыном или по крайней мере родственником. Нельзя исключать, что Бергуды происходили из гданьской шведской диаспоры, восходившей еще к двум волнам католической эмиграции 1520-х — 1530-х гг. и рубежа XVI–XVII вв.⁷ Впрочем, Густав Адольф Бергуд был лютеранином, что мы узнаём как из следственного дела⁸, так и из всех воспоминаний попавших в плен участников экспедиции: во время казни протестантов отделили от католиков, и он принадлежал к первым. В предсмертном письме Бергуд просит передать известия о своей судьбе двоюродному брату “E. Stattmiller” «в Данциге»⁹. Вероятно, речь идет о купце Элизюсе Штаттмиллере (Штаттмюллере, Штатдмюллере, умер 26 марта 1830 г.) — близком друге и доверенном лице семейства Шопенгауэров (отец философа перевез семью из Гданьска в Гамбург после раздела Польши в 1793 г.)¹⁰.

Со слов Ю.У. Немцевича мы знаем, что в восстании Тадеуша Костюшко 1794 г. Бергуд участвовал в качестве гусара¹¹. Косвенным подтверждением служит то обстоятельство, что Бергуд в экспедиции Миранды будет зачислен, как мы увидим, в состав кавалерийского полка. К сожалению, в разнообразных работах по военной истории восстания 1794 г.¹², в изданных списках офицеров армии

⁶ *Istoria Gdańska / Opracowanie zbiorowe pod red. E. Cieślaka*. 5 tt. Gdańsk, 1978–1997. T. III/2: 1793–1815. S. 7; T. III/1: 1655–1793. S. 641; *Kościelak S.* Gdańsk XVI–XVIII wieku — bezpieczna przystań dla religijnych uchodźców? Z dziejów koegzystencji międzywyznaniowej w epoce nowożytnej // *Studia historica Gedanensia*. T. V. 2014. S. 196–216.

⁷ *Bieniecki T.* Gdańsk: jego dzieje i kultura. Warszawa, 1969. S. 67. К сожалению, в книге Бенецкого отсутствует научный аппарат. В других работах по истории Гданьска, в том числе по шведско-гданьским связям, фамилия «Бергуд» не упоминается. См.: *Łygas W.* Gdańsk. Szwedzkie karty historii. Gdańsk, 2001; *Idem.* Szwedzkie opowieści: z dziejów polsko-szwedzkich XIV–XVIII w. Gdańsk, 2005.

⁸ *De Ocumare a Segovia*. T. 2. P. 277, 285.

⁹ *Ibid.* P. 291.

¹⁰ См., например: *Hübsher A.* Unbekannte Briefe von Johanna Schopenhauer an ihren Sohn // *Jahrbuch der Schopenhauer-Gesellschaft*. Bd. 53. 1973. S. 148; Bd. 57. 1976. S. 109–118, 123.

¹¹ Юлиан Урсын Немцевич — кн. Адаму Казимиру Чарторыйскому, 28 августа 1806 г. // *Niemcewicz J.U.* Listy z Ameryki do Adama Kazimierza Czartoryskiego: (1798–1806). S. 121.

¹² *Korzon T.* Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Wyd. 2. T. 1–3. T. III. Lwów, 1923; *Skalkowski A.* Z dziejów insurekcji 1794 r. Warszawa, 1926; *Bauer Krz.* Wojsko koronne powstania kościuszkowskiego. Warszawa, 1981; *Herbst St.* Z dziejów wojskowych powstania kościuszkowskiego 1794 roku. Warszawa, 1983.

Речи Посполитой¹³ и образованных после 1794 г. генералом Яном Генриком Домбровским (1755–1818) польских легионов на наполеоновской службе¹⁴ имя Бергуда (в разных вариантах написания) отсутствует. Если верить Немцевичу, то остается предположить, что житель Гданьска скорее мог служить в расквартированных сравнительно близко от родного города I или II Великопольской бригаде народной (национальной) кавалерии (*kawaleria narodowa*), первая из которых была создана в 1776 г. после военной реформы, включив бывшие гусарские части, а вторая — выделена в 1789 г. из первой. Собственно гусарскими назывались в армии Костюшко 1794 г. только две части: сформированный в 1794 г. в Варшаве из галичан отряд королевской кавалерии майора Ксаверия Красицкого и организованная в 1776 г. I бригада (гусарская, ковенская) народной кавалерии Великого княжества Литовского, но служба Бергуда в них менее вероятна¹⁵. Один из исследователей утверждает, правда, голословно, что Бергуд участвовал в битве под Мацеёвицами¹⁶, в которой,

¹³ *Machynia M., Szrednicki Cz. Oficerowie Rzeczypospolitej Obojga Narodów, 1717–1794. Kraków, 1998–2003. T. 1: Oficerowie wojska koronnego. Cz. 1. Sztaby i kawaleria; Cz. 2. Artyleria i wojska inżynierskie; Cz. 3. Piechota; Cz. 4. (Gdański J.) Formacje targowicy szkolnictwo wojskowe, varia, uzupełnienia; T. 2. Lietuvos didžiosios kunigaikštystės karininkai 1777–1794. Благодарю В.А. Яковенко, который по моей просьбе посмотрел эти издания в библиотеке Варшавского университета.*

¹⁴ *Pachonński J. Oficerowie Legionów Polskich, 1796–1807. T. 1–2. Kraków 1999–2003. T. 1. Korpus oficerski Legionów Polskich, 1796–1807; T. 2. Słownik biograficzny oficerów Legionów Polskich, 1796–1807; Idem. Legiony polskie. Prawda i legenda. 1794–1807. T. 1–4. Warszawa, 1969–1979. T. 1. Działalność niepodległościowa i początki legionów. 1794–1797; T. 2. Zwycięstwa i klęski. 1797–1799; T. 3. Znad Renu na San Domingo. 1799–1802; T. 4. “Z ziemi włoskiej do Polski”. 1800–1807. Кстати, в том же Гданьске чуть раньше Бергуда родился упомянутый в «Пане Тадеуше» Мицкевича легендарный генерал Владислав Яблоновский (1769–1802), сын чернокожего слуги и англичанки, признанный ее польским мужем-аристократом, ровесник и однокурсник Наполеона, офицер французской армии и участник движения Костюшко, который попросился в Сан-Доминго с войсками польских легионов и почти сразу после начала боевых действий против восставших рабов скончался от желтой лихорадки.*

¹⁵ *Gembarzewski B. Rodowody pułków polskich i oddziałów równorzędnych od r. 1717 do r. 1831. Warszawa, 1925. S. 7, 8, 10, 17; Rospond V.W. Polish Armies of the Partitions, 1770–1794. Oxford, 2013. P. 16, 18–19, 23–24, 46; 19, 34, 38–39; Kozłowski E. Bitwa maciejowicka — 10 października 1794 // Od Raclawic do Maciejowic. Kraków, [s.d.]. S. 30–31 (схема Юзефа Гусаржевского, Józef Husarzewski).*

¹⁶ *Magaziner H. J. Study Report. Thaddeus Kosciuszko National Memorial. February 20, 1973. P. 9 (копия в архиве автора). Архитектор и историк филadelphийской архитектуры Генри Магазинер (1911–2011) упоминает Бергуда в своем обосновании ценности сохранившегося дома, где остановился Костюшко. Магазинер опирается на статью деятеля польской диаспоры в США Эдварда Пиньковского (1916–2020), который, видя угрозу старинному зданию, самостоятельно его выкупил и организовал закончившуюся успехом кампанию за его реставрацию и превращение в музей Костюшко. Но Пиньковский не пишет, что Бергуд участвовал в битве под Мацеёвицами. См.: Pinkowski E. General Thaddeus Kosciuszko // The Millennium of the Polish People: One Thousand Years of Christianity. S.l. [Philadelphia], s.a. [1966?]. P. 67. — URL:*

впрочем, сражался целый ряд кавалерийских частей, но не гусарских. Сам Бергуд на допросе скажет, что в экспедиции Миранды ему дали воинское звание, соответствовавшее званию на его родине, значит (если, конечно, верить ему), в восстании 1794 г. он был капитаном¹⁷. Поскольку после третьего раздела Польши Бергуд должен был стать подданным Пруссии, из российского плена он, если попал в него, подобно тысячам участников восстания, был бы сразу отпущен¹⁸. Так или иначе, он вскоре отбыл в Америку.

Придя к власти в 1796 г., Павел I сразу же освободил почетного петербургского узника Тадеуша Костюшко, но тот изъявил желание не оставаться в Российской империи, несмотря на явно выказанное расположение и многочисленные дары нового царя, а направиться в Соединенные Штаты Америки, где поначалу надеялся обрести новую родину¹⁹. После долгого путешествия Костюшко прибыл в Филадельфию — так вышло, в разгар печально известной эпидемии желтой лихорадки — вечером 18 августа 1797 г. вместе со своим адъютантом и секретарем Юлианом Урсыном Немцевичем, лейтенантом Либицевским, без помощи которого еще не оправившийся от полученных под Мацеёвицами ран Костюшко не смог бы спуститься с трапа корабля, и слугой Станиславом Домбровским²⁰.

Именно в эти августовские дни Костюшко посетил уроженец Гамбурга, филадельфийский купец Петер Адольф Гротъян вместе с нашим героем, который тогда служил в торговой конторе, как раз напротив пансиона Сары Лоусон, где поначалу остановились польские гости. Через почти полвека Гротъян записал свои впечатления: «Я был свидетелем их первой встречи, потому что мы вместе пошли на

http://www.mipolonia.net/wp-content/uploads/2017/10/The-Millennium-of-the-Polish-People_966-1966.pdf (дата обращения 23.02.2018).

¹⁷ De Ocumare a Segovia. Т. 2. Р. 280.

¹⁸ См.: Дьяков В.А. Т. Костюшко и его соратники после сражения при Мацеёвице (1794–1798) // Славяноведение. 1993. № 5. С. 68, 70.

¹⁹ Гагарин М., кн. Разговоры императора Павла I-го с Тадеушем Косцюшко в Петербурге / Сообщ. Г.А. Воробьев // Русская старина. Т. 124. № 11 (нояб. 1905). С. 392–396; Горяинов С. М. Заточение Т. Костюшки в крепости (1794–1795) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1912. Кн. 1 (240). М., 1912. С. 1–28; Дьяков В.А. Тадеуш Костюшко в русской столице // Родина. 1992. № 8–9. С. 152–155; *Lubicz-Pachoński J. Kościuszko w niewoli carskiej, 1794–1796*. Kraków, 1947.

²⁰ Niemcewicz J.U. Podróże po Ameryce 1797–1807. Warszawa, 1959. S. 33–36; *Lubicz-Pachoński J. Kosciuszko po Insurekcji*. Lublin, 1986. S. 131–140; *Kozłowski W.M. Pobyt Kościuszki i Niemcewicza w Ameryce: (w latach 1797 i 1798)* // Biblioteka Warszawska. 1906. Т. 4. S. 241–284; *Idem. Rozstanie Kościuszki i Niemcewicza w Filadelfii (według dokumentów nieogłoszonych)* // Kwartalnik Historyczny. 1906. R. XX. № 1–2. S. 225–252; *Rush Family Papers. Series I. Subseries I. Vol. 30. P. 39a–39b*. Library Company of Philadelphia (опись: http://dla.library.upenn.edu/dla/pacscl/ead.pdf?id=PACSCSL_LCP_LCPRush; дата обращения 1.03.2018).

квартиру Костюшко, что было поистине трогательно. Закаленный герой, ставший калекой на поле сражения, с еще не исцеленными ранами, горячо обнял молодого товарища и несколько раз с чувством его поцеловал. Оба они проливали слезы, слышались всхлипы» (I was a witness to their first meeting, because we went together to Kosciuszko's quarters. It was truly affecting. The weather-beaten hero, carved into a cripple on the field of battle, some of his wounds still unhealed, fervently embraced his youthful companion and affectionately and repeatedly kissed him. Both of them shed tears, and their sobs were audible)²¹.

В 1804 г. Густав Адольф Бергуд получил в Нью-Йорке гражданство США²². Через сорок лет пенсильванский издатель Карл/Чарльз Цист напишет о своем знакомом Бергуде, уроженце Польши, «страны, чьи люди недовольны дома и еще более несчастливы за границей» (a country whose people are dissatisfied at home and more unhappy still abroad). По словам Циста, Бергуд пытался заняться предпринимательством сперва в Питтсбурге (Пенсильвания), а потом в городке поблизости, где и встретил автора. К труду Бергуд питал отвращение и не имел способностей, но чувствовал в себе призвание к чему-то большему, выходящему за рамки обыденности (*better things*). Проникнутый республиканским духом, Бергуд говорил: «Где живет свобода, там моя страна» (where liberty dwelt, there was his country), — и когда узнал о готовящейся экспедиции Миранды, направился в Нью-Йорк. Затем Цист якобы получил письмо от Бергуда из городка близ венесуэльской Куманы, в котором тот писал об успехах разворачивающейся революции, но с постскриптумом, где говорилось о казни автора. Цист заключает, что никто из его знакомых не отвечал столь полно его «образу героя» (so completely my idea of a hero), для которого лучше всего было умереть, сражаясь «в последний час смертельной схватки Польши за свободу» (in the last hour of Poland's death struggle for liberty)²³.

²¹ Цит. по: *Pinkowski E.* Op. cit. P. 67; *Magaziner H.J.* Op. cit. P. 9. Рукопись лишь частично изданных воспоминаний Петера Гротьяна хранится в Пенсильванском историческом обществе: Peter Adolph Grotjan memoirs (1844–1846) // Historical Society of Pennsylvania. Collection Am.0708.

²² Passenger and Immigration Lists Index.— URL: https://search.ancestry.com/collections/7486/records/2359306/printer-friendly?tid=&pid=&usePUB=true&_phsrc=ofq5&_phstart=successSource (дата обращения 24.02.2018). Список основан на: Naturalizations in Federal Courts, New York District, 1790–1828 // The New York Genealogical and Biographical Record. Vol. 97. N 1 (Jan. 1966). P. 1–8; Vol. 97. N 2 (Apr. 1966). P. 106–114; Vol. 97. N 3 (July 1966). P. 157–162; Vol. 97. N 4 (Oct. 1966). P. 219–222.

²³ [*Cist Ch.*] A Chapter in Human Life // The Cincinnati Miscellany, or Antiquities of the West: And Pioneer History and General and Local Statistics / Comp. from the Western General Advertiser, from April 1st 1845, to April 1846 [vol. II], by Charles Cist. Cincinnati (Oh.), 1846. P. 140–141 (September 1845).

В материалах испанского суда Бергуд назван холостяком и «земледельцем по роду занятий» (*de oficio agricultor*), что, в общем, соответствует образу, созданному Цистом, — вполне вероятно, что в своих скитаниях в Западной Пенсильвании он мог пытаться заняться и сельским трудом. Во время допроса Бергуд сказал, что жил в Пенсильвании близ р. Огайо, т.е., выходит, как раз в Питтсбурге или близ него, что средств у него было всего 25 долларов, однако он владел недвижимой собственностью (наверное, землей — может, поэтому назвал себя «земледельцем») и получил гражданство США, поскольку иностранцы не могли быть ее собственниками²⁴. Возможно, наш герой переехал в Западную Пенсильванию как раз после 1804 г., получив гражданство. Выходец из, очевидно, зажиточной семьи важного портового города распахивает целину? — но как раз для Соединенных Штатов в этом не было в то время ничего удивительного, стал ведь, скажем, уже в 1820-е гг. старший сын наполеоновского маршала и неаполитанского короля Иоакима Мюрата (1767–1815), племянник самого Наполеона Ашиль Мюрат (1801–1847) одним из первопроходцев в освоении североамериканцами Флориды²⁵.

В тексте Циста, никогда прежде не становившегося объектом внимания исследователей, Бергуда зовут Чарльзом (Charles F.), почему мы, не разобравшись еще в его шведских корнях, в свое время ошибочно полонизировали нашего героя, сочтя, что его подлинным именем было «Кароль Биркут»²⁶. Эдвард Пиньковский также решил, что фамилия нашего героя «Биркут»²⁷. До конца, кстати, неясно, сам ли Цист был автором цитированного текста, ведь в конце 1805 — начале 1806 гг., когда Бергуд завербовался в экспедицию Миранды, Цисту не исполнилось еще 14 лет.

Что же это была за «экспедиция Миранды», о которой пишет пенсильванский издатель? Более двадцати лет, с 1783 г., уроженец Каракаса, «Предтеча» (*Precursor*) независимости Испанской Америки Франсиско де Миранда (1750–1816) готовил революционное выступление, надеясь заинтересовать своим замыслом иностранные державы — Британскую империю, США, Францию, Россию. После

²⁴ De Ocumare a Segovia. Т. 2. Р. 277, 280. Нам, к сожалению, не удалось найти имя Бергуда в отсканированных описях пенсильванских земельных архивов: <http://www.phmc.pa.gov/Archives/Research-Online/Pages/Land-Records-Indices.aspx> (дата обращения 9.05.2018).

²⁵ См.: Murat A. *Esquisse morale et politique des Etas-Unis de l'Amérique du Nord*. Paris, 1832.

²⁶ Исэров А. А. Североамериканские связи Франсиско де Миранды (продолжение) // *Американский ежегодник*. 2013. М., 2013. С. 76.

²⁷ Pinkowski E. *Op. cit.* Р. 67.

ряда неудач Миранда решил действовать на свой страх и риск. Опираясь на помощь старых друзей в США, где он провел полтора года (1783–1784), Миранда мечтал о двух кораблях с «двумястами храбрых [северо]американцев» (или хотя бы — несколькими дюжинами) и грузом в 4, а то и 20 тысяч ружей²⁸. Значит, венесуэлец ждал, что за двумястами пойдут четыре или даже двадцать тысяч добровольцев (для сравнения, в 1808 г. во всех американских владениях вооруженные силы Испанской империи составляли 125 700 чел.)²⁹, а за ними — уже вся Испанская Америка: из искры возгорится пламя. Осложнившиеся после покупки Соединенными Штатами Луизианы в 1803 г. испано-американские отношения позволяли Миранде надеяться и на возможную помощь администрации президента Томаса Джефферсона.

Итак, чтобы воплотить свой новый замысел, 9 ноября 1805 г. Миранда прибыл в Нью-Йорк. Он встретился с целым рядом виднейших политиков, в том числе и самим Джефферсоном, но в итоге помог Миранде только его друг Уильям Стивенс Смит (1755–1816), ветеран Войны за независимость США, зять бывшего президента Джона Адамса, представлявший тогда федеральную власть в Нью-Йоркском порту. Он познакомил венесуэльца с одним преуспевающим купцом, которого уговорили рискнуть — передать на нужды экспедиции один из своих кораблей и оплатить ее снаряжение в расчете на троекратное возмещение расходов в случае успеха. Закупки удалось произвести между 9 и 25 января: торговое судно превратили в военное и загрузили его оружием, амуницией и униформой в расчете едва ли не на несколько тысяч человек. В те же дни набрали и участников экспедиции. Если обычный экипаж судна “Leander” составлял 60–80, максимум 90 человек, то здесь состав первоначально насчитывал примерно 180 человек, в том числе 20 (потом 26) офицеров³⁰, одним из которых и стал Густав Адольф Бергуд. Среди вербовщиков были сам Уильям Стивенс Смит и несколько его знакомых, включая мясника из лихого нью-йоркского квартала Бауэри (Bowery) Джона Финка. Сын богатого купца и зять бывшего прези-

²⁸ Франсиско де Миранда — Руфусу Кингу, 23, 30 августа 1803 г., 10 февраля 1804 г. // *The Life and Correspondence of Rufus King, Comprising his Letters, Private and Official, his Public Documents and his Speeches* / Ed. by Ch.R. King, 6 vols. Vol. IV. New York, 1894–1900. P. 431. Черновики писем: *Archivo del General Miranda / Dirig. e revisada por Vicente Dávila*. T. I–XV. Caracas, 1929–1938; T. XVI–XXIV. La Habana, 1950 (далее: AGM). T. XVI. P. 348, 349 (Colombeia. Negociaciones. T. IV. F. 100v–101, 187).

²⁹ *The Wars of Independence in Spanish America* / Ed. by Ch.I. Archer. Wilmington (Del.), 2000. P. 301.

³⁰ AGM. T. XVII. P. 348–350 (Colombeia. Negociaciones. T. VI. F. 216); AGM. T. XVIII. P. 66–68 (Colombeia. Negociaciones. T. VII. F. 113–114v).

дента связывается с мясником, который вербует простой люд среди собственных подмастерьев и в тавернах!

Именно Смит и Финк набрали 22-х человек, которые на суше должны были служить конным эскортом Миранды — «первым полком легких драгун». Выдав аванс, Финк обманывал рядовых участников, говоря им, что они будут служить в конной охране — то ли почты на маршруте из Вашингтона в недавно приобретенный и беспокойный Новый Орлеан, то ли самого президента в его поездке на юг страны. Командиром полка стал нью-йоркский судовладелец Дэниель Дёрнинг (Daniel R. Durning), который, как свидетельствовал позднее один из рядовых «драгун», также участвовал в вербовке участников экспедиции³¹. Бергуд, как и Дёрнинг, был зачислен в штат полка капитаном, вместе с первым лейтенантом, португальцем Паулу Жоржи (Paolo T. George) и корнетом Эдвардом Йетсом (Edward Yates)³². Обещанное капитанское жалование, 6 долларов в день³³, в общем, примерно соответствовало заработку офицеров Армии США³⁴, причем срок службы исчислялся с запасом — с 1 января 1806 г.³⁵ Всего капитанов в экспедиции было семь, выше стояли два полковника, один подполковник и один майор³⁶.

Почти все офицеры экспедиции, видимо, лишь в самых общих чертах знали, в каком предприятии собирались принять участие, хотя понимали, что им придется воевать в Южной Америке. На допросе Бергуд сказал, что его вербовал Уильям Стивенс Смит, который объяснил ему, что экспедиция направляется в недавно присоединенную Луизиану, что война США с Испанией уже готовится (но в тайне, что объясняет конспирацию) и продлится примерно год-два. Бергуд добавил, что в конце 1805 — начале 1806 г. в Нью-Йорке много говорили о возможном столкновении с Испанией. В Новом Орлеане Бергуд

³¹ *Incidents in the Life of John Edsall. Catskill (N.Y.)*, 1831. P. 48. Бергуд на суде говорил, что «драгун» было 21 человек, возможно, не считая командующего. См.: *De Ocumare a Segovia. T. 2. P. 278.*

³² *AGM. T. XVII. P. 348–350 (Colombeia. Negociaciones. T. VI. F. 216).*

³³ Бергуд, впрочем, в своем предсмертном письме говорит о сумме в 5 долларов в день. См.: *De Ocumare a Segovia. T. 2. P. 291.*

³⁴ Перед англо-американской войной 1812–1815 гг. жалование старшего офицера не превышало 200 долларов в месяц. См.: *Hickey D.R. A War of 1812: A Forgotten Conflict. Urbana (Ill.)*, 2012. P. 72.

³⁵ *AGM. T. XVIII. P. 66 (Colombeia. Negociaciones. T. VII. F. 113–114v); [Biggs J.] The History of Don Francisco de Miranda's Attempt to Effect a Revolution in South America. In a Series of Letters... To Which Are Annexed, Sketches of the Life of Miranda, and Geographical Notices of Caracas. Boston, 1808 (переиздания: Boston, 1809, 1810, 1811, 1812; London, 1809). P. 45.*

³⁶ *AGM. T. XVII. P. 348–350 (Colombeia. Negociaciones. T. VI. F. 216); AGM. T. XVIII. P. 66–68 (Colombeia. Negociaciones. T. VII. F. 113–114v); [Biggs J.] Op. cit. P. 17n–20n.*

должен был получить за службу у некоего немца Андреаса Хюнндера (Andrés Hynnder, возможно, Hinder) 1500 долл.³⁷

Если рядовой состав экспедиции почти исключительно состоял из нью-йоркских простолюдинов, то офицеры подчас представляли довольно известные семьи. Среди них были, в частности, упомянутые судовладелец и единственный, кроме Бергуда, иностранец — выходец из богатой португальской семьи, бежавший от семейного надзора в Новый Свет с мечтами о вольности и деньгах; разорившийся нью-йоркский предприниматель и сын канадского политика; сын полковника времен Войны за независимость, одного из адъютантов самого Джорджа Вашингтона; младший, четырнадцатый сын главного хирурга Континентальной армии США в годы Войны за независимость, в будущем — первый президент независимого Техаса³⁸. Если о некоторых офицерах экспедиции сохранились хотя бы отрывочные сведения в бумагах Миранды, то Бергуд (Capt. Gustavus Adolphus Burgood, Gustavus Adolph: Burgudd) присутствует только в офицерских списках, датированных 1 января и 14 февраля 1806 г. К сожалению, он не упомянут и в судовом журнале экспедиции³⁹.

Итак, утром 2 февраля 1806 г. “Leander” отплыл из Нью-Йоркской гавани, а 3 февраля пришвартовался на Стейген-Айленде, где на борт взошел главнокомандующий разношерстной армией — Франсиско де Миранда⁴⁰. 17 февраля экспедиция прибыла в гаитянский порт Жакмель, где Миранде с большим трудом удалось зафрахтовать на 50 дней две маленькие шхуны, “Vaschus” всего с одной девятифунтовой пушкой, и легко вооруженную филадельфийскую “Bee”⁴¹, на которую и перешел почти в полном составе «первый полк легких драгун», включая Бергуда⁴². 12 марта на корабле был поднят золото-сине-красный флаг, ставший впоследствии основой национального флага Венесуэлы, а 24 марта в гавани Жакмеля каждого участника экспедиции заставили присягнуть «армии Колумбии» — «быть верным и преданным свободному народу Южной Америки,

³⁷ De Ocumare a Segovia. Т. 2. P. 277–292, esp. p. 280, 285–287. К сожалению, даже если этот человек действительно существовал, нам не удалось найти о нем сведений, в том числе в генеалогических базах данных.

³⁸ См.: Исэров А. А. Указ. соч. С. 73–79.

³⁹ [Molini T.] Journals. 1805 a 1807 — National Maritime Museum (Greenwich, UK). JOD/141.

⁴⁰ Бергуд, подобно другим пленным участникам экспедиции, на допросе скажет, что впервые увидел Миранду на второй день после отплытия (De Ocumare a Segovia. Т. 2. P. 280).

⁴¹ О происхождении судна см. сведения филадельфийской газеты: Aurora. 27.05.1806; 25.08.1806.

⁴² [Sherman J.H.]. General Account of Miranda's Expedition ... New York, 1808. P. 31.

независимой от Испании»⁴³. Тем самым, только в тот день все окончательно узнали, в каком предприятии согласились участвовать. Попытка побега с “Bee” рядовых «драгун» не удалась: белому человеку невозможно было скрыться на острове⁴⁴. Вместо запланированных пяти дней Миранде пришлось задержаться на Гаити почти на полтора месяца, и — поскольку подготовку экспедиции в Нью-Йорке не удалось скрыть от посланника Мадрида в Вашингтоне — испанские власти успели принять предупредительные меры на северном побережье Южной Америки.

25 апреля всё было готово к высадке в районе венесуэльского города Окумаре-де-ла-Коста. Вперед Миранда отправил шхуны “Bacchus” и “Bee”. 27 апреля шхуны встретились с кораблями испанской береговой охраны (*guarda costas*), на следующий день испанцы атаковали — огневая помощь “Leander” оказалась недостаточной, и менее чем за час битва завершилась. Двое, включая капитана “Bee”, погибли. Пятеро участников экспедиции были захвачены в плен уже на венесуэльском берегу, куда они направились на шлюпке⁴⁵. Вместе с Бергудом в плен попало 58 человек, включая 18 членов команды обоих судов и 18 офицеров⁴⁶, был захвачен ряд вещественных доказательств⁴⁷. Миранда решил вести оставшийся корабль к британцам, на Гренаду, Барбадос и Тринидад, где ему удалось заручиться поддержкой военно-морских и гражданских властей, однако же предпринятый в августе второй десант на испаноамериканскую землю не увенчался успехом. Когда стало ясно, что местное население не доверяет Миранде, революционер успел покинуть побережье с остатками экспедиции. До начала революции в Испанской Америке оставалось только четыре года, но господство Мадрида пока казалось незыблемым.

⁴³ AGM. T. XVIII. P. 207–209 (Colombeia. Negociaciones. T. VIII. F. 96–96v).

⁴⁴ [Sherman J. H.] Op. cit. P. 34.

⁴⁵ [Molini T.] Op. cit. 28.04.1806 (s.p.); Diary and Letters of Henry Ingersoll, Prisoner at Carthagea. 1806–1809 / Ed. by E. Erle Sparks // American Historical Review. Vol. 3. N 4. July 1898. P. 681–682; De Ocumare a Segovia. T. 2. P. 627, 477–484; [Biggs J.] Op. cit. P. 73–78; [Sherman J. H.] Op. cit. P. 48–51; History of the Adventures of Moses Smith... Albany (N.Y.), 1814. P. 29.

⁴⁶ [Molini T.] Op. cit. 29.04. 1806 (s.p.); General Return of Officers Non Comm^d Off^{rs} Rank & File &c Capturd by the Spaniards on B^d the Schr^s Bacchus & Bee 27th Ap^l 1806. – AGM. T. XVII. P. 378–379 (Colombeia. Negociaciones. T. VI. F. 270–270v). В этом документе, где говорится о 58 пленных, ошибка: офицеры Миранды на “Leander” посчитали убитого капитана “Bee” пленным, но ошиблись в общем подсчете на единицу. Обвинительный приговор был вынесен 57-ми, но нужно учесть, что один из пленных умер, не дождавшись приговора: De Ocumare a Segovia. T. 2. P. 627; [Biggs J.] Op. cit. P. 74–78.

⁴⁷ De Ocumare a Segovia. T. 1. P. 328–330.

Пленных со шхун “*Vacchus*” и “*Bee*” отправили в кандалах сначала в соседний Пуэрто-Кабельо, а затем в примыкавший к этому порту замок Сан-Фелипе⁴⁸. На четвертый день умер командир «первого полка легких драгун» Дёрнинг. Допросы пленных начались в середине мая. Показания были часто противоречивы. Так, Бергуд, который, как мы уже писали, утверждал, что Уильям Стивенс Смит вербовал его якобы для участия в боевых действиях против Испании на стороне США, говорил, что военная форма на корабле соответствовала образцам Армии США, что очевидно не соответствовало правде⁴⁹.

Во время закрытого разбирательства, на котором подсудимые не присутствовали, прокурор потребовал для всех пленных старше 17 лет смертной казни, но президент Королевской аудиенсии (т.е. верховного судебного органа) Каракаса, губернатор и генерал-капитан Венесуэлы Мануэль де Гевара Васконселос (1739–1807) 12 июля смягчил приговор: смертная казнь была сохранена только для офицеров экспедиции старше 28 лет — таковых всего было десять человек. Он счел свое решение «печальным, но необходимым примером суровости» и добавил, что «умеренная строгость этого приговора станет препятствием для непокорных умов», приказав после казни обезглавить тела повешенных и выставить их головы на видных местах в соседних городах — Окумаре-де-ла-Коста, Валенсии, а также Ла-Гуайре (порте-спутнике Каракаса) и в самом Каракасе. Остальные участники были приговорены к восьми или десяти годам заключения. Приговор был объявлен заключенным только 20 июля⁵⁰.

Среди осужденных на смерть были и офицеры-кавалеристы Густав Бергуд и Паулу Жоржи. В день объявления приговора пригово-

⁴⁸ См.: *Ibid.* Т. 1–2; [Sherman J.H.] *Op. cit.* P. 53–111; *History of the Adventures of Moses Smith*. P. 29–135; *Incidents in the Life of John Edsall*. P. 20–69, *Diary and Letters of Henry Ingersoll, Prisoner at Carthagena, 1806–1809*. P. 681–702.

⁴⁹ *De Ocumare a Segovia*. Т. II. P. 278. Франсиско де Миранда заказал у нью-йоркского портного Уильяма Веймана голубые мундиры с желтыми воротничками и манжетами, но у четверти комплектов мундиры были зелеными с черными воротничками (по словам Бергуда, зелено-черные мундиры предназначались для стрелков). См.: *The Trials of William S. Smith, and Samuel G. Ogden, for Misdemeanours, had in the Circuit Court of the United States for the New-York District, in July, 1806*. New York, 1807. P. 28, 109–110. В Армии США форма была синяя с красным.

⁵⁰ *De Ocumare a Segovia*. Т. 2. P. 627–639; *Polanco Alcántara T.* *Op. cit.* P. 499 (Поланко Алькантара, впрочем, делает ошибку в цитировании архивного документа, говоря, что возраст, старше которого офицерам полагалась смертная казнь, составлял 25 лет); *Memorial of twenty citizens of the United States of America, confined under sentence of Slavery, in the dominions of his most Catholic Majesty, the king of Spain, to the President, Senate, and House of Representatives [Carthagena, Dec. 30, 1806]* // [Sherman J.H.] *Op. cit.* P. 96–98n; Мельчор Дьепа — Мельчору Идальго Яньесу // *AGM. T. XX*. P. 182 (*Colombeia. Negociaciones*. Т. XI. F. 174).

ренным разрешили написать последние письма — по иронии истории, их перевел на испанский язык для следственного дела молодой каракасский чиновник Андрес Бельо (1781–1865), который в 1810 г. сразу после начала войны за независимость в Испанской Америке приедет в составе небольшой миссии в Лондон искать поддержки революционерам и остановится дома у Миранды. Свое последнее письмо Бергуд направил жителю Нью-Йорка Льюису Пинкарду (Lewis S. Pincard). Среди прочего он просил передать его чемодан с бумагами некоему Миллару Питтбеноку (B. Millar Pittbenok), разыскать вербовщика экспедиции Уильяма Стивенса Смита с тем, чтобы тот заплатил ему положенные за службу деньги для передачи капитану Уильяму Долджу (William Dolge). В генеалогических базах данных нам пока удалось найти только Льюиса С. Пинтарда (Lewis S[earle] Pintard, 1732–1818) — богатого купца из нью-йоркского пригорода Нью-Рошель⁵¹.

Казнь состоялась 29 июля в присутствии трех рот испанской армии. Очевидцы свидетельствуют, что храбрее всех вели себя Бергуд, который успел произнести яркое революционное обращение и сам прыгнул с эшафота, не дожидаясь палача, и ирландец Томас Донохью⁵². Вот как описывают казнь Бергуда ее свидетели:

<p>[<i>Sherman J.H.</i>] A General Account of Miranda's Expedition, Including the Trial and Execution of Ten of His Officers. And an Account of the Imprisonment and Sufferings of the Remainder of his Officers and Men Who Were Taken Prisoners.</p>	<p>[<i>Biggs J.</i>] The History of Don Francisco de Miranda's Attempt to Effect a Revolution in South America. In a Series of Letters... To Which Are Annexed, Sketches of the Life of Miranda, and Geographical Notices of Caracas. 2nd ed.</p>	<p>History of the Adventures of Moses Smith, during five years of his life; from the beginning of the year 1806, when he was betrayed into the Miranda expedition, until June 1811, when he was nonsuited in an action of law, which lasted three</p>	<p><i>Ingersoll H.</i> Narrative of Miranda's Expedition [ca. 1815]. P. 32 — Boston Athenaeum. S47⁵³.</p>	<p>Incidents in the Life of John Edsall. Catskill (N.Y.), 1831. P. 33–34.</p>
--	---	---	--	---

⁵¹ https://www.ancestry.com/interactive/7590/4440844_00295?pid=282371&treeid=&personid=&rc=&usePUB=true&_phsrc=PT110&_phstart=successSource (дата обращения 4.07.2018).

⁵² [*Sherman J.H.*] Op. cit. P. 73–75; History of the Adventures of Moses Smith. P. 50; Incidents in the Life of John Edsall. P. 29, 32, 34.

⁵³ Благодарю выпускницу Киевского университета А.Ю. Баженову (Люблинский католический университет), которая по моей просьбе сделала копию этой рукописи в Бостоне в марте 2014 г.

<p>Upon the authority of a person who was an Officer under Miranda, who was taken and condemned to ten years imprisonment, and who after suffering nearly two years, effected his return home. New York, 1808. P. 75–76.</p>	<p>Boston, 1810. P. 304⁵⁴.</p>	<p>years and a half. To which is added a biographical sketch of Gen. Miranda. Albany (N.Y.), 1814 (1-е изд. — Brooklyn (N.Y.), 1812). P. 51–52.</p>		
<p>Bergud, a native of Poland, and a brave fellow, evinced a great contempt of death. After the ropes were round his neck — he observed, “<i>Fellow prisoners, we have all suffered much, // but my sufferings will soon end. I die innocent, and relief will come from that source</i> (pointing to Miranda’s colours) <i>Miranda’s arms will rid you of your chains and triumph over your oppressors. When that shall happen, remember to avengemy death</i>” —</p>	<p>Bergud, a native of Poland, evinced indifference for the fate which awaited him: he observed that they had all suffered much, but his miseries were soon to end; declared his innocence, and his belief that the arms of Miranda would rid the survivors of their chains.</p>	<p>I omitted to notice in its proper place the heroic conduct of the intrepid Bergud. He was a native of Poland. After the ropes were // fixed on his neck, he turned with an affectionate look towards his companions, and pointing emphatically to the colours and other implements of war, taken on board the schooners, and piled together to swell the pomp of the execution, he exclaimed, “Have courage my brave</p>	<p>Bergud, a Polish officer, before he swung from the gallows, observed, “<i>Fellow-prisoners, we have all suffered much, but my sufferings will soon end, I die innocent, and my revenge will come under those colours</i>” (pointing to Miranda’s colours) and then leaped from the scaffold gallows.</p>	<p>Mr. Bergud was a Pole. After the ropes were adjusted to his neck, he turned to us with a mild and affectionate look, and pointing to a pile of colours, cannon, and other trophies which had been taken from the schooners, and which were placed in our view, in derision, he exclaimed, “Have courage my comrades; do not despair of living to wreak your vengeance upon these blood-hounds; // <i>Miranda will</i></p>

⁵⁴ «Второй лейтенант артиллерии» Джеймс Биттс не попал в плен, и приведенный рассказ, взятый либо из текста Уильяма Шермана, либо из другого рассказа одного из очевидцев, появился в качестве приложения только в изданиях с 1810 г.

<p>then without waiting for the executioner, jumped from the scaffold and ended his existence at once⁵⁵.</p>		<p>comrades; from such as these will your deliverance yet come; Death will soon end my griefs, and Miranda will free you from your chains! Then avenge my fate” Having said this, he jumped freely from the scaffold and expired at once.</p>		<p>yet free you from your fetters; <i>then</i>, avenge my death.” He then sprang from the scaffold, and immediately expired.</p>
---	--	---	--	--

Мы знаем, что четыре автора свидетельств о казни Бергуда — очевидцы, приговоренные к тюремному заключению, но либо бежавшие, либо помилованные в 1807–1809 гг. и благополучно добравшиеся до дома. Двое из них, Шерман и Ингерсолл, — типографы (Шерману, впрочем, уже в ходе экспедиции предложили перейти в офицеры, и он стал вторым лейтенантом), а двое других, Смит и Эдсалл, — рядовые «драгуны», завербованные Финком⁵⁶. Из сопоставления текстов мы видим, что они отличаются лишь литературными украшениями, а в основном совпадают: либо четыре очевидца действительно почти дословно запомнили, как себя вёл и что говорил Бергуд в свои последние минуты, либо же трое позднейших мемуаристов опирались в своих рассказах на «протограф» — свидетельство первого автора, т.е. Шермана. Нельзя даже совсем исключить, что Бергуд и не вёл себя столь ярко героически, но Шерман, первый летописец плена и суда, запомнил или захотел представить события именно так, а за ним последовали другие свидетели.

⁵⁵ Это же место (с более точно расставленными знаками препинания) в перепечатках фрагментов книги Шермана см.: *An Account of the Sufferings of the Crew of Two Schooners, part of the Squadron of General Miranda, which were taken by Two Spanish Guarda-Costas, in June, 1806; written by one of the Sufferers who made his escape* // *Monthly Magazine; or, British Register*. Vol. XXVII. Part I. For 1809. N 182 (March 1809). P. 117; *An Account of the Sufferings of the Crew of two Schooners, part of the Squadron of General Miranda, which were taken by two Spanish Guarda-Costas, in June, 1806; written by one of the Sufferers who made his escape* // *The Irish Magazine, or Monthly Asylum for Neglected Biography*. April 1809. P. 151; *From the Monthly Magazine* // *Select Reviews of Literature, and Spirit of Foreign Magazines*. By E. Bronson, and others. Vol. II. Philadelphia, 1809. P. 49; *From the Monthly Magazine* // *The Georgia Journal* (Milledgeville, Ga.). 18.07.1810. P. [2].

⁵⁶ AGM. T. XVII. P. 349, 378–379 (Colombeia. Negociaciones. T. VI. F. 217, 270).

Знали ли польские политические круги об экспедиции Миранды и участии в ней своего соотечественника? Сам Миранда в 1783–1784 гг. лично познакомился со многими североамериканскими военачальниками, но с Костюшко он не встретился, хотя, осматривая Вест-Пойнт, и записал в своем дневнике, что форт Патнэм «построил американский генерал *Костюшко (Kosiuszque)*, поляк по рождению, который прибыл на этот континент во время революции»⁵⁷. Однако, разумеется, у Миранды и Костюшко было много общих не просто знакомых, но друзей. Так, например, в 1805 г. в Филадельфии Миранда посетит дом Бенджамина Раша (1745/1746–1813), который в 1797 г. встречал Костюшко и заботился о его лечении, — именно Раш снабдил венесуэльца рекомендательными письмами для президента Томаса Джефферсона и государственного секретаря Джеймса Мэдисона (1751–1836)⁵⁸. Костюшко навсегда покинул Соединенные Штаты еще 5 мая 1798 г., но вот Немцевич в 1805–1806 гг. как раз жил под Нью-Йорком, в Элизабеттауне (Нью-Джерси)⁵⁹. Уже 9 февраля 1806 г. Немцевич сообщает из Нью-Йорка кн. Адаму Казимиру Чарторыйскому, отцу знаменитого Адама Ежи Чарторыйского, об отплытии «секретной и очень интересной» экспедиции Миранды⁶⁰.

Судя по газетам того времени, путь из Каракаса в Филадельфию или Нью-Йорк занимал примерно 15–16 дней, а список попавших в плен был выслан из Каракаса уже 3 июля⁶¹. 23 августа в нью-йоркской прессе появилась весть о казни участников экспедиции, а 25 августа — имена казненных⁶².

28 августа 1806 г. Немцевич пишет кн. Чарторыйскому, что все, прибывшие на двух захваченных кораблях, были «повешены как негодяи» (*powieszeni jak łotry*), включая «гданчанина Бергуда, который во время нашего восстания служил в гусарах». Далее в тексте идет

⁵⁷ *Viajes por los Estados Unidos de la América del Norte* // AGM. T. I. P. 253 (Colombia. *Viajes*. T. V. F. 176 — после 20 февраля 1784).

⁵⁸ *Robertson W.S.* Francisco de Miranda and the Revolutionizing of Spanish America // *Annual Report of the American Historical Association for the Year 1907*: In 2 vols. Vol. I. Wash., D.C., 1908. P. 363n.

⁵⁹ Немцевич женился на вдове одного из деятелей Войны за независимость США, Джона Кина, Сьюзен Ливингстон Кин (1759–1833) и, казалось, собирался остаться в США до конца жизни. В 1802–1804 гг. он ездил в Польшу в связи со смертью отца, а в 1807 г. после создания по Тильзитскому миру наполеоновского протектората Великого герцогства Варшавского возвратился в Польшу, а уже после подавления восстания 1830–1831 гг. переехал в Париж.

⁶⁰ *Niemcewicz J.U.* Listy z Ameryki do Adama Kazimierza Czartoryskiego. S. 117.

⁶¹ *The British Press*. Augt 8th. From the United States Gazett (sic!). Extract of a Letter from Caracas, July, 3rd // AGM. T. XXIII. P. 185–186 (Colombia. *Negociaciones*. T. XVII. F. 174). Здесь Бергуд указан как *Gustavus Adolphus Berguad*.

⁶² *New-York Commercial Advertiser*. 23.08.1806. P. 3; 25.08.1806. P. 3. В этой газете Бергуд, впрочем, назван не по имени, а просто — «польский джентльмен».

странная фраза: «Говорят, что один знатный человек в Люблинском воеводстве носил по нему траур, как по своему земляку» (Mówią, że pan jeden wielki w Lubelski[e]m, ma nosić po nim żałobę jako po swoim Landsmanie)⁶³. Очевидно, Немцевич говорит о самом кн. Адаме Казимире Чарторыйском, уроженце Гданьска, чье родовое поместье как раз располагалась в Пулавах Люблинского воеводства, но каким образом князь мог быстрее чем за месяц узнать о казни в Пуэрто-Кабельо?! Видимо, таким образом Немцевич извещает кн. Чарторыйского о судьбе Бергуда.

К сожалению, мы вряд ли узнаем, почему после поражения восстания 1794 г. Бергуд не вступил в ряды польских легионов, и точно никогда не узнаем, как он отнесся бы к Великопольскому восстанию генерала Домбровского, которое начнется буквально через три с лишним месяца после казни в Пуэрто-Кабельо, а затем и к скорому взятию родного Гданьска (Данцига, после 1793 г.) наполеоновскими войсками (в их рядах были польские части) и провозглашению его формальной независимости в середине 1807 г.

Какова была посмертная судьба нашего героя? Одна нью-йоркская газета почтила память десятерых казненных участников экспедиции: не пройдет и двадцати лет, писал журналист, как героизм этих жертв на «алтаре деспотизма» станет «патетической темой для ораторов и сюжетом для художников и скульпторов Каракаса!»⁶⁴. Газета удивительным образом точно предсказала (а вернее сказать — угадала) срок провозглашения независимости Испанской Америки, однако об участниках экспедиции Миранды 1806 г. поначалу никто не вспоминал. Только в 1897 г. и 25 февраля 1899 г. сперва в Маракае, а потом в Пуэрто-Кабельо были установлены внушительные, увенчанные фигурами кондоров памятные колонны десятерым казненным участникам экспедиции Миранды⁶⁵, сохранившиеся до наших дней. Ясен политический контекст установки памятника во время британо-венесуэльского пограничного спора из-за Британской Гви-

⁶³ *Niemcewicz J.U. Listy z Ameryki do Adama Kazimierza Czartoryskiego*. S. 121–122 (благодарю Д.А. Добровольского за уточнение перевода последней фразы). В своих мемуарах Немцевич вспомнил «одного поляка из Гданьска, чье имя я не помню» (między tymi był jeden Polak z Gdańska, którego nazwiska nie pamiętam): *Idem. Pamiętniki czasów moich: dzieło pośmiertne*. S. 266 (изд. 1957 г.: Т. II. S. 232–233).

⁶⁴ *New York, August 30 // Aurora*. 2.09.1806.

⁶⁵ *Monument to United States Citizens // Monthly Bulletin of the Bureau of the American Republics*. Vol. VI. Pt. 2. Wash., D.C., 1899. P. 1610–1611; *New York Press*. 12.03.1899; *General Miranda's Expedition // Los Angeles Herald*. 26.03.1899; *Wreath for General Miranda's Tomb // New-York Daily Tribune*. 22.05.1900; Ср.: *Chacón Rodríguez D.R. Nueva interpretación historiográfica de la Expedición Libertadora de Miranda, en 1806 // Las independencias de América Latina: génesis, proceso y significado actual / Coord. y ed. C. Bohórquez*. Caracas, 2009. P. 285.

аны, в котором Соединенные Штаты поддерживали Венесуэлу. Так поляк со шведскими корнями Густав Адольф Бергуд вместе с португальцем Паулу Жоржи оказались запечатлены в числе североамериканских добровольцев.

Вновь открыл Бергуда уроженец Кракова, воспитанник графа Владислава Замойского Юзеф Ретингер (1888–1960), сегодня известный как «серый кардинал» послевоенной европейской интеграции и создатель того самого знаменитого Бильдербергского клуба, который ежегодно собирает евроатлантический истеблишмент⁶⁶. В своей популярной книге о поляках в мировой истории он упоминает Бергуда в числе тех, кто сражался за «свободу и демократию». Ретингер ссылается на Мозеса Смита и Джеймса Биггса (этот офицер экспедиции находился на корабле “Leander” и, таким образом, избежал плена, но в своей книге привел список тех, кто в плен попал) и, процитировав отрывок о поведении Бергуда перед казнью, добавляет, что его «героизм вошел в легенду в Южной Америке» (*heroism przeszedł do legendy w Ameryce Południowej*). На самом деле, в Южной Америке никто не узнал о героизме Бергуда, память о котором сохранилась, как мы видели, только в свидетельствах участников экспедиции из США, частично переведенных на испанский язык уже в XX в., но никогда не издававшихся массовым тиражом. В одном своем утверждении Ретингер невнимателен, считая, что в плен был захвачен «один из кораблей» (*jeden ze statków*), тогда как захваченных кораблей было два, а в другом — похоже, просто додумывает, голословно утверждая, что в экспедиции Миранды состояло, помимо Бергуда, еще несколько, «возможно, около дюжины» поляков, чьи имена до нас не дошли (*Między nimi było również kilku Polaków czy też nawet kilkunastu, których nazwiska nie doszły do nas*)⁶⁷. Подчеркнем, что никаких свидетельств участия в экспедиции Миранды других поляков, которые могли присоединиться к ней, если не с самого начала в Нью-Йорке, то в Британской Вест-Индии, например, на Тринидаде, нам найти не удалось.

Как очень часто бывает, утверждения первооткрывателя темы повторяют в течение десятилетий, не перепроверяя их. На Ретингера ссылается автор многочисленных книг о морской истории Польши

⁶⁶ См.: *Wilford H.* CIA plot, socialist conspiracy, or new world order? the origins of the Bilderberg group, 1952–55 // *Diplomacy and Statecraft*. Vol. 14. N 3 (Sept. 2003). P. 70–82; *Pieczewski A.* Joseph Retinger’s conception of and contribution to the early process of European integration // *European Review of History — Revue européenne d’histoire*. Vol. 17. N 4. Aug. 2010. P. 581–604.

⁶⁷ *Retinger J.H.* *Polacy w cywilizacjach świata do końca wieku XIX-go*. Warszawa, 1937 (репринт: Gdańsk, 1991). S. 173. Косвенное доказательство тому, что источники Ретингера ограничены Мозесом Смитом и Джеймсом Биггсом, следующее: автор называет три варианта имени нашего героя — *Bergadd/Burgudd/Bergud*: ровно те, которые присутствуют в этих двух свидетельствах.

Ежи Пертек⁶⁸, а уже на Пертека опираются дипломат Ян Дрогоевский⁶⁹, писатель Войцех Сулевский⁷⁰, и, главное, ведущий специалист по польским диаспорам в Латинской Америке, профессор Познаньского университета Мария Парадовская⁷¹, а за Парадовской — киевский рецензент ее книги А.А. Стрелко⁷². Кратко упоминается Бергуд в общих работах по связям Польши и Латинской Америки⁷³ и даже в публицистике⁷⁴.

Вслед за Пертеком исследователи стали называть еще два имени польских участников экспедиции Миранды — ветерана восстания Костюшко Исидора Боровского (ок. 1776–1838) и Филиппа Мавриция Марцинковского (Фелипе Мартин, ок. 1785–1854), которые действительно воевали за независимость Испанской Америки, но, повторюсь, доказательств их присутствия в экспедиции 1806 г. пока не найдено. Впрочем, докторант Варшавского университета Тереза Сонта-Ярошевич, наиболее внимательно исследовавшая тему участия поляков в Войне за независимость Испанской Америки, также не ставит под сомнение, что американский боевой путь Боровского и Марцинковского начался в экспедиции Миранды⁷⁵. Ссылаясь на Сонту-Ярошевич, чилийский автор новейшего словаря наполео-

⁶⁸ *Pertek J. Polacy na szlakach morskich świata. Wrocław, 1957. S. 392–393.* Интересно, что Пертек посвятил целую главу (s. 394–399) морскому путешествию Немцевича в США, но о знакомстве Немцевича с Бергудом не узнал.

⁶⁹ *Drohojowski J. Ameryka Łacińska z bliska. 2 wyd. Warszawa, 1973. S. 84.*

⁷⁰ *Sulewski W. Konterfekty Dziwnych Polaków. Warszawa, 1973. S. 36–37.*

⁷¹ *Paradowska M. Polacy w Ameryce Południowej. Wrocław, 1977. S. 43–45; Eadem. Wkład Polaków w rozwój cywilizacyjno-kulturowy Ameryki Łacińskiej. Warszawa, 1992. S. 148.*

⁷² Советская этнография. 1979. № 5. С. 178; *Стрелко А.А. Славянское население в странах Латинской Америки: исторический очерк. Киев, 1980. С. 75.*

⁷³ *Budrewicz O. Spotkania z Polakami. Warszawa, 1969. S. 22; Kochanek K. Los Polacos en el Perú. Lima, 1979. P. 54; Urbanski E. S. Sylwetki polskie w Ameryce Łacińskiej w XIX–XX wieku. T. 1–2. Stevens Point (Wisc.), 1991. T. 1. S. 74–75; Cichocka M. Les Polonais en Amérique Latine: un autre regard // *Amérique Latine Histoire et Mémoire. Les Cahiers ALHIM. 2002. N 4.* — URL: <http://journals.openedition.org/alhim/483> (дата обращения 7.03.2018); *Szczypanczyk M. Polska-Wenezuela: Historia i współczesność. S.l., 2013. P. [3, 4].* — URL: <http://caracas.msz.gov.pl/resource/49278e63-67e2-4e4c-8f49-69b9682fcfd1:JCR> (дата обращения 24.02.2018); etc.*

⁷⁴ Tomasz Jankowski: Geopolityka człowieka lewicy. 04.09.2015. — URL: <http://geopolityka.org/analizy/tomasz-jankowski-geopolityka-czlowieka-lewicy> (дата обращения 24.02.2018).

⁷⁵ *Jaroszewicz Zb., Sońta-Jaroszewicz T. Militares polacos al servicio de Independencia al lado de Miranda y Bolívar // Relaciones entre Polonia y Colombia: pasado y presente. Warszawa, 2006. P. 81–86; Sońta-Jaroszewicz T. Militares polacos al servicio de Miranda y Bolívar en la guerra de Independencia // *Tiempos de América. Revista de Historia, Cultura y Territorio (Castellón). N 16. 2009. P. 26–31; Eadem. Los polacos en la lucha por la Independencia del norte de América del Sur // El sueño bolivariano. Estudios polaco-españoles sobre la Independencia latinoamericana / Ed. par U. Ługowska. Warszawa, 2017. P. 85–111.**

новских офицеров — участников боливаровских войн, также считает, что Боровский и Марцинковский служили вместе с Бергудом в экспедиции 1806 г., но еще почему-то полагает, что наш герой мог участвовать и в боях Французской революции, а с Мирандой познакомился около 1790–1791 гг. в Лондоне⁷⁶.

Поляк Феликс Зубр, оказавшийся в Венесуэле в 1947 г.⁷⁷, узнал о Бергуде из венесуэльских работ, ссылавшихся на воспоминания Шермана, Смита, Эдсалла, и захотел увековечить его имя⁷⁸. Инициатива Зубра была поддержана, в том числе финансово, мэрией Пуэрто-Кабельо, и 21 июля 2006 г. (возможно, 29 июля — к 200-летию казни) в городе, не так далеко от памятной колонны 1899 г., был торжественно открыт памятник. Надпись гласит: «Пуэрто-Кабельо чтит капитана Густава А. Бергуда, польского патриота экспедиции Миранды, который отдал свою жизнь в этом городе за свободу нашей родины. 29 июля 1806 г.» (Puerto Cabello rinde homenaje al Cap. Gustaw A. Bergud patriota polaco de la expedición mirandina que offrendo su vida en esta ciudad, por la libertad de la nuestra patria. 29 julio de 1806). Бергуд стал таким образом единственным из десяти жертв экспедиции Миранды, удостоившимся отдельного поминовения.

Памятник был установлен в удачный момент: 200-летняя годовщина экспедиции Миранды отмечалась в Венесуэле широко, шире, чем 200-летие со дня его кончины в 2016 г.: в 2006 г. Венесуэла стала самой быстро растущей экономикой в Латинской Америке, успех,

Марцинковский сделал карьеру в армии Великой Колумбии и остался жить в Боготе. Боровский также участвовал в важнейших битвах Войны за независимость в Южной Америке, был адъютантом Симона Боливара, но потом покинул Новый Свет и служил сначала в Египте Мухаммеду Али, а затем создавал современную армию для династии Каджаров и погиб в Афганистане, командуя персидскими войсками при осаде Герата.

⁷⁶ Diccionario de los militares napoleónicos durante la independencia de los países bolivarianos (Colombia, Venezuela, Panamá, Bolivia, Ecuador) / Comp. y invest. P. Puigmal. Santiago de Chile, 2015. P. 97, 117, 279 passim.

⁷⁷ Вероятнее всего, Феликс Зубр оказался в числе польских Ostarbeiters и попал после войны в число перемещенных лиц (displaced persons, DP). Именно в 1947 г. транспортные суда ВС США перевозили в Венесуэлу несколько тысяч беженцев, включая поляков, из Германии в Венесуэлу. См.: *Meza J. G.* Hace 66 años inmigrantes rusos llegaron a Venezuela esperanzados en reconstruir sus vidas // *Rusia hoy*. 10.12.2013. — URL: https://es.rbth.com/internacional/2013/12/10/hace_66_anos_inmigrantes_rusos_llegaron_a_venezuela_esperanzado_35395 (дата обращения 23.02.2018); <http://www.theshipslist.com/ships/descriptions/ShipsG.shtml> (дата обращения 23.02.2018).

⁷⁸ О Бергуде написал, в частности, местный историк Карлос Эдсель: *Edsel C.* Homenaje al Prócer Gustaw A. Bergud // *Diario de La Costa* (Puerto Cabello). 2.11.2003. Эдсель приводит цитату о Бергуде из книги Джеймса Биггса (см. также: *Jaroszewicz Zb., Soñta-Jaroszewicz T.* Op. cit. P. 82; *Soñta-Jaroszewicz T.* Militares polacos al servicio de Miranda y Bolívar en la guerra de Independencia. P. 27), которую нам не удалось найти ни в оригинальном издании, ни в переводе этой книги.

казалось, сопутствовал «боливарианскому социализму» президента Уго Чавеса⁷⁹, создавшего в 2003 г. вместе с Раулем Кастро молодежный «Фронт Франсиско де Миранды».

Так Бергуд оказался героем в парке скульптур Пуэрто-Кабельо, вместе с самим Мирандой, Хосе Марти, Махатмой Ганди, Мануэлем Калой, героем осады в ноябре 1823 г. крепости Пуэрто-Кабельо — одного из последних испанских оплотов в Южной Америке, генералом Габриэлем Геварой, участником Гражданской войны 1858 г. («мартовской революции»), и Хосе Рисалем, талантливейшим деятелем филиппинского национального движения, который был казнен в 1896 г. Памятник Бергуду теперь регулярно посещают представители посольства Польши⁸⁰.

Сложившийся за последние десятилетия образ Бергуда будто бы сошел со страниц романов Стефана Жеромского и Владислава Реймонта, из фильмов Анджея Вайды. Следовал ли наш герой идеалам просвещенной вольности, был ли так воспитан, или же дошедшие источники несколько «корректируют» и идеализируют образ реального человека, во всяком случае, перед нами предстает цельная и очень «польская» фигура храброго, непрактичного, способного на смелый поступок борца за свободу, «лишнего человека» в мирной жизни.

Список литературы

Горяинов С.М. Заточение Т. Костюшки в крепости. (1794–1795) // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1912. Кн. 1 (240). М., 1912. С. 1–28.

Дьяков В.А. Т. Костюшко и его соратники после сражения при Мацейовице (1794–1798) // Славяноведение. 1993. № 5. С. 67–75.

Дьяков В.А. Тадеуш Костюшко в русской столице // Родина. 1992. № 8–9. С. 152–155.

Исэров А.А. Североамериканские связи Франсиско де Миранды (продолжение) // Американский ежегодник. 2013. С. 60–80.

⁷⁹ См., например: *Romero S.* Venezuela's Economic Boom Buoyed Chávez // *New York Times*. 3.12.2006.

⁸⁰ *Lozano J.* Un polaco entre los próceres. — URL: <http://www.elaguilablanca.com/comunidades/comunidades-venezuela-ant001.html> (дата обращения 23.02.2018); *Esteves E.* Historias y hazañas independentistas se preservan en Puerto Cabello // *Nueva Dia*. Año 6. N 2315 (15.04.2010). P. 2; *Szczeпаńczyk M.* Op. cit. P. [4]; Hołd dla Gustawa Berguda. 4.06.2015. — URL: http://www.caracas.msz.gov.pl/pl/aktualnosci/hold_dla_gustawa_berguda (дата обращения 24.02.2018); Ofrenda floral ante el monumento de Gustav Bergud en Puerto Cabello. 15.11.2017. — URL: http://caracas.mfa.gov.pl/es/actualidades/la_cresta_en_el_monumento_de_gustav_bergud_en_puerto_cabello http://www.msz.gov.pl/en/p/caracas_ve_a_en/news/the_ridge_at_gustav_bergud_s_monument_in_puerto_cabello (дата обращения 24.02.2018).

- Стрелко А.А.* Рец.: Paradowska M. Polacy w Ameryce Południowej. Wrocław, 1977 // Советская этнография. 1979. № 5. С. 178–180.
- Стрелко А.А.* Славянское население в странах Латинской Америки: исторический очерк. Киев: Наукова думка, 1980. 142 с.
- Уваров П.Ю.* Апокатастасис, или основной инстинкт историка // Казус. 2000. М., 2001. С. 15–32.
- Уваров П.Ю.* Между «ежами» и «лисами»: Заметки об историках. М.: НЛО, 2015. 280 с.
- Bauer Krz.* Wojsko koronne powstania kościuszkowskiego. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1981. 414 s.
- Bienicki T.* Gdańsk: jego dzieje i kultura. Warszawa: Arkady, 1969. 646, [6] s.
- Budrewicz O.* Spotkania z Polakami. Warszawa: Interpress, 1969. 192, [3] s.
- Chacón Rodríguez D. R.* Nueva interpretación historiográfica de la Expedición Libertadora de Miranda, en 1806 // Las independencias de América Latina: génesis, proceso y significado actual / Coord. y ed. C. Bohórquez. Caracas: Ministerio del Poder Popular para la Cultura, 2009. P. 269–285.
- Cichocka M.* Les Polonais en Amérique latine: un autre regard // Amérique Latine Histoire et Mémoire. Les Cahiers ALHIM. 2002. № 4. — URL: <http://journals.openedition.org/alhim/483>
- Diccionario de los militares napoleónicos durante la independencia de los países bolivarianos (Colombia, Venezuela, Panamá, Bolivia, Ecuador) / Comp. y invest. Patrick Puigmal. Santiago de Chile: Ediciones de la Dirección de Bibliotecas, Archivos y Museos, 2015. 432, [14] p.
- Drohojowski J.* Ameryka Łacińska z bliska. 2 wyd. Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1973. 303 s.
- Etsel C.* Homenaje al Prócer Gustaw A. Bergud // Diario de La Costa (Puerto Cabello). 2.11.2003.
- Esteves E.* Historias y hazañas independistas se preservan en Puerto Cabello // Nueva Dia. Año 6. № 2315. P. 2.
- Kochanek K.* Los Polacos en el Perú. Lima: Salesiana, 1979. 200 p.
- Lozano J.* Un polaco entre los próceres. — URL: <http://www.elaguilablanca.com/comunidades/comunidades-venezuela-ant001.html>
- Gembarzewski B.* Rodowody pułków polskich i oddziałów równorzędnych od r. 1717 do r. 1831. Warszawa: Towarzystwo Wiedzy Wojskowej, 1925. 98 s.
- Goicoechea [Navarro] C.* Inventario de los documentos del proceso seguido en el año 1806, al General Francisco de Miranda y otros prisioneros // Homenaje a Federico Navarro: Miscelánea de estudios dedicados a su memoria. Madrid: Asociación Nacional de Bibliotecarios, Archiveros y Arqueólogos, 1973. P. 157–168.
- Herbst St.* Z dziejów wojskowych powstania kościuszkowskiego 1794 roku. Warszawa: Książka i wiedza, 1983. viii, 469 s.
- Hickey D. R.* A War of 1812: A Forgotten Conflict. Urbana (Ill.): University of Illinois Press, 2012. 457 p.
- Historia Gdańska / Opracowanie zbiorowe pod red. Edmunda Cieślaka. 5 t. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1978–1997. T. III, 1993. Cz. 1. 754 s.; Cz. 2. 435 s.

- Korzon T.* Dzieje wojen i wojskowości w Polsce. Wyd. 2. T. 1–3. T. 3. Lwów: Wydawnictwo Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich, 1923. 462 s.
- Jaroszewicz Zb., Sońta-Jaroszewicz T.* Militares polacos al servicio de Independencia al lado de Miranda y Bolívar // Relaciones entre Polonia y Colombia: pasado y presente. Warszawa: Centro de Estudios Latinoamericanos, Universidad de Varsovia, 2006. P. 81–86.
- Kościełak S.* Gdańsk XVI–XVIII wieku — bezpieczna przystań dla religijnych uchodźców? Z dziejów koegzystencji międzywyznaniowej w epoce nowożytnej // *Studia historica Gedanensia*. T. V. 2014. S. 196–216.
- Kozłowski E.* Bitwa maciejowicka — 10 października 1794 // *Od Raclawic do Maciejowic*. Kraków: Krajowa Agencja Wydawnicza, [1988]. S. 30–31.
- Kozłowski W. M.* Pobyt Kościuszki i Niemcewicza w Ameryce: (w latach 1797 i 1798) // *Biblioteka Warszawska*. 1906 (listopad). T. 4. S. 241–284.
- Kozłowski W. M.* Rozstanie Kościuszki i Niemcewicza v Filadelfii (według dokumentów nieogłoszonych) // *Kwartalnik Historyczny*. 1906. R. XX. № 1–2. S. 225–252.
- Kriegseisen W.* Ewangelicy wobec powstania kościuszkowskiego // *Kościuszko — powstanie 1794 r. — tradycja / Pod red. J. Koweckiego*. Warszawa: Biblioteka Narodowa, 1997. S. 91–121.
- Lubicz-Pachoński J.* Kosciuszko po Insurekcji. Lublin: Wydawnictwo Lubelskie, 1986. 244 s.
- Lubicz-Pachoński J.* Kościuszko w niewoli carskiej, 1794–1796. Kraków: Muzeum Historyczne Miasta Krakowa, 1947. 176 s.
- Łygaś W.* Gdańsk. Szwedzkie karty historii. Gdańsk: Marpress, 2001. 348 s.
- Łygaś W.* Szwedzkie opowieści: z dziejów polsko-szwedzkich XIV–XVIII w. Gdańsk: Finna, 2005. 302 s.
- Machynia M., Szrednicki Cz.* Oficerowie Rzeczypospolitej Obojga Narodów, 1717–1794. 2 t. Kraków: Księgarnia Akademicka. T. 1, 1998. Cz. 1. 582 s.; Cz. 2. 111 s.; Cz. 3. 481 s.; T. 2, 2003. 541 s.
- Magaziner H.J.* Study Report. Thaddeus Kosciuszko National Memorial. February 20, 1973. S.p.
- Mondolfi Gudat E.* Las memorias de Moses Smith // *Boletín de la Academia Nacional de la Historia (Caracas)*. Vol. LXXXIX. № 354 (abril–junio 2006). P. 115–142.
- Pachoński J.* Legiony polskie. Prawda i legenda. 1794–1807. 4 t. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej. T. 1, 1969. 414 s.; T. 2, 1971. 712 s.; T. 3, 1976. 773 s.; T. 4, 1979. 765 s.
- Pachoński J.* Oficerowie Legionów Polskich, 1796–1807. T. 1–2. Kraków: Księgarnia Akademicka, 1999–2003. T. 1. 336 s.; T. 2. 403 s.
- Paradowska M.* Polacy w Ameryce Południowej. Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1977. 315, [1] s.
- Paradowska M.* Wkład Polaków w rozwój cywilizacyjno-kulturowy Ameryki Łacińskiej. Warszawa: Komisarz Generalny Udziału Polski w Wystawie Uniwersalnej EXPO'92 w Seville, 1992. 277 s.
- Pertek J.* Polacy na szlakach morskich świata. Wrocław: Zakład narodowy imienia Ossolińskich, 1957. X, 662 s.

Pieczewski A. Joseph Retinger's conception and contribution to the early process of European integration // *European Review of History — Revue européenne d'histoire*. Vol. 17. № 4 (Aug. 2010). P. 581–604.

Pinkowski E. General Thaddeus Kosciuszko // *The Millennium of the Polish People: One Thousand Years of Christianity*. S.l. [Philadelphia], s.a. [1966?]. P. 64–68.

Polanco Alcántara T. Francisco de Miranda. ¿Don Juan o Don Quijote? Caracas: Melvin, 1997. 779 pp.

Retinger J. H. Polacy w cywilizacjach świata do końca wieku XIX-go. Warszawa: Światowy Związek Polaków z Zagranicy, 1937. 224 s.

Robertson W. S. Francisco de Miranda and the Revolutionizing of Spanish America // *Annual Report of the American Historical Association for the Year 1907*: In 2 vols. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1908. Vol. I. P. 189–539.

Rospond V. W. Polish Armies of the Partitions, 1770–1794. Oxford: Osprey, 2013. 48 p.

Skalkowski A. Z dziejów insurekcji 1794 r. Warszawa: Gebethner i Wolff, 1926. 248 s.

Soñta-Jaroszewicz T. Militares polacos al servicio de Miranda y Bolívar en la guerra de Independencia // *Tiempos de América. Revista de Historia, Cultura y Territorio* (Castellón). № 16. 2009. P. 26–31.

Soñta-Jaroszewicz T. Los polacos en la lucha por la Independencia del norte de América del Sur // *El sueño bolivariano. Estudios polaco-españoles sobre la Independencia latinoamericana* / Ed. par U. Ługowska. Warszawa: Centro de Estudios Latinoamericanos, Universidad de Varsovia, 2017. P. 85–111.

Sulewski W. Konterfekty Dziwnych Polaków. Warszawa: Iskry, 1973. 157 s.

Urbanski E. S. Sylwetki polskie w Ameryce Łacińskiej w XIX–XX wieku. 2 t. Stevens Point (Wisc.): Artex, 1991. T. 1 . 256 P.

The Wars of Independence in Spanish America / Ed. by Ch. I. Archer. Wilmington (Del.): Scholarly Resources, 2000. 325 p.

Wilford H. CIA plot, socialist conspiracy, or new world order? the origins of the Bilderberg group, 1952–55 // *Diplomacy and Statecraft*. Vol. 14. № 3. Sept. 2003. P. 70–82.

Поступила в редакцию
15 сентября 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2022-6-59-70

С.В. Мироненко

**ТРИ РОССИЙСКИХ РЕФОРМАТОРА
(К 250-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ М.М. СПЕРАНСКОГО)**

S.V. Mironenko

**THREE RUSSIAN REFORMERS
(TO THE 250th ANNIVERSARY OF M.M. SPERANSKY)**

Аннотация. Статья приурочена к отмечающимся в 2022 г. трем юбилеям видных государственных деятелей императорской России — Петра Великого (350 лет со дня рождения), П.А. Столыпина (160 лет со дня рождения) и М.М. Сперанского (250 лет со дня рождения). Отмечаются общие и особенные черты их деятельности, а также контекста проводившихся ими преобразований. К общим чертам относится несомненно модернизационный характер инициатив всех троих реформаторов, а также отсутствие либо очевидная недостаточность общественной среды, способной быть опорой реализовывавшихся или намечавшихся реформ. Петр Великий преодолевал данное препятствие, во-первых, с помощью своего властного ресурса, а во-вторых, радикализмом перемен. Во многом именно отсюда проистекает и двойственность его преобразований. С одной стороны, в стране началась модернизация, сообразная той, которая происходила в то время в других европейских странах. С другой стороны, петровская модернизация привела к усилению именно архаичных черт самодержавия. Однако для Петра отсутствие социальной опоры не стало фатально непреодолимым обстоятельством. Более того, такая опора в итоге и была создана в результате его реформ. Совершенно иная судьба оказалась у начинаний Столыпина и Сперанского. Поддержка обоих со стороны верховной власти была непоследовательной, а политическая субъектность потенциального адресата реформ явно недостаточной или вовсе отсутствовавшей, что помешало

Мироненко Сергей Владимирович, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующий кафедрой истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, научный руководитель Государственного архива Российской Федерации

Mironenko Sergey Vladimirovich, Doctor in History, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Head of the Department of the History of Russia in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries, Lomonosov Moscow State University, Scientific Director, State Archive of the Russian Federation

+7-495-939-12-72; cafedra19-20msu@yandex.ru

В основу статьи положен доклад на круглом столе 7 июня 2022 г., посвященном юбилею М.М. Сперанского и организованном факультетом государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова.

им реализовать свои замыслы. Особенным в переменах, проводившихся или хотя бы просто задумывавшихся Петром, Столыпиным и Сперанским, был сам контекст эпох этих деятелей, а значит, как степень зрелости социальной опоры реформ, так и готовность всего общества к модернизационным трансформациям. Основное внимание в статье уделяется планам Сперанского. Анализируется их содержание и оценивается личность самого реформатора. Приводится важное наблюдение о том, что реформы в России часто обуславливались не уровнем социально-экономического развития, а политическими соображениями.

Ключевые слова: Петр Великий, П.А. Столыпин, М.М. Сперанский, модернизация, конституционализм, Великие реформы, самодержавие, Российская империя.

Abstract. The article is timed to the three anniversaries of the prominent statesmen of the Imperial Russia, Peter the Great (the 350th anniversary of his birth), P.A. Stolypin (the 160th anniversary of his birth) and M.M. Speransky (the 250th anniversary of his birth) in 2022. The author highlights general and special features in their activities and the context of their reforms. Common features include the undoubtedly modernizing nature of the initiatives of all three reformers, as well as the lack or obvious inadequacy of the social environment, which could support the reforms being implemented or planned. Peter the Great overcame this obstacle, firstly, with the help of his power resources, and secondly, by the radicalism of changes. In many respects this is the source of the ambivalence of his reforms. On the one hand, modernization of Russia was in line with what was happening at the same time in other European countries. On the other hand, Peter's modernization led to strengthening of the archaic features of the autocracy. However, for Peter, the lack of social support was not a fatal insurmountable circumstance. Moreover, such a support was eventually formed as a result of his reforms. An altogether different fate was in store for the initiatives of Stolypin and Speransky. Support from the supreme power for both was inconsistent, and the political subjectivity of the potential recipient of the reforms was clearly insufficient or non-existent, which prevented them from implementing their plans. What was special about the changes carried out or at least simply conceived by Peter, Stolypin, and Speransky was the very context of these persons' eras and thus the degree of maturity of both the social base of reforms and society as a whole for modernizing transformations. Special attention in the article is paid to Speransky's projects. It examines their content and personality of the reformer. The author argues that reforms in Russia were often conditioned not by the level of socio-economic development but by political considerations.

Keywords: Peter the Great, P.A. Stolypin, M.M. Speransky, modernization, constitutionalism, Great Reforms, autocracy, Russian Empire.

* * *

В мае 2022 г. в Российском историческом обществе прошел крупный стол, посвященный юбилеям Петра Великого и Петра Столыпина. В тени этих юбилейных дат остался почти незамеченным юбилей

еще одного российского государственного деятеля и реформатора — Михаила Михайловича Сперанского.

Соединение имен Петра I и Петра Столыпина было в какой-то мере случайным. Масштаб их личностей и время, отделяющее деятельность одного от другого, очевидны и не требуют особых пояснений. Но все же сопоставление этих двух совершенно разных государственных деятелей позволило яснее представить место и роль одного и другого в российской истории.

Петр Великий, конечно же, решительно повернул Россию лицом к Европе и, как писал А.С. Пушкин, «уздой железной» поднял Россию «на дыбы». «Необходимость движения на новый путь, — писал С.М. Соловьев, — была осознана; обязанности при этом определились: народ поднялся и собрался в дорогу; но кого-то ждали; ждали вождя; вождь явился»¹.

С именем Петра традиционно связаны не только сбритые боярские бороды, иноземные платья вместо традиционного русского, курение табака и ассамблеи, но и коренное преобразование системы управления, введение по шведскому примеру коллегий вместо приказов, новое территориальное деление страны и многое другое. Все это вместе взятое дает основание считать Петра великим преобразователем. Зарубежные поездки молодого царя, где он ощутил преимущества западной цивилизации, давали ему и его окружению пищу для сравнений и размышлений. Посылка сотен молодых людей учиться за границу, приглашение иностранцев в Россию для строительства флота, организация регулярной армии, возведение новой столицы и прочие новации Петра Алексеевича явственно обозначили вектор развития страны. Соловьев даже назвал Петра «революционером на троне».

Но был ли он революционером в точном понимании этого слова? Ответ, как кажется, очевиден: нет, не был. Ничем не ограниченное самодержавие и крепостное право не только были им сохранены в неизменном виде, но и доведены до апогея. Идея превращения России в империю для своей реализации требовала все новых и новых территориальных приобретений и выхода к морям. Чтобы «прорубить окно в Европу», нужно было создать регулярную армию и флот, затратив для этого немалые средства. Где их взять? Казна была пуста, а получать иностранные кредиты тогда еще не научились, да и не имели такой возможности. Средства для удовлетворения своих имперских амбиций Петр I мог получить только нещадным ограб-

¹ Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 451.

лением собственного народа. Введением подушной подати он завершил закрепощение крестьян, а для выколачивания денег создал огромный бюрократический аппарат принуждения, получивший в историографии название «полицейское государство». О том, что петровские реформы лишь усугубили патриархальные принципы построения российского государства, еще в 1989 г. очень точно писал Е.В. Анисимов: «Вся революционность Петра имела, как ни парадоксально это звучит, достаточно отчетливый консервативный характер. Модернизация институтов и структур власти ради консервации основополагающих принципов традиционного режима — вот что оказалось конечной целью. Речь идет об оформлении самодержавной формы правления, дожившей без существенных изменений до XX века, о формировании системы бесправных сословий, ставшей серьезным тормозом в процессе развития средневекового по своей сути общества, наконец, о крепостничестве, упрочившемся в ходе петровских реформ»².

Другое дело — Петр Аркадьевич Столыпин. Он хотя и был убежденным монархистом, но понимал, что без коренных реформ у России нет будущего. Он хорошо сознавал, что в начале XX в. жить по-старому уже невозможно. Крепостное право пало в 1861 г., и надо было продолжить дело реформирования, а для этого требовалось разрушить общину и создать средний класс самостоятельных сельских обывателей. Столыпину, хотя он и был премьер-министром, было непросто достичь поставленных целей.

Напомню, что творцы крестьянской реформы 1861 г. остановились перед этой проблемой. Ведь развитие капитализма на Западе несло с собой возникновение пролетариата со всеми его революционными возможностями. Пауперизация огромных масс населения пугала российские власти. Да что там говорить: даже Герцену казалось, что российская община есть какой-то островок спокойствия, который сохранит Россию надолго. Герцен считал ее основой общинного социализма. Но, в конечном счете, поступательное развитие страны после отмены крепостного права показало, что невозможно жить с уравнильно-общинным землевладением и землепользованием. Крестьянин не мог успешно развивать свое хозяйство из-за регулярных переделов общинной земли. Пусть к концу XIX — началу XX в. переделы проводились не каждый год и не на всей территории страны, но они все равно проводились. Сегодня надел у одного крестьянина, а завтра — у другого. Крестьянин не чувствовал

² Анисимов Е.В. Время петровских реформ. XVIII век, 1-я четверть. Л., 1989. С. 13–14.

себя собственником земли. Отсутствие частной собственности на землю убивало главный стимул занятия сельским хозяйством. Оно мешало введению различных агрономических новшеств, которые требовали усилий не одного года. К началу XX в. это стало очевидно не только Столыпину, но и группе чиновников, которые формировались вокруг него. Со своей стороны, В.И. Ленин очень хорошо понимал опасность разрушения общины для дела революции. Он писал, что нужно ускорить подготовку революции, пока не возник класс «серых баронов», и тогда основа для революционного движения сузится. Крестьянин станет собственником в настоящем смысле этого слова — хозяином земли и средств производства.

М.М. Сперанский, деятельность которого протекала в первой трети XIX в., занимает место как раз посередине между Петром I и Петром Столыпиным. Сперанский до своего падения перед началом Отечественной войны 1812 г. был очень близок к императору Александру I, который называл Михаила Михайловича своей правой рукой в деле государственного управления. Вспоминая свою совместную работу с Александром, он писал императору в 1818 г., находясь, по сути, в ссылке в Перми: «В конце 1808 года, после разных частных дел, Ваше величество начали занимать меня постоянно предметами высшего управления, теснее знакомить с образом Ваших мыслей, доставляя мне бумаги, прежде к Вам вошедшие, и нередко удостоивали проводить со мною целые вечера в чтении разных сочинений, к сему относящихся. Из всех сих упражнений, из стократных, может быть, разговоров и рассуждений Вашего величества надлежало, наконец, составить одно целое. Отсюда произошел план всеобщего государственного преобразования»³. Речь идет об известном «Введении к Уложению государственных законов», и хотя авторство Сперанского очевидно, но и участие Александра I в его подготовке не подлежит сомнению.

Александр I уже прекрасно понимал необходимость ограничения самодержавия конституционными учреждениями и постепенного освобождения крепостных крестьян. Воспитанный республиканцем Лагарпом, он, что называется, с молоком матери впитал идеи века Просвещения. Для него ничем не ограниченное самодержавие было анахронизмом, а обладание людьми противоречило всем нравственным нормам. Еще в самом начале царствования император в узком кружке своих «молодых друзей», получившем название Негласного комитета, обсуждал возможные пути реформирования

³ Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. III. СПб., 1897. С. 517.

страны. В придворных кругах его собеседников называли «якобинской шайкой». Однако ничего похожего на общий план преобразований в то время выработать не удалось. Дело сдвинулось только тогда, когда на политической сцене появился Сперанский.

Отрывки из «Введения» были обнаружены Н.И. Тургеневым еще в 1847 г. в его известном сочинении «Россия и русские», изданном за границей⁴. Окончательный вариант «Введения» был обнаружен только в советское время. В 1961 г. он был опубликован С.Н. Валком в сборнике проектов и записок Сперанского⁵.

Специальная глава «Введения», озаглавленная «О разуме государственного уложения», посвящена доказательству необходимости коренных реформ. Рассматривая всемирную историю, особенно историю европейскую, и пытаясь отыскать в ней закономерности, приводящие к смене одной формы правления другой, автор приходил к выводу, что время «есть первое начало и источник всех политических обновлений». «Никакое правление, с духом времени не сообразное, — писал он, — против всемогущего его действия устоять не может». Все развитие политической жизни Европы представляло «переход от феодального правления к республиканскому», и никто не смог противостоять этому неумолимому процессу. «Тщетно власть державная силилась удержать его напряжение; сопротивление ее воспалило только страсти, произвело волнение, но не оставило перелома».

«Тот же самый ряд происшествий, — продолжал Сперанский, — представляет нам история нашего отечества». Россия шла и продолжает идти одним путем с Западной Европой. Для автора «Введения», а вместе с ним и для императора, не существовало сомнений в необходимости и своевременности коренных реформ. Анализируя современное состояние российского государства, указывая на изменение отношения народа к самодержавной власти, на явный упадок ее авторитета, очевидную невозможность для власти справиться с положением «частными исправлениями», Сперанский делал однозначный вывод, что «настоящая система правления не свойственна уже более состоянию общественного духа и настало время переменить ее и основать новый порядок вещей». Этот «новый порядок» был по существу не чем иным, как ограничением самодержавия представительными органами.

Во «Введении» был реализован принцип разделения властей. Законодательную власть предполагалось отдать в руки Государствен-

⁴ Современное издание: *Тургенев Н.И. Россия и русские*. М., 2001. С. 588–589.

⁵ *Сперанский М.М. Проекты и записки*. М.; Л., 1961. С. 143–221.

ной Думы, исполнительную передать министерствам, а судебную — Сенату. В жизнь страны предполагалось ввести ставшие уже привычными на Западе, но принципиально новые для россиян понятия гражданских и политических прав.

Всё население Российской империи предполагалось разделить на три категории: дворянство, людей среднего состояния и народ рабочий. К последнему были отнесены «поместные крестьяне, мастеровые, их работники и домашние слуги». Определенными гражданскими правами должны были обладать все жители страны, включая и крепостных крестьян. Политическими правами, т.е. возможностью в той или иной степени принимать участие в управлении государством, наделялись только первые две категории. Предусматривалось введение имущественного ценза: право участия в судопроизводстве, принятии законов, наблюдении за верностью действий исполнительной власти получали только лица, имевшие недвижимую собственность. Был декларирован важнейший принцип права, по которому никто не мог быть наказан без суда.

Выборным органом, ограничивающим власть монарха, должна была стать Государственная Дума. «Никакой закон, — говорилось во “Введении”, — не может иметь силы, если он не будет составлен в законодательном сословии». Еще более определенно этот принцип сформулирован Сперанским в «Кратком начертании государственного образования»: «Никакой новый закон не может быть издан без уважения (т.е. одобрения. — С.М.) Думы», и «закон, признанный большинством голосов неудобным, остается без действия». Помимо центральной Государственной Думы в стране предусматривалось создание стройной системы выборных дум — волостных, окружных и губернских. Собираться на свои заседания Государственная Дума должна была ежегодно. У императора не было права прекратить ее деятельность, он мог лишь отсрочить созыв Думы на год или уволить всех ее членов, назначив новые выборы.

Сенат предполагалось сохранить как высшую судебную инстанцию, но он должен был стать выборным органом. Решения Сената были окончательными. За верховной властью оставалось только право надзора за соблюдением одинаковых форм судопроизводства на всей территории страны.

Исполнительная власть полностью передавалась министерствам, а также местным органам. В своей деятельности они были подконтрольны центральной и местным думам.

Вершиной новой государственной системы должен был стать Государственный совет. С одной стороны, он служил связующим звеном между императором и ветвями государственной власти,

а с другой — был как бы верхней палатой парламента, своеобразной палатой лордов, где предполагалось первоначальное обсуждение важнейших дел.

Таков был общий замысел преобразований, изложенный Сперанским и поддержанный императором. Он смело вводил в российскую действительность гражданские и политические права, выборное начало и, главное, не полное, но вполне очевидное ограничение самодержавной власти. Хотя в руках императора сохранялась вся полнота управления («в России вся исполнительная часть должна принадлежать части державной»), а без его одобрения не мог быть издан ни один закон, власть его существенно ограничивалась выборным представительным органом.

Интересно, что у самого Сперанского, вероятно, все-таки оставались сомнения в возможности полностью реализовать этот широкий план преобразований, и уж, во всяком случае, он явно видел, какое сопротивление вызовут нововведения у большей части тех, в чьих руках была сосредоточена реальная власть в стране. На эту мысль наводит записка «Общее обозрение всех преобразований и распределение их по временам». В ней Сперанский возвращался к тому, что внушал юному Александру его воспитатель Лагарп: реформы нужны, но проводить их следует осторожно и постепенно. «Переход от настоящих установлений, — писал Сперанский, — к новым [следует] так учредить, чтоб он казался самым простым и естественным, чтоб новые установления казались возникающими из прежних, чтоб ничего не отваживать и иметь всегда способы остановиться и удержать прежний порядок во всей его силе, если бы, паче чаяния, встретились к новому какие-либо непреодолимые препятствия». Несмотря на очевидную поддержку самодержца, Сперанский понимал, как трудно будет реализовать задуманные преобразования. Так оно и произошло. Созданный в 1810 г. Государственный совет отнюдь не стал верхней палатой парламента, да и сама идея превращения России в конституционную монархию так и осталась на бумаге.

Так почему же не был реализован этот проект? В историографии ясного и четкого ответа на данный вопрос нет. В какой-то степени в понимании причин провала плана Сперанского и Александра I могут, как мне кажется, помочь записи Петра Андреевича Вяземского в его записных книжках. Вяземский (1792–1878) прожил долгую жизнь, пережил сложную идейную эволюцию от либерала 1820-х гг. до консерватора в 1860–1870-х гг. и много размышлял о событиях российской истории и ее персонажах. В его «Старой записной книжке» есть следующая характеристика Сперанского и причин

неудачи его реформаторских замыслов. «Сперанский был ум светлый, гибкий, восприимчивый, может быть слишком восприимчивый, — писал Вяземский, — но, с другой стороны, ум его был более объемистый, нежели глубокий, ум более сообразительный, нежели заключительный. При всей склонности своей к нововведениям он мало имел в себе почина и творчества. В нововведениях своих был он более подражатель, часто трафарельщик. Может быть, по свойствам своим и характеру, по быстроте перехода из положения более чем скромного к положению почти господствующему над всеми он, при всем уме своем, при всей сметливости, не успел опомниться, осмотреться и хладнокровно оценить счастье свое. Он слепо и с упоением предался ему. Во время силы своей и лихорадочной преобразовательной деятельности он, разумеется, находил в людях усердные и порабощенные орудия себе: в ласкателях, в потакальщиках также недостатка не было, и быть не могло. Но ни в среде правительственной, ни в среде общественной не имел он ни чистосердечных союзников, ни единомышленников. Он ни на что и ни на кого опереться не мог. Здесь не может быть и речи об опоре, которую он имел в самом государе, — опоре, разумеется, чересчур достаточной, чтобы поддержать и вполне застраховать его. Но по стечению и по роковой силе обстоятельств, наконец, и эта опора изменила ему. Он пал, никем не оплаканный; разве один государь искренно и прискорбно сочувствовал падению, которого был он, так сказать, невольным виновником»⁶. В этих словах Вяземского, как мне кажется, выражена интересная и здравая оценка Сперанского. Тут и верное наблюдение, что в предложениях Сперанского не было ничего нового по сравнению с институтами, уже существовавшими на Западе («в нововведениях своих был он более подражатель»), и что ум его был не столько глубокий, сколько быстро схватывавший все новое.

Но самое главное, Вяземский сумел понять, что у реформаторов (будь то Сперанский или Александр I) не было на кого опереться. У реформ, необходимость которых осознавалась властью и радикальной частью общества (декабристы), не было широкой социальной базы. Не говорит ли это о том, что передовые идеи, приходившие в Россию с Запада, не находили экономической и социальной готовности страны к реформам? И здесь кроется, на мой взгляд, вообще очень серьезная проблема движущих сил преобразований.

Реформа 1861 г. Не надо доказывать, что помещики были против раскрепощения крестьян. В советской историографии это объяснялось очень просто. Помещики были закоснелыми реакционерами,

⁶ Вяземский П.А. Старая записная книжка. СПб., 2018. С. 112–113.

в лучшем случае консерваторами, не понимавшими необходимости перемен. Но только ли в этом было дело?

В свое время академик И.Д. Ковальченко организовал на историческом факультете Московского университета выступление известного американского ученого Р. Фогеля, который через несколько лет после этого получил Нобелевскую премию по экономике. Р. Фогель вместе со своими сотрудниками пришел к выводу, что плантаторское хозяйство к моменту ликвидации рабства в Америке экономически не изжило себя. У него еще не были исчерпаны все свойства поступательного развития. Плантаторское хозяйство и рабство были отменены не потому, что для этого созрели экономические предпосылки, а по вполне понятным политическим соображениям. Для победы в Гражданской войне Севера и Юга северянам во главе с Линкольном необходимо было привлечь на свою сторону чернокожее население. Издание в Соединенных Штатах (почти одновременно с отменой крепостного права в России) указа об отмене рабства практически определило победу Севера над Югом. Концепция Р. Фогеля была встречена тогда довольно настроженно.

Ну а что, если и в России была похожая ситуация? Сегодня, к сожалению, тема истории крестьянства и, шире, сельского хозяйства ушла в исторической науке, как это ни парадоксально, на второй план. Появилась масса новых очень привлекательных тем — повседневная жизнь, гендерная история и др. Историей сельского хозяйства успешно занимаются в регионах, а на общероссийском уровне можно найти только единицы исследований по аграрной тематике. Но все-таки мы не должны забывать, что исторически Россия — крестьянская страна.

Концепция последовательной смены социально-экономических формаций, положенная в основу многотонной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», увидевшей свет во второй половине 1960-х гг., безнадежно устарела. Главу о социально-экономическом развитии России в первой половине XIX в., опубликованную в IV томе первой серии этого издания, написал академик Н.М. Дружинин. По его мнению, феодально-крепостническая формация в последней трети XVIII в. вступила в стадию разложения, которое в первой трети XIX в. переросло в кризис. А что такое кризис? Это вызревание нового капиталистического уклада. Но никакого капиталистического уклада тогда в России не существовало. В соответствии с марксистской теорией для успешного развития капитализма было необходимо два условия: рынок свободной рабочей силы и замена ручного труда машинным. Но ни того, ни другого в тогдашней России и в помине не было. На всю огромную страну был только один

крупный завод сельскохозяйственных машин — знаменитый завод Бутенопа.

Так почему же в отсталой крестьянской стране все же пало крепостное право? Одной из основных причин отмены крепостного права стало поражение в Крымской войне, показавшее не только, как писал, вслед за публицистами того времени, В.И. Ленин, «гнилость и бессилие царской России», но и ее явную техническую отсталость по сравнению с развитыми западными странами. Реальной стала угроза утраты статуса мировой державы. Политические мотивы преобладали над экономическими.

И здесь в пору задать вопрос: действительно ли помещичье хозяйство исчерпало в первой половине XIX в. весь свой потенциал? Да, помещики закладывали свои имения в кредитные организации, задолженность их постоянно увеличивалась. Но, закладывая свои имения, помещики не только, как писали в советской историографии, «промаывали» полученные деньги, но и вкладывали их в развитие своего хозяйства. К сожалению, повторю опять, у нас почти нет исследований на эту тему, кроме известного еще дореволюционного труда П.Б. Струве⁷ и небольшого числа современных работ⁸. Выводы делать преждевременно, но поставить эту проблему в повестку дня настоятельно нужно.

Сперанский предвидел необходимость проведения коренных реформ. В этом нельзя не отдать ему должное. Но закат его жизни был нерадостен. Его последнее десятилетие вполне можно назвать трагедией реформатора. Ведь вместо того, чтобы отдавать силы реализации своих реформаторских замыслов, он вынужден был заниматься приведением в порядок прежнего законодательства. Под его руководством был подготовлен и издан Свод законов Российской империи и Полное собрание законов. Но вряд ли главный орден империи, орден Андрея Первозванного, который Николай I снял с себя и возложил на Сперанского одновременно с возведением его в графское достоинство, мог заменить несбывшуюся мечту изменить Россию.

Три века российской истории вместили жизнь и деятельность многих выдающихся и даже великих государственных деятелей. Все они, так или иначе, задумывались о путях развития России. Три выдающихся реформатора. Петр Великий, решительно развернув

⁷ Струве П.Б. Крепостное хозяйство: исследования по экономической истории России в XVIII и XIX веках. М., 1913.

⁸ См., например: Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М., 2002; Рянский Л.М. Помещичьи крестьяне Черноземного центра в конце XVIII — первой половине XIX века. Курск, 2010.

Россию в сторону Запада, оставил в неприкосновенности основу прежней российской жизни — самодержавие и крепостное право. М.М. Сперанский вместе с императором Александром I, хорошо понимая «дух времени», задумали превратить Россию в конституционную монархию, но не сумели этого добиться и потерпели поражение. Петр Столыпин попытался создать в России средний класс, который и сегодня составляет основу экономического развития цивилизованного мира, но не успел этого сделать, сраженный пулей террориста. Не удалась и так называемая столыпинская реформа. Но будем надеяться, что жили и действовали они не напрасно.

Список литературы

Анисимов Е.В. Время петровских реформ. XVIII век, 1-я четверть. Л.: Лениздат, 1989. 495 с. (Историческая библиотека «Хроника трех столетий: Петербург–Петроград–Ленинград»)

Козлов С.А. Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-нечерноземные губернии). М.: РОССПЭН, 2002. 557 с.

Рянский Л.М. Помещичьи крестьяне Черноземного центра в конце XVIII — первой половине XIX века. Курск: Издательство КГУ, 2010. 151 с.

Соловьев С.М. Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. М.: Правда, 1989. 414–583 с.

Струве П.Б. Крепостное хозяйство: исследования по экономической истории России в XVIII и XIX веках. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1913. X, 340 с.

Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. III. СПб.: А.С. Суворин, 1897. 569 с.

Поступила в редакцию
4 сентября 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2022-6-71-87

О.С. Петрова

**ОПЫТ КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА
К РЕКОНСТРУКЦИИ ДИАЛОГА ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ
И ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЛОВОЙ ПЕРЕПИСКИ
А.С. УВАРОВА)**

O.S. Petrova

**THE EXPERIENCE OF COMMUNICATIVE APPROACH
TO RECONSTRUCTING THE DIALOGUE BETWEEN
THE INTELLECTUALS AND POWER (A CASE-STUDY
OF A.S. UVAROV'S BUSINESS CORRESPONDENCE)**

Аннотация. Председатель Московского археологического общества граф А.С. Уваров при организации всероссийских Археологических съездов вступил в сложные бюрократические отношения с Министерством народного просвещения, что нашло отражение в деловой переписке руководства Московского археологического общества и чиновников. Текстологический анализ писем А.С. Уварова Д.А. Толстому и Б.А. Перовскому позволяет провести реконструкцию его диалога с властью, рассмотреть некоторые аспекты истории организации новой формы научного сотрудничества — Археологических съездов, впоследствии превратившихся в постоянно действующую организацию, объединившую ученых России в деле изучения памятников прошлого. Съезды проводились в 1869–1914 гг. и были тем институтом, который обозначил начальные формы организации научно-исторического сообщества и дал толчок развитию и дифференциации исторической науки. История организации Археологических съездов была непростой и довольно продолжительной. От принятия решения созвать съезд русских археологов до торжественного открытия первого форума прошло около пяти лет. Обращение к архивным документам позволяет не только ввести в научный оборот новые источники, дополнить историю Московского археологического общества, но и объяснить столь долгий период подготовки первого съезда. Благодаря использованию методологии коммуникативного подхода к материалам переписки А.С. Уварова с представителями власти фокус изучения истории научных сообществ переносится на рассмотрение и анализ характера контактов и взаимодействия людей,

Петрова Ольга Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Petrova Olga Sergeevna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
+7-916-813-61-57; osp-1@yandex.ru

представлявших эти сообщества. Основной целью статьи является выявление роли личности лидера для процесса формирования профессиональной идентичности и институционального оформления научных сообществ разных уровней, а также оценка познавательных возможностей коммуникативного подхода к изучению научных сообществ пореформенной России. Коммуникативный подход, направленный на осмысление форм, содержания и развития общественной коммуникации, дополняет представление о человеке, в данном случае — о человеке науки, о его повседневном мире, частных формах общения, возникающих интеллектуальных сетях и связях, которые складываются между учеными.

Ключевые слова: Археологические съезды, Московское археологическое общество, А.С. Уваров, коммуникативный подход, антропологический поворот, научно-историческое сообщество, делопроизводственные материалы, деловая переписка.

Abstract. While organizing All-Russian Archaeological Congresses, Chairman of the Moscow Archaeological Society Count A.S. Uvarov entered into a complicated bureaucratic relationship with the Ministry of Public Instruction, which was reflected in the business correspondence between him and officials. Textual analysis of Uvarov's letters to D.A. Tolstoy and B.A. Perovsky allows us to reconstruct his dialogue with the authorities and to consider some aspects of the history of organization of a new form of scientific cooperation, Archaeological Congresses, which subsequently became a permanent institution that united Russian scholars in the study of monuments of the past. The Congresses held between 1869 and 1914 were the institution that introduced the initial forms of organization of the scientific and historical community and gave an impetus to the development and differentiation of historical science. The process of the organization of the Archaeological Congresses was complicated and rather long. It took about five years from taking the decision to convene a Congress of Russian archaeologists to the grand opening of the first forum. The research on archival documents allows us not only to introduce new sources and to complement the history of the Moscow Archaeological Society, but also to explain why such a long period of preparation of the first Congress was needed. Thanks to the use of a communicative approach to A.S. Uvarov's correspondence with government representatives, the focus of studies of the history of scientific communities is shifted to consideration and analysis of the nature of contacts and interaction between people who represented these communities. The main aim of the article is to reveal the role of the leading personality in the process of formation of professional identity and institutional structure of scientific communities at different levels, as well as to evaluate the cognitive possibilities of the communicative approach to the study of scientific communities in post-reform Russia. Communicative approach, aimed at comprehension of forms, content and development of public communication, contributed to the study of a man of science, his everyday world, private forms of communication, emerging intellectual networks and ties between scholars.

Keywords: Archaeological Congresses, Moscow Archaeological Society, A.S. Uvarov, communicative approach, anthropological turn, scientific-historical community, record materials, business correspondence.

Актуальность заявленной темы подтверждается особым интересом историков к методологиям, позволяющим раскрывать гуманитарные аспекты изучения прошлого, в том числе отношения и связи историков-интеллектуалов пореформенной России с властью. Баланс академической свободы и государственного регулирования науки, ускорение или сдерживание процесса развития определенных областей во многом зависели от государства и его институций. При этом нельзя отрицать роль личных связей и контактов чиновников и представителей научного сообщества в этих вопросах. Обращение к «закулисию» политики в области науки и культуры во многом обусловлено тем, что одной из современных тенденций развития исторической науки является расширение исследовательского арсенала историков, которые все чаще используют оптику видения «истории через личность», что является результатом «исторического поворота», возрождения «нарративной истории», фокусирующей внимание на событиях, культуре и индивиде, и проявляется в росте исследовательских практик, обсуждении этой проблематики на различных дискуссионных площадках¹. Историки отводят все более значимую роль в объяснении моделям и способам поведения акторов исторического процесса. В рамках заявленной темы внимание может быть направлено на «действующее лицо», понимаемое как социальная и культурная конструкция в системе отношений с властью в форме консенсуса или конфликта, способное на действие внутри исторического контекста.

В предлагаемой статье сделана попытка реконструкции диалога с властью, нашедшего отражение в деловой и личной переписке графа Алексея Сергеевича Уварова (1824–1884), выдающегося интеллектуала Российской империи, стоявшего у истоков формирования русского национального исторического сообщества. Его имя стоит в почетном ряду основателей Императорского Русского археологического общества, Императорского Московского археологического общества, Исторического музея в Москве. Задумав в 1864 г. проведение Археологических съездов, которые будут собираться на постоянной основе с 1869 г. вплоть до Первой мировой войны и объединят

¹ История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2005; Межкафедральный круглый стол «Актуальные проблемы персональной истории» (Минск, 29 января 2013 г.) // Российские и славянские исследования: научный сборник. Вып. 8 / Отв. ред. А.П. Сальков, О.А. Яновский. Минск, 2013. С. 272–308; *Мишалова Е.В.* Исторический нарратив как форма организации и репрезентации исторического знания // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXI. № 1. С. 157–173; и др.

усилия академического сообщества, а также любителей и знатоков «древностей» в деле изучения и сохранения памятников прошлого, он неизбежно вступил в сложные бюрократические отношения с Министерством народного просвещения, что нашло отражение в деловой переписке руководства Московского археологического общества и чиновников.

Основными задачами статьи являются выявление роли личности лидера для процесса формирования профессиональной идентичности и институционального оформления научных сообществ разных уровней, а также оценка познавательных возможностей коммуникативного подхода к изучению научных сообществ на примере истории формирования как региональных обществ, так и национального исторического сообщества Российской империи, складывавшегося в том числе и благодаря деятельности новой формы организации исторической науки — Археологических съездов.

В отечественной историографии вопросы правительственной политики по отношению к научным обществам были затронуты в работах В.И. Чеснокова, который описал процесс подготовки первого Археологического съезда (1869 г.) и взаимодействие Московского археологического общества (далее — МАО) с Министерством народного просвещения². Взаимоотношения археологов с государственными структурами Российской империи и с российским обществом изучались А.С. Смирновым³. На первый план в этих работах был поставлен вопрос о влиянии государственных институтов на науку, о соотношении археологами своих научных устремлений с идеологическими доктринами империи. В более широком плане деятельность МАО и Археологических съездов представлена в работах А.А. Формозова, Н.И. Платоновой, Л.С. Клейна⁴.

В последнее время изучение процесса институционального оформления научно-исторического сообщества в XIX в. становится важным направлением историографических исследований. Схолярная проблематика в научной литературе представлена весьма разнообразно. Одними из первых сформулировали понятие «научное сообщество» и описали его специфику Р. Мертон, Т. Кун, Т. Парсонс.

² Чесноков В.И. Правительственная политика и историческая наука России 60–70-х годов XIX века. Исследовательские очерки. Воронеж, 1989. Гл. 2. С. 56–95.

³ Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX — начала XX века). М., 2011.

⁴ Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М., 1961; Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб., 2010; Клейн Л.С. История археологической мысли. В 2 т. Т. 1. СПб., 2011. Т. 1.

Р. Мертон определил основные императивы образа жизни и смысла научного сообщества, среди которых — универсализм (внеличностный характер научного знания), коллективизм, бескорыстие и скептицизм⁵. Т. Кун подчеркивал влияние всей социально-культурной жизни общества на развитие научных сообществ, а также на конкурентную составляющую их взаимодействия. В работах Т. Парсонса обращают на себя внимание методология структурного функционализма применительно к изучению научных сообществ и предложенная ученым теория социального действия.

Во второй половине XX — первых десятилетиях XXI в. в отечественной историографии вопросы науковедения были подняты в трудах А.В. Свешникова, А.С. Степанского, И.И. Комаровой, В.П. Корзун, Г. Лайтко, А.С. Смирнова и др.⁶ В центре внимания ученых — различные институции, связанные с научными школами или научно-историческим сообществом. По мнению исследователей, процесс институционализации науки нашел отражение как в развитии научных школ, которые представляют собой «объединения единомышленников, занимающихся производством научного знания (исследовательская функция) и воспитанием себе подобных (образовательная функция)»⁷, так и в создании научных (ученых) обществ, особой формы интеллектуального объединения, существующей для развития и распространения академической дисциплины. Если научная школа, как правило, имеет неформальный характер, объединение ученых в рамках школы осуществляется посредством приверженности одному предметному полю, единой методологии и методам исследования, то научные общества являются институциями, которые всегда имеют организационную структуру и юридическое оформление. Среди целей научных обществ, закрепленных в нормативных документах, уставах или правилах, наряду с академическими, обычно ставятся и задачи популяризаторские, что предопределяет более широкое представительство: членами научного

⁵ См.: *Мирская Е.З.* Р.К. Мертон и этос классической науки // *Философия науки*. Вып. 11: *Этос науки на рубеже веков*. М., 2005. С. 13.

⁶ *Лайтко Г.* Научная школа — теоретические и практические аспекты // *Школы в науке* / Отв. ред. С.Р. Микулинский и др. М., 1977. С. 227–229; *Степанский А.Д.* Общественные организации в России на рубеже XIX–XX веков: пособие по спецкурсу / Под ред. Н.П. Ерошкина. М., 1982; *Комарова И.И.* Научно-историческая деятельность губернских и областных статистических комитетов // *Археографический ежегодник за 1986 год*. М., 1987. С. 85–96; *Смирнов А.С.* Государственный патернализм и археологическая наука // *Российское государство: истоки, современность, перспективы*. Липецк, 2012. Ч. II. С. 84–91.

⁷ *Корзун В.П.* Научные сообщества историков России: практики антропологического описания (из лекционного опыта) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2012. № 16 (270). С. 100.

общества могут быть не только академические ученые, но и представители образованной среды — преподаватели, чиновники и др.

В начале XXI в. заметным явлением в отечественной историографии стали работы, выполненные под влиянием «антропологического поворота», акцент в таких исследованиях переместился на самого человека, на его непосредственный опыт в историческом процессе⁸. Как справедливо отметила В.П. Корзун, знакомя слушателей своего лекционного курса «Методика историографического анализа» с практиками антропологического описания, антропологический поворот — «это не только интерес к человеку, в данном случае к человеку науки, но и интерес к формам проживания жизни человеком науки, его повседневному миру, интерес к приватным формам общения, определенным интеллектуальным сетям, которые складываются между учеными, причем не только в рамках одной профессии. Помимо “очеловечивания” историографических трудов историческая антропология ориентирована изначально на обновление методики и проблематики исследования, на использование достижений социальной и культурной антропологии, социологии, лингвистики»⁹.

В практиках исторических исследований антропологический поворот проявляется в сфере методологии посредством использования коммуникативного подхода, который позволяет сфокусировать изучение научных сообществ на характере контактов, взаимодействиях людей, представляющих эти сообщества, выйти за рамки видения сообщества как института, воспроизводящего научное знание. Коммуникативный подход как комплементарный к «традиционному» институциональному предполагает типологию коммуникаций, представленную как внутринаучными, так и внешними коммуникациями, связанными с социокультурным контекстом, включающим и властный уровень, а также институциональными и личностными коммуникациями. При этом важным критерием типологии коммуникаций является способ трансляции информации: коммуникации устные, письменные, печатные и др. Способы трансляции информации во многом определили значимость источниковедческой реализации методологии коммуникативного подхода в практиках изучения научных сообществ с точки зрения поиска, выявления и методов

⁸ См., например: *Сидорова Л.А.* Стиль жизни и научного творчества историков России на рубеже XIX — XX вв. // *История и историки: историографический вестник.* 2007. М., 2009. С. 108–119; *Бычков С.П., Вандалковская М.Г., Корзун В.П., Свешников А.В., Хряков А.В., Мамонтова М.А. и др.* Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005.

⁹ *Корзун В.П.* Указ. соч. С. 99.

критики и интерпретации информации, содержащейся в различных по видовой принадлежности источниках.

Представляется чрезвычайно интересным российский опыт изучения организационных форм институционализации национального научного сообщества, к исследованию которого наряду с традиционными методами может быть применена методология коммуникативного подхода. Хорошо известно, что функции «материнской» дисциплины история делила на первых порах с археологией, названной «помощницей истории». Как отмечал К.Н. Бестужев-Рюмин, предмет археологии охватывал «весь круг памятников, оставшихся от древнейшей жизни... Все остальные знания, так называемые вспомогательные науки истории, суть часть археологии»¹⁰. Неслучайно дискуссии шли о «водоразделе» в предметах этих дисциплин. Кроме того, по факту именно в недрах археологии как науки о древностях во многом формировалось предметное поле истории, представленное такими ее областями, как региональная история, краеведение, а также вспомогательными дисциплинами — исторической географией, эпиграфикой, геральдикой, нумизматикой и др. Со временем археология утратила статус «прародительницы», превратившись в историческую дисциплину с четко очерченными границами предметной области, предполагающими изучение прошлого человечества по вещественным источникам. Однако именно съезды археологов, проводившиеся по инициативе А.С. Уварова в 1869–1911 гг., были тем институтом, который обозначил начальные формы организации научно-исторического сообщества и дал толчок развитию и дифференциации исторической науки.

История организации Археологических съездов была непростой и довольно продолжительной. Решение о созыве первого съезда русских археологов было принято на заседании МАО 3 ноября 1864 г. На этом заседании его председатель А.С. Уваров, говоря о развитии археологической науки и ее методах изучения памятников, о задачах, стоящих перед МАО, отметил наиболее важную из них — «уничтожение равнодушия к русским древностям и возбуждения общего, живого участия к русской археологии» — и назвал «самую действительную и коренную» меру для решения этой задачи: созыв «ученых съездов»¹¹. Реконструкция процесса организации Археологических съездов может быть проведена по обширному корпусу делопроизводственных материалов, хранящихся в Центральном

¹⁰ Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. I. СПб., 1872. С. 14.

¹¹ Уваров А.С. О деятельности, предстоящей Московскому Археологическому обществу. Вступительная речь председателя гр. А.С. Уварова // Древности. Труды Московского Археологического общества. Т. I. Вып. 1. М., 1865. С. V.

архиве г. Москвы (ЦГА г. Москвы, ф. 454, оп. 2), Российском государственном историческом архиве (РГИА, ф. 733, оп. 142), Научном архиве Института истории материальной культуры РАН (ИА ИИМК РАН, ф. 4, оп. 1), а также по опубликованным протоколам заседаний МАО в периодическом издании общества «Древности».

Сложность работы с архивной частью данного корпуса документов заключается не только в том, что они оказались распределены по разным фондам. Взаимосвязанная документация корреспондентов распалась, и для ее восстановления необходимо аккумулировать информацию разных фондов. Например, инициативный документ, на основании которого возникает переписка, — начальное звено в цепочке писем — отложился в одном архиве, а ответы на данное письмо — в другом. Нужно отметить и то, что если в делопроизводстве государственных учреждений, как правило, создавались и затем сохранялись копии исходящих документов («отпуска»), то в архиве общественных организаций их зачастую нет, или они имеют форму черновика, трудночитаемого с точки зрения палеографии, и не всегда идентичны по содержанию оригиналу. Тем не менее, даже отсутствие некоторых элементов в цепочке деловой переписки позволяет по содержанию одного документа понять, о чем шла речь в отсутствующем, восполнить пробелы, поскольку формуляр делового письма предполагал отсылку к исходящему документу (например: «На письмо Вашего сиятельства от 30 прошлого апреля за № 480 поспешаю ответить, что...»¹²; или: «В дополнении к письму моему от 12 декабря за № 279 имею честь уведомить Ваше сиятельство, что...»¹³).

Согласно протоколам МАО, графу А.С. Уварову понадобилось около 9 месяцев, чтобы перейти от идеи к действиям: на заседании 19 августа 1865 г. он предложил ходатайствовать перед правительством о разрешении созвать Археологический съезд, были названы его главные задачи: «1) установить известные аксиомы, которые послужат первым основанием русской археологии, подвергнув их всестороннему рассмотрению для определения их только местного характера или их применения вообще к русским древностям; 2) сохранение наших памятников, приискание мер для защиты их от всякого повреждения и представление этих мер правительству с целью спасти их от разрушения и остановить, наконец, уничтожение остатков нашей старины...»¹⁴.

¹² ЦГА г. Москвы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 10. Л. 30.

¹³ Там же. Л. 59.

¹⁴ Летопись общества // Древности. Труды Московского Археологического общества. Т. I. Вып. 2. М., 1867. С. 81.

Вскоре по инициативе графа А.С. Уварова была создана особая комиссия для разработки вопроса о подготовке съезда и начаты переговоры с другими научными обществами и отдельными лицами о созыве Предварительного (Подготовительного) комитета. «Комиссия по устройству съезда» должна была «ходатайствовать перед министром народного просвещения о “высочайшем соизволении на открытие” съезда и созыв Предварительного комитета», «просить об отпуске денежных средств», до получения «высочайшего разрешения» начинать «подготавливать» и «возбуждать силы на заготовление рефератов по археологическим вопросам», а также «обсуждать те предметы древности и те вопросы по археологии, которые должны занять видное место в программе будущего съезда»¹⁵.

По данным деловой переписки МАО можно в деталях реконструировать весь процесс начального этапа. В феврале–апреле 1866 г. научные общества и учреждения получили письмо-отношение, в котором подробно излагались задачи съезда, а также предлагалось собрать Предварительный комитет, который занялся бы подготовкой съезда, было определено время и место работы комитета, а именно — «первые числа мая 1866 г.» в Петербурге. Авторы обозначили свою позицию в отношении состава комитета: три человека от Императорского Русского археологического общества, два — от МАО, по одному от других научных обществ. С момента создания комитета подготовительная комиссия должна была прекратить свою деятельность, а Предварительному комитету предписывалось принимать вопросы по научной проблематике, которые стали бы основой для программы будущего съезда¹⁶.

Однако к назначенному сроку Предварительный комитет I съезда не был создан. По свидетельству супруги председателя МАО П.С. Уваровой, «года 1866 и 1867 посвящены... выяснению среди самих членов общества полезности этого созыва и тех вопросов, которые все более и более назревали как по сохранению памятников, так и по разработке остальных вопросов изучения родной старины»¹⁷.

Обширная переписка руководителей общества с коллегами отложилась в архиве МАО, и на ее основании можно в деталях реконструировать процесс научной и организационной коммуникации. В большинстве случаев эти письма содержат слова поддержки

¹⁵ ЦГА г. Москвы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 66. Л. 16–17.

¹⁶ Там же. Д. 10. Л. 50–51.

¹⁷ Уваров А.С. Сборник мелких трудов: издание ко дню 25-летия со дня кончины / Под ред. гр. П.С. Уваровой. В 3 т. Т. III. Материалы для биографии и статьи по теоретическим вопросам. М., 1910. С. 137.

начинанию графа А.С. Уварова, размышления о том, как лучше устроить дело, хотя и негативные мнения также имели место. Анализ писем позволяет не только очертить круг корреспондентов на персональном уровне, но и наметить институциональную структуру формировавшегося научного сообщества. Корреспондентами председателя МАО выступали представители академических структур, высших учебных заведений, губернских статистических комитетов и др.

Изучение материалов позволяет выделить в особую группу источников деловую переписку графа А.С. Уварова с Министерством народного просвещения и его главой — графом Д.А. Толстым. Инициатором переписки выступал председатель МАО, он ходатайствовал перед министром о разрешении съезда русских археологов и о созыве Предварительного комитета. В ответ на письмо А.С. Уварова от 30 апреля 1866 г. Д.А. Толстой написал, что «признавая и со своей стороны устройство предложенного Московским археологическим обществом съезда русских археологов полезным и желательным, я не встречаю никаких препятствий к открытию в Санкт-Петербурге Предварительного комитета для подготовительных к съезду работ»¹⁸. В отношении самого съезда министр попросил графа А.С. Уварова действовать согласно существующему порядку, а именно: «Высочайшее разрешение... должно быть испрашено по предварительном сношении с г. министром внутренних дел чрез комитет гг. министров». Со своей стороны он добавил, что также будет представлять этот вопрос перед Комитетом министров, для чего попросил предоставить информацию о времени и месте съезда, а также о «тех ученых вопросах, которые предложены будут к обсуждению на оном»¹⁹.

В мае 1866 г. было получено разрешение для проведения подготовительных мероприятий, в частности, для создания Предварительного комитета. Переписка с министром народного просвещения продолжалась весьма интенсивно в этот период. По мнению В.И. Чеснокова, переписка А.С. Уварова и Д.А. Толстого строилась «не столько на основе официальных отношений Министерства народного просвещения и Московского археологического общества, сколько на уровне доверительных отношений двух сановников, из которых каждый имел графский титул»²⁰. Об этом свидетельствует «тональность» переписки. Так, например, в письме от 10 июня

¹⁸ ЦГА г. Москвы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 10. Л. 30.

¹⁹ Там же.

²⁰ Чесноков В.И. Указ. соч. С. 59.

1866 г. Д.А. Толстой, отвечая на просьбу А.С. Уварова о предоставлении возможности участия в съезде и о выделении средств для ученых, «связанных службою», написал: «...имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство уведомить меня, в каком размере, по Вашему мнению, потребуется пособие со стороны правительства»²¹. 27 ноября 1867 г. Д.А. Толстой в письме А.С. Уварову вновь перечислил свои вопросы и еще раз обозначил свою позицию: «Я готов всеми зависящими от меня средствами содействовать осуществлению предполагаемого Археологического съезда, от которого ожидаю значительную долю пользы для развития русской археологии»²². В РГИА сохранились ответы А.С. Уварова на поставленные министром вопросы, финальное письмо в этой переписке датируется 9 февраля 1868 г. Именно тогда А.С. Уваров представил в министерство «главные основания» для созыва съезда археологов, а именно — основные вопросы, которые будут подвергнуты обсуждению на съезде, информацию о продолжительности и месте проведения съезда, порядок приглашения делегатов. Тогда же он ходатайствовал о получении «высочайшего государя императора соизволения на открытие в Москве осенью текущего года съезда русских археологов», а 27 апреля 1868 г. получил за подписью товарища министра народного просвещения И.Д. Делянова известие о положительном решении вопроса²³, о чем А.С. Уваров торжественно объявил на заседании МАО 7 мая 1868 г.²⁴. I Археологический съезд начал свою работу 16 марта 1869 г.

А.С. Уваров, разрабатывая идею всероссийских съездов, был твердо уверен в необходимости создания постоянно действующей организации. На I Археологическом съезде в Москве было принято решение о необходимости продолжать работу в этом направлении. Закрывая съезд, А.С. Уваров подчеркнул, что «главный вопрос о существовании Археологических съездов в России решен окончательно... нам лучше сказать друг другу не “прощай”, а “до свидания”»²⁵. 11 мая 1869 г. в Министерство народного просвещения было направлено ходатайство о возобновлении Археологических съездов. В нем говорилось, что «только при периодическом возобновлении съездов русских археологов можно надеяться на упрочение пользы, приносимой съездами, и с этой целью жела-

²¹ ЦГА г. Москвы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 10. Л. 37.

²² Там же. Л. 57.

²³ Там же. Л. 115–116.

²⁴ Уваров А.С. Сборник мелких трудов... Т. III. С. 138.

²⁵ Труды I Археологического съезда в Москве / Под ред. А.С. Уварова. Т. I. М., 1871. С. 62.

тельно, чтобы съезды повторялись каждые три года и каждый раз собирались в другом городе, чем скорее распространится как понимание, так и уважение к отечественным древностям»²⁶. Ответ министра датируется 2 июня 1869 г., он был отрицательным и довольно обстоятельным. Мотивировался отказ так: «...при испрошении высочайшего соизволения на устройство бывшего в минувшем году в Санкт-Петербурге съезда естествоиспытателей я вместе с тем ходатайствовал о дозволении Министерству народного просвещения устраивать подобные съезды в известные определенные сроки, но Комитет министров нашел это невозможным и предоставил мне на устройство съездов естествоиспытателей испрашивать каждый раз особые высочайшие повеления. За сим едва ли можно ожидать успеха в ходатайстве о периодических съездах археологов, и я крайне затрудняюсь принять на себя такое ходатайство». Тем не менее, сама идея проведения II Археологического съезда в Санкт-Петербурге в 1872 г. была одобрена. Д.А. Толстой обещал, что «по получении своевременного об этом заявления... с полной готовностью примет на себя ходатайство по сему предмету»²⁷. Таким образом, постепенно складывался порядок, согласно которому перед каждым новым съездом председатель МАО повторял процедуру получения высочайшего разрешения.

Материалы переписки периода подготовки I Археологического съезда раскрывают еще одну интересную страницу, касающуюся вопроса о приглашении великого князя Владимира Александровича быть почетным председателем съезда. С самого начала МАО в известной мере противопоставляло себя петербургским традициям. Это касалось развития определенных разделов науки о древностях. Если Императорское Русское археологическое общество (далее — ИРАО) круг своих занятий ограничивало традиционной классической археологией и нумизматикой (в соответствии с § 1 своих «Статутов» 1846 г. и уставом 1849 г.)²⁸, то МАО объединило вокруг себя растущие силы местных специалистов и энтузиастов, ученых и краеведов, коллекционеров и историков в деле развития новых направлений, связанных прежде всего с разработкой национальной проблематики науки о древностях. По мнению В.И. Чеснокова, «высокомерной отчужденности Русского археологического общества Московское как бы противопоставило вынесение науки из залов

²⁶ ЦГА г. Москвы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 10. Л. 368.

²⁷ НА ИИМК РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 14. Л. 12–15.

²⁸ См.: История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования, 1846–1896 / Сост. Н.И. Веселовский. СПб., 1900. С. 49–82.

заседаний в публику»²⁹. «Элитарность» и «придворность» ИРАО выражались еще и в том, что с 1849 г. оно имело статус императорского общества, а в 1852 г. его возглавил великий князь Константин Николаевич. А.С. Уваров поставил задачу добиться для МАО похожих привилегий. В РГИА сохранилось «Дело о принятии фондом наследственного цесаревича под свое покровительство Московского археологического общества и его высочеством великим князем Владимиром Александровичем звания почетного члена этого общества», датированное 31 августа 1865 г. (оп. 142, д. 239). Владимир Александрович, сын императора Александра II, в то время — товарищ президента Академии художеств, сенатор и попечитель Румянцевского музея, покровительствовал МАО, но предложения стать почетным председателем I Археологического съезда не принял.

Архивные материалы позволяют увидеть, как А.С. Уваров «для полного успеха дела и для начал отечественной науки»³⁰ пытался осуществить свой замысел. Помогал А.С. Уварову в этом вопросе граф Б.А. Перовский (1815–1881). Он входил в свиту императора, был воспитателем великих князей Александра Александровича и Владимира Александровича, а в будущем станет членом Государственного совета (1874). Важно отметить, что Борис Алексеевич Перовский был сводным братом матери А.С. Уварова (внебрачным сыном А.К. Разумовского). В ЦГА г. Москвы сохранилась переписка дяди и племянника, двух представителей аристократических кругов России. В этих письмах А.С. Уваров раскрывается как человек, глубоко переживающий за свое дело. Черновик инициативного документа, написанный рукой председателя МАО, датирован 10 февраля 1869 г. Примерно за месяц до открытия съезда А.С. Уваров просил содействия Б.А. Перовского в приглашении великого князя Владимира Александровича «принять звание почетного председателя съезда и съезд открыть под своим личным председательством»³¹.

В архиве сохранился интересный документ, похожий на проект или неоконченный черновик личного письма, написанный рукой А.С. Уварова, с многочисленными правками и без указания адресата, с обращением к корреспонденту на «ты». Этот документ раскрывает внутренние переживания автора, связанные с приглашением великого князя стать почетным председателем съезда. Содержание письма показывает, что у А.С. Уварова не было уверенности, что Владимир Александрович даст свое согласие: «Признаюсь тебе, что все это

²⁹ Чесноков В.И. Указ. соч. С. 57.

³⁰ ЦГА г. Москвы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 10. Л. 150.

³¹ Там же.

замедление со стороны Перовского возбуждает во мне опасение в отказе со стороны великого князя»³². Более того, можно предположить, что не только Б.А. Перовский был вовлечен в этот процесс, А.С. Уваров упоминал «личные обращения» и «покровительство» своего корреспондента.

Возвращаясь к переписке с Б.А. Перовским, отметим, что последний, не имея еще официального ответа великого князя, пытался утешить А.С. Уварова. Он писал: «Я воображаю, любезный друг, сколько стаканов воды в ожидании моего ответа ты выпил, как уехал из Петербурга. Если бы я предвидел это, ни за что на свете не посоветовал бы тебе уехать отсюда. Петербург, с его величественной Невой, ничего не потерял бы от этого, между тем как Москва-река, в ней уже будто бы воды немного». В этом письме, датированном 28 февраля 1869 г., автор намекал на то, что были обстоятельства, которые могли помешать положительному ответу великого князя. Б.А. Перовский убеждал А.С. Уварова, что сделал всё, что от него зависело, и предлагал своему племяннику: «Потерпи еще два дня, выпей, пожалуй, еще лишних стакана два воды и воздержись от обвинения невинного»³³.

3 марта 1869 г., менее чем за две недели до съезда, А.С. Уваров получил официальное подтверждение тому, что его опасения не были напрасными: «Его императорское высочество великий князь Владимир Александрович, к сожалению, не может принять звание почетного председателя на съезде русских археологов по случаю предстоящей его высочеству поездки за границу на второй неделе Великого поста. В[еликий] к[нязь] поручил мне сообщить об этом Вашему сиятельству и изволит изъявлять искреннее желание, чтобы предстоящее в Москве собрание ученых принесло пользу и добрые плоды отечественной науке»³⁴. Это письмо Б.А. Перовского А.С. Уварову, но написано оно в совершенно другом тоне и стиле. Неизвестно, каковы были причины отказа, неизвестно, как отреагировал на сообщение А.С. Уваров, но это было не последнее разочарование накануне съезда.

14 марта 1869 г. А.С. Уваров получил еще одно известие, которое вряд ли могло обрадовать председателя МАО. Это была телеграмма из Петербурга от министра народного просвещения графа Д.А. Толстого следующего содержания: «Захворал, доктора не пускают в Москву. Завтра будет Делянов»³⁵. Это значило, что открывать

³² Там же. Л. 87.

³³ Там же. Л. 88–89.

³⁴ Там же. Л. 168.

³⁵ Там же. Л. 97.

съезд поручено товарищу министра просвещения. Можно предположить, что это был сильный удар по честолюбию председателя МАО, все старания А.С. Уварова по укреплению статуса Археологического съезда не увенчались успехом. Но, как бы там ни было, подготовка к съезду шла полным ходом, и вряд ли отсутствие «высочайшего покровительства» могло уменьшить его успех и значение. Справедливости ради стоит отметить тот факт, что уже на V съезде, проходившем в Тифлисе в 1881 г., «высочайшее покровительство» принял на себя наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич, а МАО получило статус «императорского». Начиная же с VI съезда, уже после кончины графа А.С. Уварова, бессменным почетным председателем Археологических съездов стал великий князь Сергей Александрович.

Стоит сказать, что организаторы съездов много лет спустя восхищались тем, как легко А.С. Уваров преодолевал «трудности и препятствия, которые должны были встретиться на пути столь нового по замыслу дела, тем более трудного, что на проведение его в жизнь предполагалось употребить всего только 4 месяца»³⁶. После кончины графа А.С. Уварова его дело продолжила супруга, возглавлявшая МАО и руководившая Археологическими съездами вплоть до эмиграции в 1919 г. П.С. Уварова опиралась на тот механизм работы съездов, который создал А.С. Уваров, и на тот круг единомышленников, которым так гордился первый председатель МАО.

В заключение нужно отметить, что расширение источниковой базы, обращение к неопубликованным материалам личной и деловой переписки позволяет не только обогатить новыми фактами известные историкам события и явления, но и по-новому взглянуть на них, решить ряд вопросов, связанных как с реконструкцией исторических явлений и процессов, так и с новым видением проблемы, интерпретацией и объяснением исторической реальности. Взгляд «изнутри» на усилия А.С. Уварова, направленные на организацию такого масштабного проекта, каким были Археологические съезды, сыгравшие значимую роль в ходе институционализации научно-исторического сообщества России во второй половине XIX в., позволяет «уловить... эмоциональную энергию, которую задают лидеры научных школ», и, обращаясь к текстологическому анализу, «вычитать эмоцию»³⁷. Это расширяет понимание научной школы в социокультурном плане, а использование методологии коммуникативного подхода, применяемой к текстам личной и деловой переписки

³⁶ Уваров А.С. Сборник мелких трудов... Т. III. С. 138.

³⁷ Корзун В.П. Указ. соч. С. 101.

ски, дает возможность реконструировать диалог интеллектуалов с властью, который обнаружил особую роль председателя МАО графа А.С. Уварова, благодаря энергии и творческому энтузиазму которого была реализована идея Археологических съездов, впоследствии превратившихся в постоянно действующую организацию, объединившую ученых России в деле изучения памятников древности.

Список литературы

Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. Т. I. СПб., Издание Д.Е. Кожанчикова, типография А. Траншея, 1872. 450 с.

Бычков С.П., Вандалковская М.Г., Корзун В.П., Свешников А.В., Хряков А.В., Мамонтова М.А. и др. Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В.П. Корзун. Омск: Омский государственный университет, 2005. 683с.

История Императорского Русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования, 1846–1896 / Сост. Н.И. Веселовский. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1900. 516 с.

История через личность: историческая биография сегодня / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круг, 2005. 715 с.

Клейн Л.С. История археологической мысли. В 2 т. Т. 1. СПб.: Издательство СПбГУ, 2011. 686 с.

Комарова И.И. Научно-историческая деятельность губернских и областных статистических комитетов // Археографический ежегодник за 1986 год. М.: Наука, 1987. С. 85–96.

Корзун В.П. Научные сообщества историков России: практики антропологического описания (из лекционного опыта) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 16 (270). С. 99–109.

Лайтко Г. Научная школа — теоретические и практические аспекты // Школы в науке / Отв. ред. С.Р. Микулинский и др. М.: Наука, 1977. С. 227–229.

Межкафедральный круглый стол «Актуальные проблемы персональной истории» (Минск, 29 января 2013 г.) // Российские и славянские исследования: научный сборник. Вып. 8 / Отв. редакторы А.П. Сальков, О.А. Яновский. Минск: БГУ, 2013. С. 272–308.

Мирская Е.З. Р.К. Мертон и этос классической науки // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. М: ИФ РАН., 2005. С. 11–27.

Мишалова Е.В. Исторический нарратив как форма организации и презентации исторического знания // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXI. № 1. С. 157–173.

Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века. СПб.: Нестор-История, 2010. 314 с.

Сидорова Л.А. Стиль жизни и научного творчества историков России на рубеже XIX — начала XX в. // История и историки: историографический вестник. 2007. М.: ИРИ РАН, 2009. С. 108–119.

Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX — начала XX века). М.: Институт археологии РАН, 2011. 592 с.

Смирнов А.С. Государственный патернализм и археологическая наука // Российское государство: истоки, современность, перспективы. Ч. II. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тянь-Шанского, 2012. С. 84–91.

Степанский А.Д. Общественные организации в России на рубеже XIX–XX веков: пособие по спецкурсу / Под ред. Н.П. Ерошкина. М.: МГИАИ, 1982. 91 с.

Формозов А.А. Очерки по истории русской археологии. М.: Издательство АН СССР, 1961. 128 с.

Чесноков В.И. Правительственная политика и историческая наука России 60–70-х годов XIX века. Исследовательские очерки. Воронеж: Издательство ВГУ, 1989. 209 с.

Поступила в редакцию
16 августа 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2022-6-88-108

С.В. Куликов

**И.И. ТХОРЖЕВСКИЙ И СОЗДАНИЕ
ОСНОВНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКОНОВ
23 АПРЕЛЯ 1906 г.**

S. V. Kulikov

**I. I. THORZHEVSKY AND THE CREATION
OF THE FUNDAMENTAL LAWS OF THE STATE
OF 23 APRIL 1906**

Аннотация. Создание Основных государственных законов 23 апреля 1906 г. как цельный процесс, охватывающий период с октября 1905 по апрель 1906 г., не подвергалось особому изучению, хотя оно сводилось к выработке фактически первой в истории России действующей конституции, которая впоследствии оказывала определяющее воздействие на историю «думской монархии». Вместе с тем, имеются здесь и частные историографические лакуны: так, нет четкого представления о роли в создании Основных законов 1906 г. Ивана Ивановича Тхоржевского, с 1901 г. служившего в Канцелярии Комитета министров. Его бюрократическая карьера была типичной в том смысле, что ее детерминировали не родственные связи, а дружеские отношения, приобретенные на юридическом факультете Петербургского университета (с бароном Б.Э. Нольде) и в Канцелярии Комитета министров (с М.И. Горемыкиным). В феврале–марте 1906 г. по поручению председателя Комитета и Совета министров графа С.Ю. Витте И.И. Тхоржевский подготовил замечания на проект новых Основных законов. Этот проект был составлен по повелению Николая II в ноябре–декабре 1905 г. заместителем государственного секретаря П.А. Харитоновым и в январе–феврале 1906 г. переработан высшими чинами Государственной канцелярии под общим руководством председателя Государственного совета графа Д.М. Сольского и государственного секретаря барона Ю.А. Иксуля фон Гильденбандта. Замечания И.И. Тхоржевского легли в основу замечаний С.Ю. Витте на проект Государственной канцелярии, подготовленных начальником Канцелярии Комитета министров бароном Э.Ю. Нольде. Тем самым замечания И.И. Тхоржевского существенно повлияли на редакцию Основных законов, которая обсуждалась на заседаниях Совета министров

Куликов Сергей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Новой истории России Санкт-Петербургского института истории РАН

Kulikov Sergey Viktorovich, PhD Candidate in History, Senior Research Fellow, Department of Russia's Modern History, Institute of History in Saint Petersburg, RAS
+7-921-782-64-06; sergeykulikov70@mail.ru

в марте 1906 г., и на их окончательную редакцию, обсуждавшуюся в Особом совещании под председательством Николая II в апреле 1906 г. Можно утверждать, что участие И.И. Тхоржевского, чиновника-интеллектуала, в создании новых Основных законов было обусловлено его личными дарованиями и крайне успешно начавшейся бюрократической карьерой.

Ключевые слова: бюрократия в Российской империи, Основные государственные законы, Комитет министров, юридический факультет Петербургского университета, Министерство земледелия, С.Ю. Витте.

Abstract. The process of the creation of the Fundamental Laws of 23 April 1906 from October 1905 through April 1906 has not been specifically studied, despite the fact that it was a development of the first effective constitution in Russian history, which subsequently influenced the history of the “Duma monarchy”. There are also some minor gaps in historiography: there is no adequate study of the role of Ivan Ivanovich Tkhorzhevsky, who served in the Office of the Committee of Ministers since 1901, in the creation of the Fundamental Laws of 1906. His bureaucratic career was typical in the sense that it was determined not by family ties, but by friendship ties that were forged in the Law School of Saint Petersburg University (with Baron B.E. Nolde) and the Chancellery of the Committee of Ministers (with M.I. Goremykin). In February and March 1906, Tkhorzhevsky prepared comments on the draft of the new Fundamental Laws on behalf of the Chairman of the Committee and Council of Ministers, Count S.Yu. Witte. This draft was made by the Deputy Secretary of State P.A. Kharitonov at the behest of Nicholas II in November and December 1905, and in January–February 1906 it was revised by senior officials of the State Chancellery under the guidance of the Chairman of the State Council, Count D.M. Solsky, and the Secretary of State, Baron Ju.A. von Uexküll-Güldenband. Tkhorzhevsky’s comments formed the basis of Witte’s remarks on the draft of the State Chancellery, which was prepared by the head of the Office of the Committee of Ministers, Baron E.Yu. Nolde. Thus Tkhorzhevsky substantially influenced the version of the Fundamental Laws, which was discussed at the sessions of the Council of Ministers in March 1906, and their final redaction, which was discussed at the Special Council chaired by Nicholas II in April 1906. It can be argued that Tkhorzhevsky’s participation in the making of the new Basic Laws was due to his personal talents and extremely successful bureaucratic career.

Keywords: bureaucracy in the Russian Empire, Fundamental Laws of the State, Committee of Ministers, Law School of Petersburg University, Ministry of Agriculture, S.Yu. Witte.

* * *

В истории создания первой российской действующей конституции, каковой стали Основные государственные законы, утвержденные Николаем II 23 апреля 1906 г., до сих пор остается ряд малоизученных эпизодов. Таковым, в частности, является роль в этом процессе И.И. Тхоржевского (1878–1951). Впрочем, еще в 1919 г. Н.С. Таганцев, используя документы из личного архива последнего управляющего делами (начальника Канцелярии) Комитета министров барона Э.Ю. Нольде, предоставленные его сыном, бароном

Б.Э. Нольде, не только установил причастность И.И. Тхоржевского к созданию новых Основных законов, но и процитировал подготовленную им по этому поводу записку¹. Однако Таганцев писал воспоминания, а не исследование, поэтому он процитировал записку Тхоржевского частично, и потому не дал целостного представления о ее содержании.

Это стало возможным после обнаружения данной записки автором настоящей статьи в фонде баронов Нольде (ф. 727), который хранится в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург)². Будучи в эмиграции, сам Тхоржевский, ознакомившись с воспоминаниями Таганцева, подтвердил приведенные им факты в рецензии на мемуары В.А. Маклакова «Власть и общественность на закате старой России»³ и в воспоминаниях, опубликованных посмертно⁴. Наконец, если как поэт и переводчик, публицист и литературовед Тхоржевский получил известность и в эмиграции⁵, и в СССР⁶, то как государственный деятель он почти неизвестен, поскольку его бюрократическая карьера специально не изучалась⁷. Как же проявил себя Тхоржевский на поприще государственной деятельности и каков вклад этого разностороннего человека в создание первой российской действующей конституции?

Иван Иванович Тхоржевский родился 19 сентября 1878 г. в Ростове-на-Дону, где был крещен в православие⁸ и, согласно его

¹ Таганцев Н.С. Пережитое. В 2 вып. Пг., 1919. Вып. 1. Учреждение Государственной думы в 1905–1906 гг. С. 158.

² Полный текст записки см.: Куликов С.В. Венец премьерства графа С.Ю. Витте. Подготовка Основных государственных законов 23 апреля 1906 г. (по новым документам) // С.Ю. Витте — экономист, политик, дипломат. Коллективная монография. М., 2015. С. 87–93.

³ Тхоржевский И.И. Воспоминания В.А. Маклакова. Лжеконституция и шофер. III // Возрождение. 1937. № 4071 (27 марта). С. 7.

⁴ Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 71–73.

⁵ Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–2001 в шести томах / Сост. В.Н. Чуваков. Т. 6. Кн. 2. М., 2006. С. 515.

⁶ Тхоржевский С.С. Тхоржевский Иван Иванович // Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. М., 1972. Стлб. 700.

⁷ Беллетризованная биография И.И. Тхоржевского принадлежит перу его племянника (Тхоржевский С.С. Шпага за шкафом. Вместо предисловия // Тхоржевский И.И. Последний Петербург. С. 5–21). Другой биограф И.И. Тхоржевского для реконструкции его бюрократической карьеры использовал только воспоминания Тхоржевского, проигнорировав относящиеся к ней неопубликованные архивные источники (Степанов А.В. Политическая элита России начала XX в. глазами поэта и гражданина: И.И. Тхоржевский и его мемуары // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2011. Вып. 4. История. С. 49–62).

⁸ Метрическое свидетельство И.И. Тхоржевского хранится в его личном деле: РГИА. Ф. 1276 (Совет министров). Оп. 16. 1901 г. Д. 320.

формулярному списку, происходил «из дворян»⁹. Во всяком случае, в 1909 г., при подготовке пожалования И.И. Тхоржевскому придворного звания камер-юнкера, главноуправляющий землеустройством и земледелием А.В. Кривошеин, тогдашний шеф Тхоржевского, удостоверял, что он происходит «из старинной и вполне почтенной дворянской семьи»¹⁰. Поэтому в делопроизводственном документе Министерства Императорского двора его отец был обозначен как «потомственный дворянин»¹¹. Отец И.И. Тхоржевского, Иван Феликсович Тхоржевский (1843–1910), адвокат, поэт, переводчик, журналист и издатель, пользовался репутацией общественного деятеля, отличавшегося оппозиционностью. «Уже первые выступления в печати свидетельствовали о демократических симпатиях Тхоржевского», — заключал его биограф, отмечая, что последующая публицистика Ивана Феликсовича «имела сатирическую направленность: критике подвергались политические, социальные и нравственные основы самодержавия»¹². Мать И.И. Тхоржевского в делопроизводстве Министерства Двора значилась как «потомственная дворянка, урожденная Пальм»¹³. Александра Александровна Тхоржевская (1855–1933), поэтесса, переводчица и педагог, была дочерью петрашевца Александра Ивановича Пальма (1822–1885), прозаика, драматурга и поэта, сына обрусевшего немца, мелкого провинциального чиновника (титularного советника), который был прадедушкой И.И. Тхоржевского и выкупил свою будущую жену, его прабабушку, из крепостных сразу после ее рождения¹⁴. Александра Александровна стала третьей женой Ивана Феликсовича и родила ему, помимо Ивана Ивановича, еще девять детей¹⁵.

В 1879 г. Тхоржевские переехали в Тифлис, где в 1909 г., накануне своей кончины, И.Ф. Тхоржевский состоял юрисконсультom Тифлис-

⁹ РГИА. Ф. 1349 (Формулярные списки чинов гражданского ведомства). Оп. 2. Д. 741. Л. 5 – 6 об.

¹⁰ А.В. Кривошеин — барону В.Б. Фредериксу. Не позднее 29 марта 1909 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 16. 1901 г. Д. 320. Л. 71.

¹¹ Краткое сведение об И.И. Тхоржевском. Не позднее 29 марта 1909 г. // РГИА. Ф. 472 (Канцелярия Министерства Императорского двора). Оп. 45. 1909 г. Д. 106. Л. 289.

¹² *Тхоржевский С.С.* Тхоржевский Иван Феликсович // *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь.* Т. 6. М.; СПб., 2019. С. 342.

¹³ Краткое сведение об И.И. Тхоржевском. Не позднее 29 марта 1909 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 45. 1909 г. Д. 106. Л. 289.

¹⁴ *Дрейлинг Л.* Пальм Александр Иванович // *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь.* Т. 4. М., 1999. С. 509–511.

¹⁵ *Тхоржевский С.С.* Тхоржевский Иван Феликсович // *Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь.* Т. 6. С. 342.

ского кредитного общества¹⁶. В формулярном списке И.И. Тхоржевского за 1906 г. о его имущественном положении сообщается: «Сведений нет»¹⁷, однако в «Кратком сведении» за 1909 г. относительно «имения» И.И. Тхоржевского указывается: «Не состоит»¹⁸, а в аналогичном документе за 1912 г., уже после смерти И.Ф. Тхоржевского, читаем: «У отца имение с усадьбою в Гурийском уезде Тифлисской губернии»¹⁹.

Наследственный литературный талант И.И. Тхоржевского проявился еще во время его учебы в Тифлисской гимназии, когда он сотрудничал не только в газетах Тифлиса, но и в журналах Петербурга — «Вестник Европы» и «Русское богатство». С отличием окончив гимназию в 1896 г., Тхоржевский поступил на юридический факультет Петербургского университета, где стал учеником профессора И.А. Ивановского, специалиста в области государственного и международного права. Весной 1899 г. Тхоржевский, после февральских студенческих беспорядков, «повинуясь общестуденческому настроению», как и его однокурсники, демонстративно не держал очередных экзаменов²⁰. Тем не менее, начинающий государствовед уже на третьем курсе получил золотую медаль за курсовую работу, посвященную политическому учению Б. Констан. Общность научных интересов содействовала сближению Тхоржевского с бароном Борисом Эммануиловичем Нольде, который учился на юридическом факультете в 1895–1899 гг. и также получил золотую медаль за сочинение о политическом учении Ж.Ж. Руссо²¹. «Еще в университете, — вспоминал Тхоржевский, — я подружился с бароном Нольде, будущей большой знаменитостью в области международного права. Но в дни своего студенчества барон над международным правом слегка подсмеивался: увлекался больше государственным правом и историей политических учений. На этом мы и сошлись: оба писали сочинения (о Руссо, о Бенжамене Констане), получали золотые медали и спорили до хрипоты на студенческих диспутах. А потом стали бывать друг у друга, сблизились»²².

¹⁶ Краткое сведение об И.И. Тхоржевском. Не позднее 29 марта 1909 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 45. 1909 г. Д. 106. Л. 289.

¹⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 16. 1901 г. Д. 320. Л. 56 об.

¹⁸ Краткое сведение об И.И. Тхоржевском. Не позднее 29 марта 1909 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 45. 1909 г. Д. 106. Л. 289 об.

¹⁹ Краткое сведение об И.И. Тхоржевском. 1912 г. // РГИА. Ф. 472. Оп. 45. 1912 г. Д. 10в. Л. 247 об.

²⁰ Тхоржевский И.И. Последний Петербург. С. 39, 172.

²¹ Тхоржевский И.И. Памяти Нольде // Русская мысль. 1948. № 60 (4 июня). С. 3.

²² Тхоржевский И.И. Последний Петербург. С. 22–23.

Через барона Б.Э. Нольде Тхоржевский познакомился с его отцом, бароном Э.Ю. Нольде, который в то время служил управляющим делами (заведующим делопроизводством) Собственной его императорского величества канцелярии, а 1 января 1902 г. стал товарищем (заместителем) ее главноуправляющего А.С. Танеева²³. О Нольде-старшем Тхоржевский писал: «Человек небольшого роста, с длинной, прославленной на всю столицу рыжей выхоленной бородой, делавшей его похожим на пушкинского “карлу Черномора”. Он вел свое происхождение от немцев-крестоносцев. Гордился тем, что в его фамильном гербе был изображен побежденный сарацин (мы непочтительно его дразнили, уверяя, что это “негритянка”). Но немецкого в его характере осталось уже очень мало: это был простой, умный и либеральный рязанский помещик, очень живой и очень веселый, слегка даже беспечный. Мне казалось иногда, что я дружу собственно с ним, а не с его сыном; сын был и тогда уже не по возрасту серьезен и практичен...»²⁴.

В 1901 г. по окончании Тхоржевским юридического факультета с дипломом 1-й степени он был оставлен при факультете для приготовления к ученой степени по кафедре государственного права до 1 октября 1902 г. со стипендией 600 руб. в год²⁵. Однако Нольде-старший «решительно повлиял» на всю будущую судьбу Тхоржевского, заявив ему: «А вам, юноша, очень советую — и, если хотите, помогу — причислиться, кроме университета, к Канцелярии Комитета министров. Там вы увидите русское государственное право в его живом действии, в самом процессе его образования. Это будет для вас и как для ученого гораздо поучительнее любых книжных справок...». Тхоржевский резонно предполагал, что, рекомендуя его управляющему делами (начальнику Канцелярии) Комитета министров А.Н. Куломзину, Нольде, «очевидно, не поспешил на похвалы»²⁶. Тхоржевский был причислен к Канцелярии Комитета министров 6 ноября 1901 г.²⁷ с назначением в его Первое, или Сибирское, отделение. Оно ведало делопроизводством Комитета Сибирской железной дороги, председателем которого являлся сам Николай II, а также переселенческими и дальневосточными делами²⁸.

²³ Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906. Библиографический справочник. СПб., 2006. С. 565.

²⁴ Тхоржевский И.И. Последний Петербург. С. 23.

²⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 16. 1901 г. Д. 320. Л. 28–29.

²⁶ Тхоржевский И.И. Последний Петербург. С. 23–24, 28.

²⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 16. 1901 г. Д. 320. Л. 56 об. и далее.

²⁸ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни. Обрывки воспоминаний. 1864–1933. М., 2017. С. 158.

Характер занятий Тхоржевского в Сибирском отделении определился тем, что 8 сентября 1902 г. исполнялось 100-летие со дня учреждения Александром I Комитета министров. В связи с этим по инициативе и под главной редакцией А.Н. Куломзина готовился пятитомный «Исторический обзор деятельности Комитета министров». Первые три тома, посвященные царствованиям Александра I, Николая I и Александра II, писал историк С.М. Середонин, пятый том, о царствовании Николая II, — помощник управляющего делами Комитета министров Н.И. Вуич, а четвертый, о царствовании Александра III, — Тхоржевский²⁹. За занятия по подготовке «Исторического обзора» с 1 января 1902 г. он получал 50 руб. в месяц, 19 января того же года был произведен в чин коллежского секретаря (10-го кл.) со старшинством с 6 ноября 1901 г., 11 декабря 1902 г. назначен чиновником 8-го кл. при Канцелярии Комитета министров, а 20 декабря получил награду в 300 руб. После 30 декабря 1902 г., когда Э.Ю. Нольде, вместо А.Н. Куломзина, переведенного в Государственный совет, стал управляющим делами Комитета министров, положение Тхоржевского еще более упрочилось. Барон обеспечил своему протезе производство 24 февраля 1903 г. «за отличие» в чин титулярного советника (9-го кл.) со старшинством с 6 ноября 1902 г. и назначение 1 марта 1903 г. письмоводителем Канцелярии с содержанием в 1500 руб. в год. Балансируя между двумя типами — «ученого во власти» и «несостоявшегося ученого», — в рамках которых в России начала XX в. протекало взаимоотношение власти и науки³⁰, Тхоржевский идентифицировал себя со вторым типом, однако карьера чиновника-интеллектуала начиналась весьма успешно.

В 1902–1905 гг. под председательством министра финансов С.Ю. Витте, назначенного 16 августа 1903 г. председателем Комитета министров, работало Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, и Тхоржевский участвовал в обеспечении его делопроизводства, а потому стал известен лично Витте. «Работа в сельскохозяйственном Совещании, — отмечал Тхоржевский, — сделала меня тогда уже человеком, которого Витте привык видеть и узнавать еще до своего назначения председателем Комитета министров». Тхоржевский «с удовольствием» вспоминал, что в 1904 г.

²⁹ Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 4. Комитет министров в царствование императора Александра Третьего (1881 г. 2 марта — 1894 г. 20 октября) / Составлен И.И. Тхоржевским, под главную редакцию А.Н. Куломзина. СПб., 1902.

³⁰ Подробнее об этом см.: Куликов С.В. С. Царская бюрократия и научное общество в начале XX в.: закономерности и типы отношений // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е — начало 1920-х гг. Материалы Международного научного colloquium / Под ред. Н.Н. Смирнова. СПб., 2003. С. 54–71.

составил для Витте «Журнал Сельскохозяйственного совещания» о крестьянском суде³¹. Незаурядный чиновник действительно приглянулся председателю Комитета министров и 20 декабря 1903 г. получил награду в 200 руб., 1 ноября 1904 г. был назначен младшим помощником, низшего оклада, начальника Отделения Канцелярии Комитета министров, а 20 декабря того же года награжден суммой в 300 руб. Наконец, 7 апреля 1905 г. он удостоился «высочайшего благоволения» за «содействие трудам» Особого совещания С.Ю. Витте. Тхоржевский участвовал также в обеспечении делопроизводства работавшего с 21 января по 18 декабря 1905 г. Особого совещания под председательством Д.Ф. Кобеко для составления проекта нового Устава о печати.

С 13 апреля 1905 г. Э.Ю. Нольде, помимо руководства Канцелярией Комитета министров, замещал только что назначенного кавказского наместника графа И.И. Воронцова-Дашкова в заседаниях высших государственных установлений³². В связи с этим Тхоржевский стал секретарем Нольде по Кавказскому отделению Канцелярии Комитета министров и 27 июня 1905 г. был произведен «за отличие» в чин коллежского асессора (8-го кл.) со старшинством с 6 ноября 1903 г.³³ Поступивший в Канцелярию в мае 1905 г. П.П. Менделеев вспоминал: «Среди совсем молодых служащих выделялся даровитый И.И. Тхоржевский, которому уже тогда сулили блестящее будущее»³⁴. С 26 сентября по 22 октября 1905 г. он сопровождал Нольде, находившегося в поездке на Кавказ для знакомства на месте с возникающими в крае вопросами, подлежащими направлению в предстоящую сессию высших государственных установлений³⁵. После возвращения в Петербург Тхоржевский оказался в самом центре правительственной деятельности.

Дело в том, что 24 октября 1905 г. Николай II назначил С.Ю. Витте, остававшегося председателем Комитета министров, еще и председателем Совета министров, делопроизводством которого ведала Канцелярия Комитета министров — до его упразднения 23 апреля 1906 г. Витте распорядился, чтобы «я, — вспоминал Тхоржевский, — был включен в число шести чиновников, поочередно при нем дежуривших в дни его премьерства (больше одного дня в неделю нельзя было физически выдержать этой работы, так ее было много!). Дежурили только начальники отделений Канцелярии Со-

³¹ Тхоржевский И.И. Последний Петербург. С. 61, 62.

³² Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. С. 565.

³³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 16. 1901 г. Д. 320. Л. 59 об. – 60.

³⁴ Менделеев П.П. Свет и тени в моей жизни. С. 162.

³⁵ Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Указ. соч. С. 566.

вета министров, личный секретарь Витте и я. Дежурные приезжали рано утром в Зимний дворец, на “половину” Витте, и оставались до поздней ночи, причем и завтракали и обедали у Витте, в присутствии его жены. Вот тут-то в зиму 1905–1906 годов я и видел часто Витте “в халате” (в прямом и переносном смысле этого слова) и мог оценить его живость и простоту в обращении с подчиненными. Ко мне он был расположен, между прочим, и потому, что я был из родного ему Тифлиса»³⁶. Расположение Витте к Тхоржевскому выразилось в том, что 24 ноября 1905 г. его назначили младшим помощником, высшего оклада, начальника отделения Канцелярии Комитета министров, 20 декабря того же года наградили суммой в 450 руб. и 1 января 1906 г. — «высочайшей благодарностью», на этот раз — «за делопроизводство» в Особом совещании Д.Ф. Кобеко.

Благодаря близости к С.Ю. Витте и Э.Ю. Нольде Тхоржевский и стал причастен к подготовке новых Основных государственных законов. Их главный проект был составлен по повелению Николая II в ноябре–декабре 1905 г. товарищем (заместителем) государственного секретаря П.А. Харитоновым, который при этом ориентировался на конституционные проекты, исходившие от либеральной оппозиции, а потому проводил в своем проекте начала парламентарной монархии, подразумевающей ограничение монарха в законодательстве и в управлении (английская модель). В январе–феврале 1906 г. проект Харитонова перерабатывался высшими чинами Государственной канцелярии под общим руководством председателя Государственного совета графа Д.М. Сольского и государственного секретаря барона Ю.А. Иксуля фон Гильденбандта, а потому, сохранив парламентарный характер, получил название проекта Государственной канцелярии³⁷. Приблизительно 20 февраля 1906 г. Д.М. Сольский передал проект С.Ю. Витте, и премьер «сразу же» нашел его «чрезчур либеральным»³⁸, а позднее отзывался о новых Основных законах, подготовленных Государственной канцелярией, как о «самых либеральных»³⁹ и «беззубых»⁴⁰.

Уточняя характер изменений, которым, по его мнению, должен был подвергнуться проект Государственной канцелярии, С.Ю. Витте писал Э.Ю. Нольде 20 февраля 1906 г.: «Будьте любезны, прочтите,

³⁶ Тхоржевский И.И. Последний Петербург. С. 73–74.

³⁷ Подробнее см.: Куликов С.В. Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. 1998. Кн. 8. С. 91–164.

³⁸ Тхоржевский И.И. Воспоминания В.А. Маклакова. С. 7.

³⁹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Рассказы в стенографической записи. Рукописные заметки. В 2 т. Т. 1. Кн. 2. СПб., 2003. С. 811.

⁴⁰ Там же. Т. 2. С. 465.

продумайте, и затем прошу переговорить. Я бы очень просил Вас посравнить с консервативными конституциями (прусской, австрийской, японской (подчеркнуто С.Ю. Витте. — С.К.), английской) и заимствовать от туда (sic!) полезные консервативные начала. Главнейшим же вопросом является вопрос, что такое закон и что такое декрет. У нас всё законы. Так управлять страной нельзя. Необходимо в Основном законе определить, что такое закон и что может быть предметом декрета, и снабдить в этой области широким полномочием Совет министров или оставить соответствующее значение Высочайшим указам. Когда Вам будет угодно, после того как немного пережуете дело, со мной переговорить, я к Вашим услугам»⁴¹. Показательно, что три из четырех конституций, к которым Витте рекомендовал обратиться (при том что никакой писаной английской конституции как Основного закона никогда не было), декларировали начала не парламентарной, а дуалистической монархии, отличавшейся ограничением монарха в законодательстве, но не в управлении (германская модель).

При личной встрече с Э.Ю. Нольде С.Ю. Витте сказал буквально следующее: «Вы знаете многих там ученых законников, все они ваши приятели. Посоветуйтесь с кем-нибудь, но только потихоньку и лучше не с левыми. Сольский и так уже махнул чересчур влево. А тут пойдет шум и огласка». При этом Витте с досадой упомянул о болезни профессора Н.Л. Дювернуа, «на дружескую помощь» которого он, граф, «так надеялся». В глазах премьера Дювернуа «являлся вообще юридическим авторитетом»⁴², хотя он был профессором гражданского, а не государственного права. Дювернуа, по свидетельству Тхоржевского, «прекрасно знал» Витте⁴³, в библиотеке которого имелись два выпуска работы профессора «Чтения по гражданскому праву» (СПб., 1898) с дарственной надписью автора⁴⁴. «Все дело теперь в том, — заявил далее Витте Нольде, — чтобы лучше разграничить указ и закон: побольше места оставить указу, то есть царю, и поменьше закону, то есть Думе. Спросите у знающих, какая из европейских конституций шире всего ставит права монарха. Я-то, впрочем, думаю, что лучше всего взять побольше не из европейских конституций, а из японской. Там у них есть парламент, но микадо остался — богом. Достаньте мне текст японской конституции»⁴⁵.

⁴¹ Куликов С.В. Венец премьерства графа С.Ю. Витте. С. 85.

⁴² Тхоржевский И.И. Воспоминания В.А. Маклакова. С. 7.

⁴³ Тхоржевский И.И. Последний Петербург. С. 64.

⁴⁴ Чепарухин В.В. Каталог книжного собрания С.Ю. Витте. Реконструкция. М., 2007. С. 161.

⁴⁵ Тхоржевский И.И. Воспоминания В.А. Маклакова. С. 7.

Э.Ю. Нольде обратился к Тхоржевскому, поскольку он, как недавний начинающий юрист-государствовед, имел в домашней библиотеке французские тексты всех конституций мира⁴⁶. «Японская конституция», — вспоминал Тхоржевский, — через час была на столе у Витте. Подумав, Нольде решил, — и получил согласие Витте, — к «именитым профессорам» вовсе не обращаться; никакой тайны при этом условии сохранить было бы нельзя; обойтись «домашними средствами»». Через Э.Ю. Нольде подготовку замечаний на проект Государственной канцелярии С.Ю. Витте заказал Б.Э. Нольде и Тхоржевскому. Нольде-младший нашел, что «конституция, составленная в Государственной канцелярии, “в меру либеральна”, не усмотрел в ней особенных левых уклонов и ограничился полезными редакционными исправлениями»⁴⁷. Действительно, к машинописным «Замечаниям по проекту Основных законов» Б.Э. Нольде приложил рекомендации преимущественно редакционного свойства, озаглавленные «Предполагаемые изменения и дополнения»⁴⁸.

С.Ю. Витте сказал Э.Ю. Нольде, подразумевая Тхоржевского: «Пусть он возьмет побольше из японской конституции, там права микадо наиболее широкие. И у нас должно быть так же»⁴⁹. Через несколько минут после этого разговора Нольде общался с Тхоржевским, которому шутливо-добродушно заметил: «Бредит Витте теперь японцами. Прославился на мире с ними — и всюду давай ему японцев». Слова премьера о необходимости, параллельно с ограничением царской власти в законодательстве, сохранить ее неограниченность в управлении «мне, — вспоминал Тхоржевский, — показались — да и теперь еще кажутся — мудрейшими»⁵⁰. Намерение Витте «оставить побольше за государем», сообщил Тхоржевский в другом месте, «отвечала моим внутренним настроениям»⁵¹. Его «захватила» «японская» идея Витте — о монархии, как о живой политической силе, требовавшей бережного ограждения»⁵².

Тхоржевский погрузился в изучение проекта Государственной канцелярии «с большим энтузиазмом»⁵³, а потому «Замечания на проект Основных государственных законов» написал «в одну ночь»⁵⁴,

⁴⁶ Тхоржевский И.И. Последний Петербург. С. 72.

⁴⁷ Тхоржевский И.И. Воспоминания В.А. Маклакова. С. 7.

⁴⁸ Куликов С.В. Венец премьерства графа С.Ю. Витте. С. 94–96.

⁴⁹ Тхоржевский И.И. Последний Петербург. С. 72.

⁵⁰ Тхоржевский И.И. Воспоминания В.А. Маклакова. С. 7.

⁵¹ Тхоржевский И.И. Последний Петербург. С. 72–73.

⁵² Тхоржевский И.И. Воспоминания В.А. Маклакова. С. 7.

⁵³ Тхоржевский И.И. Последний Петербург. С. 72.

⁵⁴ Таганцев Н.С. Пережитое. С. 157.

«для пушей секретности — от руки»⁵⁵. Очевидно, что написанные синими чернилами «Замечания» Тхоржевский подготовил в промежуток времени между 20 февраля 1906 г., когда С.Ю. Витте дал соответствующее поручение Э.Ю. Нольде, и 8 марта того же года, когда Николай II утвердил «Правила о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных», поскольку, составляя «Замечания», Тхоржевский еще не знал о дате высочайшего утверждения «Правил». Скорее всего, дата создания «Замечаний» ближе к 20 февралю, нежели к 8 марта 1906 г.

Какие же самые примечательные изменения Тхоржевский рекомендовал внести в проект Государственной канцелярии?

В статье 1 преамбулы проекта⁵⁶ указание на владения, «находящиеся в державном обладании Российской империи», «вызывает, — отмечал Тхоржевский, — понятие о России как о конгломерате областей, и ослабляет вторую часть статьи — утверждение единства и неделимости России». Поэтому «следовало бы, — полагал он, — вовсе опустить первую часть и ограничиться словами “Российская империя есть государство единое и нераздельное” или, применяясь к редакции ст[атьи] 1 Прусской конституции 1850 г.⁵⁷, постановить: “Все области, входящие в состав Российской империи, в их нынешнем протяжении, образуют единое и нераздельное государство”». Статья 3⁵⁸, как «содержащая в себе требование предварительного одобрения Государственной думой и Государственным советом наиболее важных международных договоров, заключаемых верховной властью, находится в противоречии со статьей 11⁵⁹», а потому, заключал Тхоржевский, «подлежит исключению». Тем самым он обеспечивал за царем независимость от Государственной думы и Государственного совета в области проведения внешней политики.

⁵⁵ Тхоржевский И.И. Воспоминания В.А. Маклакова. С. 7.

⁵⁶ Статья 1: «Российская империя состоит из всех, находящихся в державном ее обладании, владений и составляет единое и нераздельное государство» (Куликов С.В. Венец премьерства графа С.Ю. Витте. С. 116).

⁵⁷ Статья 1: «Государственную территорию Пруссии составляют все области монархии в их настоящем объеме» (Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов. Т. 1. Конституционные монархии. СПб., 1905. С. 390).

⁵⁸ Статья 3: «Государственные границы могут быть изменены не иначе, как на основании особого о том закона» (Куликов С.В. Венец премьерства графа С.Ю. Витте. С. 116).

⁵⁹ Статья 11: «Государю императору принадлежит власть верховного управления. Он объявляет войну, заключает мир, а равно договоры с иностранными государствами» (Куликов С.В. Венец премьерства графа С.Ю. Витте. С. 117).

Отметив, что в статье 10⁶⁰ Главы I, «Об императорской власти», выражение «указы, необходимые для приведения законов в исполнение», «чрезмерно суживает понятие об указах», он писал: «Правильнее, казалось бы, отмежевать более широкую область для свободной распорядительной деятельности правительственной власти; в сих видах предпочтительнее было бы воспользоваться уже имеющимся в действующих Основных законах (прим[ечание] к ст[атье] 51) легальным определением указов как “мер, приемлемых к исполнению законов”. Тогда ст[атья] 10 могла бы быть изложена следующим образом: “Государь император утверждает законы и издает указы, коими определяются меры, приемлемые к исполнению законов”». Статью 12⁶¹, по мнению Тхоржевского, «следовало дополнить указанием, сходно со ст[атьей] 10 Японской конституции⁶²», а именно — что «Государь император, назначая и увольняя высших должностных лиц, определяет им содержание и жалует пенсии по Своему усмотрению, в пределах сметных ассигнований». В данном случае Тхоржевский обеспечивал большую независимость императора и его правительства и при проведении внутренней политики.

Статья 29 о неприкосновенности частной переписки⁶³ Главы II, «Об основных правах и обязанностях российских подданных», «по соображениям политического характера, — категорически настаивал Тхоржевский, — подлежит исключению».

В Главу IV «О Государственном совете и Государственной думе» «следовало бы, — считал он, — перенести из актов 20 февраля (почин пересмотра коих может, согласно Манифесту 20 февраля, принадлежать членам Совета и Думы) еще несколько основных положений». Он подразумевал Манифест и Указ 20 февраля 1906 г. «Об изменении Учреждения Государственного совета и о пересмотре Учреждения Государственной думы», которые превратили Государственный

⁶⁰ Статья 10: «Государь император утверждает законы и издает указы, необходимые для приведения законов в исполнение» (*Куликов С.В.* Венец премьерства графа С.Ю. Витте. С. 117).

⁶¹ Статья 12: «Государь император назначает и увольняет председателя Совета министров, министров, а также прочих должностных лиц, если для последних не установлено законом иного порядка назначения и увольнения» (*Куликов С.В.* Венец премьерства графа С.Ю. Витте. С. 118).

⁶² Статья 10: «Император определяет организацию различных отраслей управления, устанавливает размер жалования всех чинов, гражданских и военных, назначает и увольняет их. Специально оговоренные настоящей конституцией и другими законами исключения из этого правила могут иметь место лишь в строгом согласии с узаконениями, устанавливающими означенные исключения» (*Современные конституции.* С. 589).

⁶³ Статья 11: «Частная переписка не подлежит задержанию и вскрытию за исключением случаев, законом определенных» (*Куликов С.В.* Венец премьерства графа С.Ю. Витте. С. 122).

совет и Государственную думу в законодательные учреждения и в верхнюю и нижнюю палаты. Благодаря предложению Тхоржевского «положения», перенесенные в Основные законы, могли изменяться только по инициативе монарха, как и остальные Основные законы. «Главным образом сюда же, — продолжал он, — следовало бы включить наиболее важные статьи новых Сметных правил», т.е. Правил 8 марта 1906 г. «О порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных» — они регулировали бюджетное право. В частности, проект Основных законов Тхоржевский предлагал пополнить следующей статьей из Сметных правил: «Если государственная роспись не будет утверждена к началу сметного периода, то остается в силе последняя, установленным порядком утвержденная, роспись, с теми лишь изменениями, какие обуславливаются исполнением последовавших после ее утверждения узаконений. Впредь до обнародования новой росписи, по постановлениям Совета министров, в распоряжение министерств и главных управлений открываются постепенно кредиты в размерах действительной потребности, не превышающие, однако, в месяц, во всей их совокупности, одной двенадцатой части общего по росписи итога расходов». Тем самым утверждалась автономия царя и его правительства от Государственной думы и Государственного совета в области бюджетного законодательства.

Относительно Главы V «О Совете министров» Тхоржевский полагал, что поскольку «необходимо, чтобы в Основных законах имелось общее указание на издаваемые в административном порядке постановления (декреты) правительственной власти», то эту Главу «желательно» дополнить следующей статьей: «Издаваемые Советом министров и министрами или главноуправляющими отдельными частями, а также другими, на то уполномоченными, государственными учреждениями обязательные постановления, инструкции и распоряжения не должны противоречить законам». Самые пространные соображения вызвали статьи 65⁶⁴ и 66⁶⁵, ко-

⁶⁴ Статья 65: «Председатель Совета министров и министры в совокупности отвечают за общий ход государственного управления. Каждый из них в отдельности отвечает за свои личные действия и распоряжения» (Куликов С.В. Венец премьерства графа С.Ю. Витте. С. 122).

⁶⁵ Статья 66: «За нарушения постановлений Основных законов и за нанесение тяжкого ущерба интересам государства превышением, бездействием или злоупотреблением власти председатель Совета министров и министры могут быть привлекаемы к ответственности в порядке, определенном законом. За совершенные при отправлении должности нарушения законов или прав частных лиц председатель Совета министров и министры подлежат гражданской и уголовной ответственности» (Куликов С.В. Венец премьерства графа С.Ю. Витте. С. 132).

которые фактически имели в виду установление политической ответственности Совета министров перед Государственной думой, а не императором. «Первая часть статьи 66-й, касаясь весьма спорного и сложного вопроса о политической ответственности министров, — писал Тхоржевский, — является вместе с тем совершенно не определительною. Осторожнее поэтому ее исключить и оставить лишь вторую часть означенной статьи, устанавливающую хотя и в общих, но реальных очертаниях гражданскую и уголовную ответственность министров. Что же касается политической ответственности министров, то правильнее, казалось бы, не определять ныне же порядка таковой ответственности и ограничиться лишь принципиальным упоминанием о ней в статье 65, причем подчеркнуть, что председатель Совета министров и министры ответственны за ход государственного управления пред Государем императором (сходно со статьею 55 Японской конституции⁶⁶) и притом в пределах данных им полномочий»⁶⁷.

Таким образом, «Замечания» Тхоржевского подразумевали переработку проекта Государственной канцелярии, проводившего начала парламентарной монархии, в соответствии с идеалом дуалистической монархии, поскольку «все клонились к расширению прав Государя и управления»⁶⁸. По мнению Н.С. Таганцева, записка Тхоржевского, свидетельствующая «и о знакомстве с вопросом, и о выдающейся талантливости автора, представляет большой интерес»⁶⁹. Особое внимание Тхоржевского к дуалистической конституции Пруссии, послужившей источником для еще более дуалистической конституции Японии, объяснялось не только пожеланиями С.Ю. Витте, но и преклонением Тхоржевского перед государствоведами, которые отдавали предпочтение именно Прусской конституции. Показательно, что он вспоминал про «свои ученические тетрадки с русскими моими конспектами немецких фолиантов юридической премудрости»⁷⁰, причем ее носителями были для него И.К. Блюнчли, Г. Еллинек и П. Лабанд.

После того как С.Ю. Витте прочел «Замечания» Б.Э. Нольде и Тхоржевского, Э.Ю. Нольде рассказывал им, какие из их предложений произвели впечатление на премьера, а какие нет, причем

⁶⁶ Статья 55: «Государственные министры состоят советниками императора и ответственны перед ним. Все законы, императорские указы и рескрипты всякого рода, касающиеся государственных дел, должны быть контрассигнованы одним из государственных министров» (Современные конституции. С. 593).

⁶⁷ Куликов С.В. Венец премьерства графа С.Ю. Витте. С. 87–93.

⁶⁸ Тхоржевский И.И. Воспоминания В.А. Маклакова. С. 7.

⁶⁹ Таганцев Н.С. Пережитое. С. 157.

⁷⁰ Тхоржевский И.И. Последний Петербург. С. 41.

Нольде-старший удивлялся тому, что «ему казавшееся существенным Витте казалось не существенным и наоборот». «Из сопоставления некоторых данных, — заключал Н.С. Таганцев, — позволяю себе думать, что коэффициент важности в усмотрении графа был не интересы свободы, а охрана неприкосновенности прерогатив, как иногда говорил и сам он, вспоминая взгляды и усмотрения “тяжкодума” Александра III»⁷¹. Записка Тхоржевского Витте «понаправилась», поскольку она выражала «его мысли и давала им формулировку». Более того, по сведениям Тхоржевского, вместе с текстом японской конституции записка была «под руками» у Витте при обсуждении проекта Государственной канцелярии в Совете министров⁷². Во всяком случае, именно записку Тхоржевского Э.Ю. Нольде использовал при подготовке своей рукописной записки «По проекту Основных государственных законов»⁷³. Как видно из текста этой записки, Нольде учел почти все предложения своего молодого коллеги, после чего появился машинописный документ под названием «Замечания графа С.Ю. Витте на проект Основных государственных законов»⁷⁴. Тем самым записка Тхоржевского существенно повлияла на редакцию новых Основных законов, принятую кабинетом Витте (названную проектом Совета министров) и, в свою очередь, обусловившую их окончательную редакцию 23 апреля 1906 г.

Хотя 2 апреля 1906 г. Э.Ю. Нольде был назначен членом Государственного совета, бюрократическая карьера Тхоржевского успешно продолжалась, поскольку преемником С.Ю. Витте на посту председателя Совета министров 22 апреля того же года стал И.Л. Горемыкин. С его сыном, М.И. Горемыкиным, который также служил в Канцелярии Комитета министров, Тхоржевский подружился сразу после того, как был причислен к ней в 1901 г. Эта дружба, отмечал Тхоржевский, «держалась, несмотря на наши позднейшие политические расхождения, до самой смерти Горемыкина, уже в эмиграции». Через Горемыкина-младшего Тхоржевский оказался вхожим в семью Горемыкиных, и вспоминая о ее главе, рисовал «привлекательный образ властного и умного старика, с большим достоинством, безупречной обходительностью и редкой внутренней твердостью. Историк, — полагал Тхоржевский, — воздаст должное и политиче-

⁷¹ Таганцев Н.С. Пережитое. С. 158.

⁷² Тхоржевский И.И. Воспоминания В.А. Маклакова. С. 7.

⁷³ Куликов С.В. Венец премьерства графа С.Ю. Витте. С. 97–100.

⁷⁴ Их текст см.: Куликов С.В. Институт экспертизы при создании Основных законов 1906 г. Неопубликованные документы // Нестор. 2004. № 4. Наука и власть. Источники, исследования, рецензии. С. 50–52.

ской силе этого человека: силе сопротивления»⁷⁵. Несомненно, благодаря И.Л. Горемыкину 21 июня 1906 г. Тхоржевский был назначен старшим помощником начальника отделения Канцелярии Совета министров. Ставший премьером 8 июля того же года П.А. Столыпин также высоко ценил молодого чиновника-интеллектуала и в марте 1911 г. отзывался о нем как о человеке «прекрасных правил и выдающихся способностей»⁷⁶. По всеподданнейшему докладу председателя Совета министров 25 ноября 1906 г. срок пожалования Тхоржевскому чина коллежского асессора (8-го кл.) Николай II приурочил к 1 января, а не к 27 июня 1905 г., как значилось ранее в формулярном списке Тхоржевского, наконец, 22 декабря 1906 г. его наградили суммой в 600 руб.⁷⁷

Как известно, в центре внимания П.А. Столыпина было проведение аграрной реформы, и не случайно, что 8 января 1907 г. Тхоржевский назначается чиновником особых поручений 5-го кл. Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗИЗ) с 1 января 1907 г., с причислением к Канцелярии Совета министров. Уже 6 декабря 1907 г. он произведен «за отличие» в чин надворного советника (7-го. кл.) со старшинством с 6 ноября 1905 г. После того, как 25 мая 1908 г. главноуправляющим землеустройством и земледелием стал А.В. Кривошеин, Тхоржевский сделался его «ближайшим сотрудником»⁷⁸. «Превосходно владевший пером, одаренный вдобавок поэтическим талантом», Тхоржевский, по свидетельству А.Н. Наумова, преемника Кривошеина, оказывал ему «незаменимые услуги по подготовке публичных выступлений и составлению деловых записок» и «во многом содействовал популярности Александра Васильевича и доброму реноме его ведомства»⁷⁹. Кривошеин отдавал должное заслугам своего подчиненного, и 23 августа 1908 г. он был назначен помощником начальника Переселенческого управления ГУЗИЗ. «Из наиболее талантливых моих современников по службе в Переселенческом управлении, — вспоминал В.Ф. Романов, — должен отметить И.И. Тхоржевского». Он характеризовался мемуаристом как «изящный поэт, который в области официального языка сыграл такую же примерно роль, как Дорошевич в об-

⁷⁵ *Тхоржевский И.И.* Последний Петербург. С. 33–34, 96.

⁷⁶ П.А. Столыпин — В.С. Кочубею. Не позднее 23 марта 1911 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 16. 1901 г. Д. 320. Л. 75.

⁷⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 16. 1901 г. Д. 320. Л. 61 об.

⁷⁸ *Менделеев П.П.* Свет и тени в моей жизни. С. 162.

⁷⁹ *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. В 2 кн. Кн. 2. Нью-Йорк, 1955. С. 352.

ласти фельетона»⁸⁰. Уже 1 января 1909 г. Тхоржевский удостоился «высочайшего благоволения» «за отличие в деле землеустройства крестьян»⁸¹, а 29 марта того же года был награжден придворным званием камер-юнкера. Важным событием не только для Тхоржевского, но и для ГУЗИЗ стала его служебная поездка на Кавказ, о которой он составил особый отчет⁸².

Судьбоносным оказался для него следующий, 1910-й, год: 7 февраля он женился на Зинаиде Андреевне Искрицкой (1878–1947), по первому браку — княгине Шаховской, которая была родной сестрой жены Б.Э. Нольде и впоследствии подарила супругу двоих детей. В том же году Тхоржевский сопровождал П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина во время их поездки в Сибирь и участвовал в составлении всеподданнейшего отчета премьера и руководителя ГУЗИЗ об этой поездке⁸³. В марте 1911 г. Столыпин официально поддержал перед министром Императорского двора бароном В.Б. Фредериксом ходатайство Кривошеина о пожаловании Тхоржевского в придворное звание камергера⁸⁴. Временно управляющий Министерством Двора князь В.С. Кочубей ответил Столыпину, что «ввиду существующих правил камер-юнкер, коллежский советник Тхоржевский может быть внесен в список кандидатов на пожалование в звание камергера по выслуге им установленного чина статского советника»⁸⁵. Тогда в 1912 г., уже после кончины Столыпина, Тхоржевского вне правил произвели в чин статского советника (5-й кл.), а после этого пожаловали в камергеры. С 13 мая 1913 г. он являлся управляющим Канцелярией главноуправляющего землеустройством и земледелием, т.е. занимал должность 4-го кл., войдя, таким образом, в 34 года в состав бюрократической элиты Российской империи. В 1914 г. под его редакцией вышел в свет фундаментальный трехтомник «Азиатская Россия»⁸⁶, чем он окончательно утвердил себя

⁸⁰ Романов В.Ф. Старорежимный чиновник (из личных воспоминаний от школы до эмиграции. 1874–1920 гг.). СПб., 2019. С. 235.

⁸¹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 16. 1901 г. Д. 320. Л. 68.

⁸² Отчет о служебной поездке на Кавказ помощника начальника Переселенческого управления И.И. Тхоржевского. Июль 1909 г. СПб., 1909.

⁸³ Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г. // П.А. Столыпин. Грани таланта политика. М., 2006. С. 506–603.

⁸⁴ П.А. Столыпин — В.Б. Фредериксу. Не позднее 23 марта 1911 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 16. 1901 г. Д. 320. Л. 75.

⁸⁵ В.С. Кочубей — П.А. Столыпину. 23 марта 1911 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 16. 1901 г. Д. 320. Л. 77 – 77 об.

⁸⁶ Азиатская Россия / Издано под ближайшим общим руководством Г.В. Глинки. Текст отредактирован И.И. Тхоржевским. Т. 1–3. СПб., 1914.

в роли главного официального «стилиста». Свой первый (и последний) орден — Св. Владимира 4-й ст. — Тхоржевский получил 6 апреля 1914 г. К этому времени он имел именной знак и медаль «В память 300-летия царствования Дома Романовых».

На А.Н. Наумова, назначенного управляющим Министерством земледелия 10 ноября 1915 г., Тхоржевский производил «самое благоприятное впечатление своей поразительной осведомленностью в делах Министерства, толковостью, умением излагать свои мысли, чуткостью и, наконец, самой манерой держать себя, указывавшей на большую выдержку и природную благовоспитанность». Вспоминая совместную службу с Тхоржевским, «я, — отмечал Наумов, — не могу не отозваться о нем с наилучшей стороны и высказать мою признательность Ивану Ивановичу за ту значительную помощь, которую я от него имел за все время моей министерской деятельности». Более того, Наумов открыто признавал: «При ближайшем содействии умного и чуткого Ивана Ивановича, я, до некоторой степени, научился быть министром»⁸⁷. Апофеозом бюрократической карьеры Тхоржевского стало состоявшееся 10 апреля 1916 г. производство его вне правил в чин действительного статского советника (4-го кл.). Таким образом, не прослужив и 15-ти лет, на 37-м году жизни Тхоржевский стал «статским генералом» — уникальный случай в истории российской бюрократии начала XX в.

Перед отставкой Наумова Тхоржевский 13 июля 1916 г. перешел на более спокойную, но не менее элитную должность чиновника особых поручений 4-го кл. при министре земледелия, оставаясь причисленным к Канцелярии Совета министров. Его начала больше прельщала не государственная, а частная служба, и в декабре 1916 г. он был избран председателем совета Нидерландского банка для русской торговли. Кроме того, он являлся членом правления Русского торгово-промышленного банка и акционером промышленной мануфактуры «Треугольник».

В феврале 1917 г. пал режим дуалистической монархии, конституированию которой Тхоржевский творчески содействовал 11-ю годами ранее, и это предопределило дальнейшую его судьбу. Он активно участвовал в подпольном антибольшевистском движении в Петрограде, а после эмиграции летом 1919 г. — в Белом движении, в частности — осенью 1920 г. в Крыму, на должности начальника Канцелярии правительства генерала барона П.Н. Врангеля. Иван Иванович Тхоржевский скончался 11 марта 1951 г. в Париже и был похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Так закончился жиз-

⁸⁷ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. Кн. 2. С. 352–353, 391.

ненный путь незаслуженно забытого государственного деятеля, который в 1901–1917 гг., как чиновник-интеллектуал, сделал уникальную по своей успешности бюрократическую карьеру. Вместе с тем, эта карьера была типичной в том смысле, что ее детерминировали не родственные связи, а дружеские отношения, приобретенные на юридическом факультете Петербургского университета — с бароном Б.Э. Нольде и в Канцелярии Комитета министров — с М.И. Горемыкиным. Очевидно, впрочем, и то, что блистательная карьера Тхоржевского стала одновременно предпосылкой и следствием его участия в создании Основных государственных законов 23 апреля 1906 г.

Список литературы

Дрейлинг Л. Пальм Александр Иванович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1999. С. 509–511.

Куликов С.В. Новые материалы к истории создания Основных государственных законов 1906 г. // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. 1998. Кн. 8. С. 91–164.

Куликов С.В. Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX в.: закономерности и типы отношений // Власть и наука, ученые и власть. 1880-е — начало 1920-х гг. Материалы Международного научного colloquium / Под ред. Н.Н. Смирнова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 54–71.

Куликов С.В. Институт экспертизы при создании Основных законов 1906 г. Неопубликованные документы // Нестор. 2004. № 4. Наука и власть. Источники, исследования, рецензии. С. 29–64.

Куликов С.В. Венец премьерства графа С.Ю. Витте. Подготовка Основных государственных законов 23 апреля 1906 г. (по новым документам) // С.Ю. Витте — экономист, политик, дипломат. Коллективная монография. М.: Культурная революция, 2015. С. 80–132.

Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–2001. В 6 т. / Сост. В.Н. Чуваков. Т. 6. Кн. 2. Скр–Ф. М.: Пашков дом, 2006. 723 с.

Степанов А.В. Политическая элита России начала XX в. глазами поэта и гражданина: И.И. Тхоржевский и его мемуары // Вестник Ивановского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2011. Вып. 4. История. С. 49–62.

Тхоржевский С.С. Тхоржевский Иван Иванович // Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. М.: Советская энциклопедия, 1972. Стлб. 700.

Тхоржевский С.С. Шпага за шкафом. Вместо предисловия // Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб.: Алетей, 1999. С. 5–21.

Тхоржевский С.С. Тхоржевский Иван Феликсович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т. 6. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 342.

Чепарухин В.В. Каталог книжного собрания С.Ю. Витте. Реконструкция. М.: Наука, 2007. 276 с.

Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906. Биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 992 с.

Поступила в редакцию
16 сентября 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2022-6-109-121

Н.А. Иванова

**ОТ ДЕМОКРАТОВ К РЕСПУБЛИКАНЦАМ:
ИЗРАИЛЬ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ США
В 1952–1953 гг.**

N.A. Ivanova

**FROM DEMOCRATS TO REPUBLICANS:
ISRAEL IN U.S. FOREIGN POLICY IN 1952 AND 1953**

Аннотация. В статье анализируется стратегия формирования внешне-политического курса США в отношении Израиля в период, когда на смену администрации Г. Трумэна пришла администрация Д. Эйзенхауэра. В годы президентства Д. Эйзенхауэра внешнеполитическая стратегия США в отношении Израиля и Ближнего Востока в целом приобрела те черты, которые четко проявились впоследствии. Именно на переходном этапе, в 1952–1953 гг., был заложен базис дальнейшего пересмотра ближневосточного курса США. Автором статьи помимо традиционных источников использовались новые для отечественной историографии источники, хранящиеся в Архиве Израиля. Они позволили получить дополнительные данные для анализа обозначенных выше процессов. Президенту США Д. Эйзенхауэру в наследство от администрации Г. Трумэна достались не только «особые отношения» с Израилем, но и отсутствие определенного курса в отношении стран Ближнего Востока. Это было связано с меняющимися тенденциями в политике стран региона, сложным экономическим и политическим положением Израиля, а также нежеланием еврейского государства идти на уступки по ключевым вопросам арабо-израильских отношений. Напряженная ситуация в регионе требовала от администрации Д. Эйзенхауэра выработки более определенной внешнеполитической стратегии в отношении ближневосточных государств. Поездка государственного секретаря Д. Даллеса по странам Ближнего Востока в мае 1953 г., позиция помощника государственного секретаря США по делам Ближнего Востока Г. Байроуда, усиление негативных проявлений в отношении США со стороны арабских стран в связи с американской помощью Израилю привели к выбору администрацией США политики нейтралитета. Принятие Соединенными Штатами более сбалансированной стратегии в регионе не подтверждает тезиса о выборе ими арабских стран в качестве основных партнеров на Ближнем

Иванова Надежда Андреевна, аспирантка кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Ivanova Nadezhda Andreevna, Postgraduate Student, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
+7 (985) 751-84-19, nadinivanova97@mail.ru

Востоке. Внешнеполитическая стратегия США в отношении еврейского государства все еще находилась на начальном этапе своего формирования, однако принципиальная основа оставалась прежней, нацеленной на долгосрочное партнерство с Израилем, только в более умеренном режиме.

Ключевые слова: американо-израильские отношения, внешняя политика Дуайта Д. Эйзенхауэра, Израиль, холодная война, Джон Ф. Даллес, Абба Эбан.

Abstract. The article examines the strategy of formation of the US foreign policy towards Israel when H. Truman's administration was succeeded by D. Eisenhower's one. During his presidency the US foreign policy strategy towards Israel and the Middle East acquired the features that were clearly manifested later. The basis for a further transformation of the US Middle East policy was laid during the transitional phase in 1952 and 1953. In addition to traditional sources, the author involves sources, new to Russian historiography, from the Archive of Israel. They provide additional data for analysis of the processes outlined above. The US President Eisenhower inherited not only the "special relationship" with Israel from Truman's administration, but also the lack of a specific policy towards the Middle East. This was due to changing trends in the policies of countries in the region, Israel's difficult economic and political situation, and its reluctance to make concessions regarding key issues of Arab-Israeli relations. Tense situation in the region required Eisenhower's administration to adopt a foreign policy strategy toward the Middle Eastern states. The Secretary of State J. Dulles' trip to the Middle East in May 1953, the US Assistant Secretary of State for Near Eastern Affairs H. Byroade's position, the increase of negative Arab attitude towards the US due to the American aid to Israel led the US administration to choose the policy of neutrality. The US adoption of a more balanced strategy in the region does not support the claim that the American administration chose Arab countries as its main partners in the Middle East. The US foreign policy strategy toward Israel was still in its first stage, but the basic principle remained the same, which was to continue the long-term partnership with Israel, only in a more moderate mode.

Keywords: US-Israel relations, Dwight D. Eisenhower's foreign policy, Israel, the Cold War, John F. Dulles, Abba Eban.

* * *

В 1952 г., после двадцатилетнего перерыва, республиканская партия в лице Д. Эйзенхауэра и его сторонников победила на выборах в США. Одним из регионов, на который новой администрации требовалось обратить внимание, стал Ближний Восток. В условиях биполярной конфронтации сверхдержав арабо-израильский конфликт к тому моменту уже вписался в контекст холодной войны. Предыдущая администрация Г. Трумэна испытывала сложности в формировании внешнеполитического курса в отношении Ближнего Востока, что выражалось в лавировании между Израилем и его арабскими соседями. Проблема разработки внешнеполитической страте-

гии перешла в наследство администрации Д. Эйзенхауэра, которой требовалось определить вектор дальнейшего развития отношений со странами региона.

Проблематикой формирования курса США в отношении Израиля в исследуемый период занималось не так много отечественных историков. Среди них стоит выделить Т.А. Карасову¹, М.Я. Пелипася², А.М. Уразова³. Зарубежная историография по этой теме намного обширнее, для данного исследования полезными оказались работы Дж. Миршаймера и С. Уолтена⁴, И. Альтераса⁵, А. Бен-Цви⁶ и других.

Период президентства Д. Эйзенхауэра в историографии связывают с охлаждением отношений между США и Израилем⁷. Однако усиление противоречий между странами можно заметить еще в 1952 г., при администрации Г. Трумэна. Этому способствовал ряд экономических и политических факторов, которые побудили США пересмотреть курс в отношении Израиля.

Это подтверждает тезис о межпартийном консенсусе в США⁸, который нашел свое отражение в преемственности израильского курса в Белом доме. Таким образом, внешнеполитическая стратегия в отношении Израиля не была обусловлена партийной принадлежностью президента или большинством в Конгрессе, а ориентировалась на внешнеполитические реалии. В 1952–1953 гг., когда основы ближневосточного направления политики США только начинали закладываться, ситуация относительно Израиля была не столь однозначной.

Израильская экономика нуждалась в финансовой поддержке, которую наряду с другими странами оказывали ей и США. Помимо выдачи крупных займов⁹, США включили Израиль в 1951 г. в прог-

¹ Карасова Т. А. Израиль и США: основные этапы становления стратегического партнерства (1948–2014). М., 2015.

² Пелипася М. Я. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. Томск, 2003.

³ Уразов А. М. Время перемен. Эволюция внешней политики США и Великобритании на Большом Ближнем Востоке в первые десятилетия холодной войны. М., 2019.

⁴ Mearsheimer J., Walt S. The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy. New York, 2008.

⁵ Alteras I. Eisenhower and Israel: U.S.–Israeli Relations, 1953–1960. University Press of Florida, 1993.

⁶ Ben-Zvi A. The United States and Israel. Columbia University Press, 1993.

⁷ Alteras I. Op. cit. P. 32.

⁸ Манькин А. С. «Эра демократов»: партийная перегруппировка в США 1933–1952. М., 1990.

⁹ Statista Research Department. U.S. aid to Israel from 1949 to 2010. — URL: <https://www.statista.com/statistics/209417/us-aid-to-israel/> (дата обращения 21.10.2021).

рамму субсидий зарубежным странам, за все время существования которой еврейское государство получило наибольшую финансовую помощь по сравнению с остальными¹⁰.

Экономический кризис 1952 г. в Израиле поставил под сомнение целесообразность американской финансовой помощи. В США этот кризис стал рассматриваться как подтверждение в негативном ключе того, что помощь Израилю «непрерывна»¹¹ или как факт того, что «Израиль не выживет без финансовой помощи США»¹². Взаимодействие по вопросу его урегулирования привело к изменению экономических отношений между странами. Хотя статистика и показывает, что за 1952 г. Израилю выделили рекордные 115,4 млн долларов, что является самой большой суммой с 1949 по 1965 г., в дальнейшем американская администрация урезала финансовую помощь: в 1953 г. она составила 54 млн долларов, в 1954 г. — 45,1 млн долларов¹³. Еще в августе 1952 г. Г. Байроуд, помощник государственного секретаря США по делам Ближнего Востока, а также глава Управления по делам Ближнего Востока, Южной Азии и Африки (далее — Управление), и президент Г. Трумэн в ходе личной встречи пришли к идее пересмотра государственных расходов на экономическую поддержку Израиля¹⁴. В продолжение этого в августе 1953 г. администрация Д. Эйзенхауэра разработала программу «затягивания пояса» в отношении Израиля, подразумевавшую постепенное уменьшение финансовой помощи¹⁵.

Более того, проанализировав израильский кризис и участие США в его разрешении, администрация Г. Трумэна сделала выводы о возможности использования финансовой помощи как рычага давления на страну в рамках урегулирования арабо-израильского конфликта. Г. Байроуд в разговоре с президентом США от 8 августа

¹⁰ Halevi N., *Klinov-Malul R.* The Economic Development of Israel. New York, 1968, P. 163.

¹¹ No. 81 Memorandum by Hoskins to Byroade // Foreign Relations of The United States (далее — FRUS), 1952–1954. The Near and Middle East. Vol. IX. Part 1. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d81> (дата обращения 19.07.2021)

¹² No. 114 National Intelligence Estimate // FRUS, 1952–1954. The Near and Middle East. Vol. IX. Part 1. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d114> (дата обращения 19.07.2021).

¹³ Halevi N., *Klinov-Malul R.* Op. cit. P. 299.

¹⁴ No. 82 Memorandum of Conversation by Byroade // FRUS, 1952–1954. The Near and Middle East. Vol. IX. Part 1. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d82> (дата обращения 20.08.2021).

¹⁵ No. 150 The Ambassador in Egypt (Caffery) to the Department of State // FRUS, 1952–1954. The Near and Middle East. Vol. IX. Part 1. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d150> (дата обращения 19.07.2021)

1952 г. докладывал, что «определенные условия должны накладываться на будущую помощь Израилю»¹⁶. До этого 25 июля 1952 г. в разговоре с Г. Хоскинсом, экспертом Управления, он упоминал о необходимости установить взаимосвязь между экономикой Израиля и курсом Израиля в отношении арабских стран¹⁷.

В попытке определения вектора взаимодействия США с Израилем примечательна поездка Г. Байроуда по странам Ближнего Востока летом 1952 г. После возвращения, на встрече с А. Эбаном, послом Израиля в США, Г. Байроуд заметил, что «влияние Великобритании и Франции в регионе снижается, поэтому США должны организовать большое вторжение в регион и завязать дружественные отношения с ближневосточными странами»¹⁸. Г. Байроуд акцентировал, что арабские страны активно критикуют США за помощь Израилю в любой возникающей ситуации¹⁹. В связи со сложившимися обстоятельствами он склонял А. Эбана и М. Шарета, министра иностранных дел Израиля, пойти на уступки арабским странам и тем самым снизить напряженность в регионе²⁰. Позднее Г. Байроуд в докладе «Переоценка политики США на Ближнем Востоке» указал на снижение влияния США и других европейских стран на Ближнем Востоке, а также констатировал усугубление кризиса недоверия к США, которое грозит усилением коммунистических настроений среди стран региона²¹. Он отметил отсутствие каких-либо шагов в отношении региона со стороны США как по улучшению имиджа среди арабских стран, так и по урегулированию арабо-израильского конфликта. Этот документ демонстрирует, что американская администрация осознавала необходимость формирования более четкого курса в отношении Израиля.

Одним из показателей изменения внешнеполитического курса США в отношении стран Ближнего Востока стал вопрос о военной помощи Израилю. В июне 1952 г. Х. Герцог, военный атташе при по-

¹⁶ No. 82 Memorandum of Conversation by Byroade // FRUS, 1952–1954. The Near and Middle East. Vol. IX. Part 1. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d82> (дата обращения 20.08.2021).

¹⁷ No. 81 Memorandum by Hoskins to Byroad // FRUS, 1952–1954. The Near and Middle East. Vol. IX. Part 1. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d81> (дата обращения 19.07.2021)

¹⁸ No. 205 Meeting: A. Eban — H. Byroade // Documents on the Foreign Policy of Israel. Vol. 7. 1952.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ No. 208 M. Sharett [Washington] to the United States Division // Documents on the Foreign Policy of Israel. Vol. 7. 1952.

²¹ No. 81 Memorandum by Hoskins to Byroade // FRUS, 1952–1954. The Near and Middle East. Vol. IX. Part 1. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d81> (дата обращения 19.07.2021)

сольстве Израиля в США, предлагал воспользоваться периодом выборов в США и организовать общественную кампанию по лоббированию решения о военной помощи Израилю со стороны США, которая до этого не оказывалась. С его слов Министерство обороны США поддерживало эту идею, однако оппозицией выступал Госдепартамент²². В июле 1952 г. Д. Бен-Гурион, премьер-министр Израиля, получил согласие США на возмездную военную помощь²³. Всё изменилось после 23 июля 1952 г., когда в Египте в результате военного переворота к власти пришли радикальные члены «Движения свободных офицеров» во главе с Г. Насером. 18 июля 1952 г. Израиль официально сообщает об имеющихся договоренностях с США по вопросу военной помощи, однако американская сторона хранит молчание²⁴. Только 29 июля американская администрация дает официальный ответ — «правительство США не имеет ничего против публичного оглашения договоренностей, но только после координации между двумя правительствами»²⁵. Позднее в администрацию США поступает запрос на военную помощь от правительства Египта. 25 декабря 1952 г. израильское правительство получает информацию, что «государственный департамент США ищет или уже нашел способы передать Египту оружие»²⁶. Это стало огромным ударом для Израиля. Правительство еврейского государства сочло эту ситуацию вопиющей, так как оно просило о военной помощи раньше Египта, но должно было получить ее позднее²⁷. Этот инцидент демонстрирует намерение США сменить фокус на Ближнем Востоке и рассмотреть Египет как нового возможного регионального лидера.

Американская внешнеполитическая стратегия в отношении Израиля могла измениться в случае победы президента от другой партии. Демократическая партия, выдвинувшая кандидатуру Э. Стивенсона, относилась к Израилю более благосклонно, в своей программе она конкретно упоминала Израиль как государство, требующее поддержки США. Республиканский кандидат Д. Эйзенхауэр никак не

²² No. 212 Ch. Herzog (Washington) to A. Eban (Washington) // Documents on the Foreign Policy of Israel. Vol. 7. 1952.

²³ No. 220 M. Davis to D. Ben-Gurion // לארשי תנידמ לש צוהה תוינידמל תודועת 7. 1952.

²⁴ No. 258 M. Sharett (Tel Aviv) to A. Eban (Washington) // Documents on the Foreign Policy of Israel. Vol. 7. 1952.

²⁵ No. 265 United States Division (Tel Aviv) to the Israel Embassy in Washington // Documents on the Foreign Policy of Israel. Vol. 7. 1952.

²⁶ No. 512 A. Eban to M Sharett // לארשי תנידמ לש צוהה תוינידמל תודועת 7. 1952.

²⁷ No. 516 United States Division to Israel Embassies in Washington and London // לארשי תנידמ לש צוהה תוינידמל תודועת 7. 1952.

комментировал отношения США и Израиля и только 18 октября 1952 г. заявил, что «необходимо всячески содействовать прямым переговорам между Израилем и его арабскими соседями, чьи независимость, свобода и процветание также являются надеждой и желанием американцев»²⁸.

Еврейская диаспора в США проголосовала за кандидата от демократов Э. Стивенсона: ему отдали голоса 75% евреев²⁹. Однако на выборах 1952 г. побеждает Д. Эйзенхауэр. Хотя его приход к власти не был желательным для правительства Израиля, А. Эбан верил в «историческую преемственность» президентов США³⁰. Анализируя будущий курс США в отношении Израиля, он докладывает своему правительству, что «не предвидит стремительных изменений в отношении Израиля, но арабская политика может стать менее гибкой, так как новая администрация положительно относится к этим странам»³¹. В то же время Д. Бен-Гурион не разделял оптимизма А. Эбана и полагал, что приход к власти республиканской партии повлечет за собой поворот США в сторону арабских государств³².

В этом контексте показателен отчет ЦРУ от 15 января 1953 г. «Условия и тренды на Ближнем Востоке, влияющие на безопасность США», где отмечаются негативные тенденции в арабском мире. В нем указано, что «Ассоциация США с Израилем является постоянным раздражителем в американо-арабских отношениях и главным препятствием к принятию влияния США на Ближнем Востоке»³³. Документ, подготовленный незадолго до инаугурации президента, демонстрирует тенденции по смене вектора в отношении стран Ближнего Востока.

Смена правящей партии в США воодушевила арабские страны, которые рассчитывали на изменение американского внешнеполитического курса. 11 февраля 1953 г. состоялся разговор между А. Эбаном и американским генералом У. Смитом, который до 9 февраля 1953 г. был директором ЦРУ, а после — заместителем государственного секретаря США. Обсуждалась просьба израильского посла «развеять иллюзию (арабских стран. — *Н.И.*), что США при новой администра-

²⁸ *Alteras I.* Op. cit. P. 34.

²⁹ *Ibid.* P. 21.

³⁰ No. 420 A. Eban (Washington) to the United States Division // Documents on the Foreign Policy of Israel. Vol. 7. 1952.

³¹ *Ibidem.*

³² *Alteras I.* Op. cit. P. 45.

³³ No. 114 National Intelligence Estimate // FRUS, 1952–1954. The Near and Middle East. Vol. IX. Part 1. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d114> (дата обращения 25.10.2021)

ции могут отвергнуть принципы американско-израильских отношений, достигнутые за последние 5 лет»³⁴. Данное высказывание идет в разрез с ноябрьским докладом А. Эбана, где он не высказывал никаких опасений по поводу смены американского курса в отношении Израиля после прихода республиканцев. Это говорит об усилении напряженности в отношениях и зарождавшемся недоверии между странами. В ответ на высказывания А. Эбана У. Смит ответил, что американское правительство и он в том числе всегда будут поддерживать Израиль, по-другому и быть не может³⁵. Похожая реакция последовала и от Г. Лоджа, постоянного представителя США при ООН, которому были высказаны те же предложения и опасения, что и У. Смигу. Г. Лодж заверил израильскую сторону, что «США не только сохраняют дружбу между странами, но и будут ее развивать»³⁶. Интересен комментарий, который А. Эбан сделал относительно встречи в целом. Помимо Г. Лоджа на встрече присутствовали Д. Росс, заместитель представителя США в Совете безопасности ООН, и Д. Барко, советник по вопросам политики и безопасности в представительстве США при ООН, которых А. Эбан назвал «мальчиками госдепартамента». Израильский посол упомянул в докладе своему правительству, что Д. Росс и Д. Барко были удивлены, с какой теплотой и радушием Г. Лодж отвечал на их требования. Комментируя это, А. Эбан делает вывод, что Израиль обладает «сильной позицией среди высших чинов администрации, но все еще нет четкого взаимопонимания между ними (высшими чинами. — *Н.И.*) и представителями Управления»³⁷.

Вышеупомянутый вывод А. Эбана позволяет понять, почему администрация Д. Эйзенхауэра сделала выбор в пользу изменения вектора отношений между США и Израилем. Несмотря на поддержку чиновников из Госдепартамента, основа внешнеполитического курса США разрабатывалась в Управлении. Оно корректировало свои идеи в соответствии с мнением президента и госсекретаря США. С 14 апреля 1952 г. Управлением руководил Г. Байроуд. Именно он являлся инициатором уменьшения финансовой помощи США Израилю, высказывался против открытой иммиграционной политики Израиля и был приверженцем сбалансированного внешнеполитического курса в отношении Ближнего Востока. Американские

³⁴ No. 74 A. Eban to the United States Division // לארשי תנידמ לש ץוה תוינידמל תודועת. 8. 1953.

³⁵ *Alteras I.* Op. cit. P. 42.

³⁶ No. 76 A. Eban to the United States Division // לארשי תנידמ לש ץוה תוינידמל תודועת. 8. 1953.

³⁷ *Ibidem.*

сионисты считали его назначение «катастрофой для их интересов»³⁸. Назначение Г. Байроуда на этот пост может показаться не соответствующим тому курсу, который проводил Г. Трумэн в отношении Израиля, но стоит обратиться к воспоминаниям Г. Байроуда о первой беседе с Г. Трумэном: «Я детально изложил мои опасения по поводу курса США в отношении арабских стран и по поводу нашей всесторонней поддержки Израиля. Это был критический момент как для политики самого Израиля, так и для определения нашей политики в отношении Израиля... Он (Г. Трумэн. — *Н.И.*) изложил мне свои взгляды, которые удивительным образом совпадали с моими собственными. Я ушел от него под огромным впечатлением и с пониманием того, что Белый дом нас поддержит в выработке сбалансированной позиции по отношению к арабам и Израилю»³⁹. Разговор демонстрирует, что еще в 1952 г. администрация США осознавала важность применения такого внешнеполитического курса в отношении стран Ближнего Востока, который будет исходить в первую очередь из изменяющихся политических интересов страны.

После прихода Д. Эйзенхауэра к власти администрация заняла выжидательную позицию в вопросе Ближнего Востока. По итогам разговора с М. Раббом, помощником президента США по административным вопросам, А. Эбан доложит: «Президент (Д. Эйзенхауэр. — *Н.А.*) пока еще совсем ничего не делал по поводу Ближнего Востока, госдепартамент сейчас работает без каких-либо директив»⁴⁰.

Весомый вклад в формирование нового курса США по отношению к Израилю внесла поездка госсекретаря США Д. Даллеса в мае 1953 г. по странам Ближнего Востока.

Д. Даллес во время переговоров с арабскими партнерами отмечал, что «он не критикует предыдущего президента... [но] администрация, к которой он сейчас принадлежит, пытается разработать ближневосточный курс, который бы базировался на защите собственных интересов США»⁴¹. В поддержку этой идеи лидеры арабских стран в ходе беседы с госсекретарем неоднократно обвиняли США в благосклонности к Израилю. Представители Ливана на встрече процитировали слова своего президента, что «не существу-

³⁸ Henry Byroade. Oral History Interview. — URL: <https://www.trumanlibrary.gov/library/oral-histories/byroade> (дата обращения 25.10.2021).

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ No. 94 A. Eban to the United States Division // לארשי תנידמ לש פוחה תוינידמל תודועת // כרך 8. 1953.

⁴¹ No. 3 Memorandum of Conversation, Prepared in the Embassy in Cairo // FRUS, 1952–1954. The Near and Middle East. Vol. IX, Part 1. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d3> (дата обращения 25.10.2021)

ет ни одного значимого примера, когда сказали «нет» Израилю»⁴². Египетский премьер-министр М. Нагиб даже сравнил уровень недоверия к США с Великобританией: «чувство горечи арабского народа в отношении Великобритании частично перешло на долю США»⁴³.

Арабские страны во время переговоров преследовали цель отстоять свои политические интересы перед представителем новой американской администрации, используя Израиль, как разменную монету в арабо-израильском конфликте. Эту составляющую арабо-американского диалога еще до начала тура Д. Даллеса прогнозировал Г. Стассен, директор Агентства коллективной безопасности⁴⁴. М. Нагиб на встрече упомянул, что «Израиль представляет из себя постоянную проблему, но он (М. Нагиб. — *Н.И.*) считает, что что-то может быть сделано в отношении справедливого решения по этому вопросу только после того, как будет разрешены все проблемы между Египтом и Великобританией»⁴⁵. В случае с Иорданией страна хотела от США принятия Ярмукского проекта, который бы решил проблему водоснабжения страны⁴⁶. Премьер-министр Ливана С. Салам призывал побудить «нефтяные компании США более либерально взглянуть на пересмотр соглашения по транспортировке... Британцы упрямы в этом вопросе...»⁴⁷. Таким образом, конфликт с Израилем стал предметом политического торга арабских стран с США. Они хотели уступок от Израиля или получения каких-либо преференций со стороны США.

В разговоре с М. Шаретом Д. Даллес коснулся основных проблем американо-израильских отношений⁴⁸. При этом позиция Израиля оставалась прежней. Существующие на тот момент границы — «ре-

⁴² No. 29 Memorandum of Conversation by Meyer // FRUS, 1952–1954. The Near and Middle East. Vol. IX. Part 1. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d29> (дата обращения 19.07.2021)

⁴³ No. 4 Memorandum of Conversation, Prepared in the Embassy in Cairo // FRUS, 1952–1954. The Near and Middle East. Vol. IX. Part 1. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d4> (дата обращения 25.10.2021)

⁴⁴ No. 202 E. Sasson to W. Eytan // לראשי תנידמל תודעת 8. 1953.

⁴⁵ No. 4 Memorandum of Conversation, Prepared in the Embassy in Cairo // FRUS, 1952–1954. The Near and Middle East. Vol. IX. Part 1. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d4> (дата обращения 19.07.2021)

⁴⁶ No. 16 Memorandum of Conversation, Prepared in the Embassy in Jordan // FRUS, 1952–1954. The Near and Middle East. Vol. IX. Part 1. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d16> (дата обращения 19.07.2021)

⁴⁷ No. 25 Memorandum of Conversation by Meyer // FRUS, 1952–1954. The Near and Middle East. Vol. IX. Part 1. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d25> (дата обращения 19.07.2021)

⁴⁸ No. 207 Meeting: M. Sharett and J. F. Dalles and the U.S. Delegation // לראשי תנידמל תודעת 8. 1953.

зультат военного конфликта», и соответственно должны остаться без изменений⁴⁹. Комментируя ситуацию с палестинскими беженцами, М. Шарет заметил, что «беженцы станут комплексной экономической проблемой для страны, а с точки зрения безопасности подорвут Израиль изнутри»⁵⁰. Говоря о ситуации с границей и беженцами в целом, премьер-министр Израиля Д. Бен-Гурион сказал, что «сделанного не воротить»⁵¹, что подчеркивало непреклонную позицию Израиля. В ответ на это Д. Даллес не пытался дать каких-либо заверений Израилю, как было и с арабскими странами⁵².

Итоги поездки Д. Даллес подвел в выступлении на американском телевидении и радио 1 июня 1953 г. и в докладе на заседании Совета национальной безопасности США. На заседании Д. Даллес утверждал, что существует вероятность расширения влияния Советского Союза на ближневосточной арене⁵³. Руководители ближневосточных стран заявили, что они не являются сторонниками коммунистического пути развития, однако внимание заслуживала фраза министра иностранных дел Египта М. Фавзи: «Может быть мы и не коммунисты сейчас. Мы не хотим ими быть, но ситуация может измениться»⁵⁴. Для ближневосточных стран было более актуально удовлетворение своих политических амбиций, а не борьба с коммунистическим влиянием. Тем не менее, Д. Даллес считал, что влияние США в регионе можно вернуть. Также он выступал за идею создание региональной организации в рамках Ближнего Востока.

В отношении Израиля Д. Даллес признал тяжелое финансовое положение страны и то, что заключение мира со странами региона поможет ослабить экономическое давление на него. Израиль поддерживал идею мирного урегулирования арабо-израильского конфликта, но при этом не шел на уступки по ключевым вопросам. Также

⁴⁹ No. 9 Memorandum of Conversation, Prepared in the Embassy in Israel // FRUS, 1952–1954. The Near and Middle East. Vol. IX. Part 1. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d9> (дата обращения 19.07.2021)

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ No. 13 Memorandum of Conversation, Prepared in the Embassy in Israel // FRUS, 1952–1954. The Near and Middle East. Vol. IX. Part 1. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d13> (дата обращения 19.07.2021)

⁵² No. 204 A. Eban to M. Sharett // Documents on the Foreign Policy of Israel. Vol. 8. 1953.

⁵³ No. 137 Memorandum of Discussion at the 147th Meeting of the National Security Council // FRUS, 1952–1954. The Near and Middle East. Vol. IX. Part 1. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d137> (дата обращения 19.07.2021)

⁵⁴ No. 3 Memorandum of Conversation, Prepared in the Embassy in Cairo // FRUS, 1952–1954. The Near and Middle East. Vol. IX. Part 1. — URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1/d3> (дата обращения 19.07.2021).

Д. Даллес успокоил израильскую сторону относительно будущего направления ближневосточной политики США.

Во время своего выступления для широких масс Д. Даллес заявил, что США будут следовать нормам Трехсторонней декларации 1950 г., закрепляющей нейтралитет США и территориальный статус-кво, основанный на арабо-израильских соглашениях 1949 г. Он отметил, что Израиль желает жить в мире со своими соседями⁵⁵. Проблема арабских беженцев была соотнесена им с необходимостью решения вопроса о водоснабжении. Подводя итоги, он упомянул о негативном отношении арабских стран к США в связи с поддержкой Израиля, о страхе ближневосточных стран перед сионизмом, а не коммунизмом, который являлся реальной угрозой. Тем не менее Ближний Восток нуждался в мире, ради которого все страны должны пойти на жертвы⁵⁶.

Неофициальным итогом поездки Д. Даллеса по Ближнему Востоку для Израиля можно считать доклад Э. Бен-Хорина, израильского дипломата, А. Эбану, где он излагает содержание своей беседы с Ф. Уоллером. Ф. Уоллер объяснил израильскому собеседнику, что «новый курс США будет подразумевать поддержку законных интересов Израиля, но положит конец произраильской предубежденности»⁵⁷. По мнению Ф. Уоллера США в последние годы отдавали Израилу предпочтение во многих важных вопросах. Отныне же США займут более нейтральную позицию в отношении Израиля, а курс в отношении стран Ближнего Востока станет более сбалансированным, что и было продемонстрировано в дальнейшем.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что последний год администрации Г. Трумэна заложил предпосылки к изменению политики США в отношении Израиля. Хотя непосредственное участие США в процессе создания еврейского государства, а также внешнеполитическое лавирование Г. Трумэна способствовали установлению «особых отношений» между двумя странами, вместе с тем советский фактор, а также внешнеполитические действия самого Израиля привели к пересмотру существующего ранее подхода. Администрация Д. Эйзенхауэра была поставлена перед фактом меняющихся политических реалий в регионе, связанных с распространением влияния СССР на арабские страны и новым политическим режимом в Египте. Заняв выжидательную позицию до поездки Д. Даллеса, республиканцы

⁵⁵ No. 243 Editorial Note. Speech by J. F. Dalles on U.S. Radio and Television, 1 June 1953 // Documents on the Foreign Policy of Israel. Vol. 8. 1953.

⁵⁶ Ibidem.

⁵⁷ No. 235 E. Ben-Horin to A. Eban // Documents on the Foreign Policy of Israel. Vol. 8. 1953.

пересматривали ближневосточную политику с учетом тенденций на Ближнем Востоке в целом и перспективности дальнейшего сотрудничества с Израилем в частности.

Тем не менее, не совсем верно говорить о полном повороте США в сторону арабских партнеров. Политика в отношении Израиля изменилась внешне, но при этом она сохранила преемственность тех принципов, которым она следовала при Г. Трумэне. США не отозвали финансовую помощь Израилю, но стали использовать ее более эффективно в качестве рычага влияния. Следуя Трехсторонней декларации 1950 г., США поддержали Израиль в его новых границах по итогам арабо-израильской войны 1947–1949 гг. Все это говорит о том, что США в тот период только стояли на пороге формирования четкого внешнеполитического курса в отношении Ближнего Востока. Именно поэтому администрация Л. Эйзенхауэра приходит к принципу многовекторности своей политике в регионе.

Список литературы

Карасова Т.А. Израиль и США: основные этапы становления стратегического партнерства (1948–2014). М.: Аспект Пресс, 2015. 464 с.

Манькин А.С. «Эра демократов»: партийная перегруппировка в США 1933–1952. М.: Издательство МГУ, 1990. 264 с.

Пелипась М.Я. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. Томск: Издательство Томского университета, 2003. 364 с.

Уразов А.М. Время перемен. Эволюция внешней политики США и Великобритании на Большом Ближнем Востоке в первые десятилетия холодной войны. М.: АСТ, 2019. 416 с.

Alteras I. Eisenhower and Israel: U.S.-Israeli Relations, 1953–1960. University Press of Florida, 1993. xvi, 387 p.

Ben-Zvi A. The United States and Israel. Columbia University Press, 1993. 312 p.

Halevi N., Klinov-Malul R. The Economic Development of Israel. New York: Praeger, 1968. viii, 321 p.

Mearshheimer J., Walt S. The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy. New York: Farrar, Straus, Giroux, 2008. 496 p.

Поступила в редакцию
16 марта 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2022-6-122-146

А.В. Тюторский, А.В. Сафронов, Н.П. Каргина

**ЮРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ КНОРОЗОВ —
ВЫПУСКНИК КАФЕДРЫ ЭТНОГРАФИИ ИСТОРИЧЕСКОГО
ФАКУЛЬТЕТА МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

A.V. Tutorskiy, A.V. Safronov, N.P. Kargina

**YURI KNOROV — GRADUATE OF THE DEPARTMENT
OF ETHNOGRAPHY, FACULTY OF HISTORY,
MOSCOW STATE UNIVERSITY**

Аннотация. Статья посвящена университетским годам (1939–1948 гг.) выдающегося ученого Ю.В. Кнорозова (1922–1999). Основной акцент делается на времени его обучения на кафедре этнологии исторического факультета МГУ (1943–1948 гг.). В качестве введения обобщается вклад Ю.В. Кнорозова в исследование письменностей майя, жителей острова Пасхи, протоиндийской письменности, а также в изучение происхождения жителей Америки, палеоэтнографии Берингии, этнографии айнов, этносемиотики. Авторами на основании материалов Архива МГУ был восстановлен список дисциплин, которые прослушал студент Ю.В. Кнорозов в ходе обучения на первых курсах Харьковского государственного университета, а также на кафедре этнографии МГУ. В статье рассказывается о ведущих преподавателях, у которых обучался Юрий Кнорозов: Н.Н. Бромлей (английский язык), В.И. Авдиев (история Древнего мира), И.С. Кацнельсон (древнеегипетский язык), Г.Б. Эренбурге (новейшая история Востока),

Тюторский Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии исторического факультета МГУ

Tutorskiy Andrey Vladimirovich, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
+7-495-939-14-39; tutorski@mail.ru

Сафронов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ

Safronov Aleksandr Vladimirovich, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of the History of the Ancient World, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-495-939-33-04; alexsafronov@bk.ru

Каргина Наталья Петровна, документовед Архива МГУ имени М.В. Ломоносова

Kargina Natalia Petrovna, Document Specialist, Archive, Lomonosov Moscow State University

+7-495-932-92-20; npkargina@yandex.ru

Н.Н. Чебоксарове (антропология), В.И. Чичерове (фольклористика) и ряде других. Приводятся документы о рекомендации Кнорозова в аспирантуру исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, а также сведения о научном руководителе во время обучения на кафедре — крупном археологе, этнографе и востоковеде С.П. Толстом. По данным исследователей истории Московского университета приводятся сведения об одноклассниках Ю.В. Кнорозова по кафедре этнографии, условиях жизни в общежитии на Стромынке, а также особенностях учебного процесса в Московском университете середины 1940-х гг. Все эти факты позволяют представить себе мир, в котором формировался будущий ученый. В заключении приводится краткий очерк изучения истории майя на историческом факультете Московского университета на рубеже XX–XXI вв., а также рассматриваются перспективы исследований на данном направлении. Авторы делают вывод о важности интердисциплинарности, характерной для обучения на историческом факультете МГУ в целом и кафедре этнографии в частности, для формирования личности ученого и его неординарных подходов к изучению культур древних и современных народов.

Ключевые слова: этнография в МГУ имени М.В. Ломоносова, востоковедение, майяника, формирование ученого, интердисциплинарность, студенческая жизнь.

Abstract. The article examines the university years (1939–1948) of the outstanding scholar Yu.V. Knorozov (1922–1999), especially his specialization in the Department of Ethnography of the Faculty of History (1943–1948). In the introduction, the authors summarize his contribution to the study of scripts of Maya and Easter Islanders and Proto-Indian script, the origin of America's peoples, paleoethnography of Beringia, ethnography of the Ainu, ethnosemiotics. According to the material from the Moscow State University Archive they reconstructed a list of disciplines that Yu.V. Knorozov attended as a student at Kharkov State University and the Department of Ethnography at Moscow State University. The article characterizes his teachers N.N. Bromley (English), V.I. Avdiev (Ancient World), I.S. Katznelson (Ancient Egyptian), G.B. Erenburg (Modern History of the East), N.N. Cheboksarov (Anthropology), V.I. Chicherov (Folklore), and a number of others. It quotes Knorozov's recommendation for postgraduate study in the Faculty of History at Lomonosov Moscow State University and provides information about his scientific director during his studies at the department, the prominent archaeologist, ethnographer and orientalist S.P. Tolstoy. The authors write about Knorozov's classmates in the Department of Ethnography, living conditions in the dormitory on Stromynka Street and peculiarities of the educational process at Moscow University in the mid-1940s. All these facts contribute to the understanding of the conditions in which Knorozov made himself a scholar. The article provides a brief outline of the study of Maya history in the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University at the turn of the 20th century and the prospects of research in this area. The authors conclude that interdisciplinarity, which is involved in the educational process in the Faculty of History of Moscow University in general

and in the Department of Ethnography in particular, was very important for the formation of Knorozov's personality and his innovative approaches to the study of the cultures of ancient and modern peoples.

Keywords: ethnography at Lomonosov Moscow State University, Orientalism, Maya Studies, the scholar's formation, interdisciplinarity, student life.

* * *

В ноябре 2022 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося советского и российского ученого Юрия Валентиновича Кнорозова, который вошел в историю науки как человек, осуществивший дешифровку иероглифической письменности майя — одной из древних систем письма, созданной и использовавшейся индейцами майя в I тыс. н.э. Ровно 70 лет назад, будучи соискателем Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР (Кунсткамера), готовившим свое диссертационное исследование, Ю.В. Кнорозов опубликовал в журнале «Советская этнография» статью «Древняя письменность центральной Америки»¹, которая подвела итог длительной дискуссии о характере письма майя, начатой еще в 60-е гг. XIX в. В этой эпохальной работе молодой специалист доказал, вопреки распространенной в тот период в мировой лингвистике точке зрения, что иероглифическое письмо майя относится к словесно-слоговым системам письма, характерным для древних обществ схожей стадии развития (Древний Египет, Шумер, Китай) и является фонетическим, т.е. любой знак письменности имеет четко определенное чтение. Предложенные Кнорозовым значения иероглифических знаков, полученные методом позиционной статистики (подсчет встречаемости знаков и их комбинаций) и перекрестного чтения (подтверждение предполагаемых чтений через несвязанные примеры), а также определение системы организации письменных текстов дали в руки будущим исследователям инструмент для работы с богатейшим корпусом иероглифических надписей майя, возможность реконструкции событийной истории, социально-политической структуры, мифологии, календарно-астрономической традиции и других аспектов культурного развития общества древних майя². А самого Ю.В. Кнорозова данная публикация поставила в один ряд с гениальными дешифровщиками письменностей Древнего Востока — Жаном Франсуа Шампольоном, Георгом Гротефендом, Генри Роулинсоном, Эдуардом Хинксом, Юлиусом Оппертом, наконец, его современником и ровесником Майклом Вентрисом.

¹ Кнорозов Ю.В. Древняя письменность центральной Америки // Советская этнография. 1952. № 3. С. 100–118.

² Кнорозов Ю.В. Система письма древних майя. М., 1955.

Полностью результаты работы Кнорозова над дешифровкой письменности майя были опубликованы в фундаментальной монографии «Письменность индейцев майя»³.

Однако вклад Юрия Валентиновича Кнорозова в мировую и отечественную науку не ограничивается только дешифровкой письменности майя. Его диссертационное исследование ««Сообщение о делах в Юкатане» Диего де Ланда как историко-этнографический источник», представленное к защите в 1955 г., содержало перевод и подробные комментарии к одному из важнейших колониальных источников по истории древних майя, опубликованные в том же году⁴. Далее он работает над полными переводами трех сохранившихся кодексов майя постклассического периода, изданными в монографии «Иероглифические рукописи майя»⁵. Будучи уже признанным ученым, доктором исторических наук и старшим научным сотрудником Музея антропологии и этнологии АН СССР, с конца 1950-х до начала 1980-х гг. он вел активную работу по многим интереснейшим научным направлениям, руководил научной группой по изучению древних систем письма, в частности недешифрованных протоиндийской⁶ и острова Пасхи (ронго-ронго)⁷. Он увлеченно занимался и широкими теоретическими проблемами в рамках «теории сигнализации»⁸, а чуть ранее ввел в научный оборот понятие фасцинации (особое воздействие звукового сигнала, при котором изменяется первоначальная информационная компонента, например ритм)⁹. В 1980-х гг. Кнорозов руководит группой по этнической семиотике, в рамках которой участвует в этнографических экспедициях на Курильские острова и Сахалин, занимается проблемами Берингии и этногенеза

³ Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя. М.; Л., 1963.

⁴ Кнорозов Ю.В. «Сообщение о делах в Юкатане» Диего де Ланда как историко-этнографический источник // Ланда Д., де. Сообщение о делах в Юкатане. М., 1955. С. 3–96.

⁵ Кнорозов Ю.В. Иероглифические рукописи майя. Л., 1975.

⁶ Кнорозов Ю.В. Формальное описание протоиндийских изображений // Protoindica. 1972: Сообщение об исследовании протоиндийских текстов. Ч. 2. М., 1972. С. 178–245; Он же. Протоиндийские надписи: К проблеме дешифровки // Советская этнография. 1981. № 5. С. 47–71.

⁷ Кнорозов Ю. В., Бутинов Н. А. Предварительное сообщение об изучении письменности острова Пасхи // Советская этнография. 1956. № 4. С. 77–91; Кнорозов Ю. В., Бутинов Н. А. Новые материалы об острове Пасхи: О списке «королей» острова Пасхи // Советская этнография. 1957. № 6. С. 38–42.

⁸ Кнорозов Ю.В. К вопросу о классификации сигнализации // Основные проблемы африканистики: этнография, история, филология: к 70-летию чл.-кор. АН СССР Д.А. Ольдерогге / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая; отв. ред. Ю.В. Бромлей. М., 1973. С. 324–334.

⁹ Кнорозов Ю.В. Об изучении фасцинации // Вопросы языкознания. 1962. № 1. С. 163.

коренного населения Америки¹⁰, изучает систему письма айнов¹¹. Мы видим, что Кнорозов, как истинный ученый, не мог ограничиться лишь узкой сферой интересов и стремился реализовать себя в самых разных направлениях.

Однако дешифровка иероглифической письменности майя, как и исследования по целому ряду других научных проблем и направлений, были бы невозможны без глубоких знаний и широкого кругозора исследователя в области истории, этнологии, археологии, лингвистики и других наук, которыми в полной мере обладал Юрий Валентинович. В значительной степени его научные знания, навыки, методы работы сформировались в процессе учебы на историческом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, которая пришлось на время Великой Отечественной войны и первые послевоенные годы. Эта страница биографии выдающегося советского ученого до сих пор оставалась недостаточно освещенной в историографии, поэтому в данной работе мы хотели бы восполнить существующий пробел и более подробно раскрыть основные вехи учебы Ю.В. Кнорозова, а также представить его преподавателей на историческом факультете Московского университета.

Настоящая работа, с одной стороны, открывает новую страницу в истории кафедры этнографии исторического факультета МГУ, выпускником которой являлся Кнорозов, и с этой точки зрения может быть поставлена в один ряд с работами Н.Н. Чебоксарова и К.И. Козловой¹², В.В. Карлова¹³, Т.Д. Соловей¹⁴, Е.И. Лариной¹⁵, З.У. Махмудовой¹⁶ и других исследователей. С другой стороны, она вводит

¹⁰ Кнорозов Ю.В. Этногенетические процессы в древней Америке // Проблемы истории и этнографии Америки / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1979. С. 133–141.

¹¹ Кнорозов Ю.В., Спевakovский А.Б., Таксами Ч.М. Пиктографические надписи айнов // Полевые исследования Института этнографии. 1980–1981. М., 1984. С. 226–233.

¹² Козлова К.И., Чебоксаров Н.Н. Этнография в Московском университете // Советская этнография. 1955. № 2. С. 100–111.

¹³ Карлов В.В., Миронова Н.П. Лев Павлович Лашук: кафедра в научной судьбе ученого (к 80-летию создания кафедры этнографии МГУ) // Вестник антропологии. 2019. № 4 (48). С. 5–17.

¹⁴ Проблемно-тематическое пространство и теоретические границы современной этнологии. К юбилею доктора исторических наук, профессора Г.Е. Маркова: Сборник научных статей / Отв. ред. Т.Д. Соловей. М., 2013. 293 с.

¹⁵ Востокведческие исследования на постсоветском пространстве: Сборник научных статей, посвященный памяти профессор С.П. Полякова / Отв. ред.-сост. Е.И. Ларина. М., 2014. 316 с.

¹⁶ Махмудова З.У. Дагестанские экспедиции кафедры этнографии Исторического факультета МГУ под руководством Е.М. Шиллинга: творческий поиск, находки,

новые данные к биографии выдающегося отечественного ученого Ю.В. Кнорозова, дополняя работы М.Ф. Альбедиль¹⁷, Г.Г. Ершовой¹⁸, С.А. Корсуна¹⁹ и др.

Статья основывается на материалах личного дела студента исторического факультета МГУ Ю.В. Кнорозова, хранящегося в Архиве МГУ. Дело состоит из 10 листов и включает в себя зачетную книжку студента (оригинал), бланк копии диплома об окончании образования, бланк копии приложения к диплому (выписки из зачетной ведомости), учебную карточку студента (оригинал), экзаменационный лист для сдачи государственных экзаменов (оригинал), выписку из протокола заседания кафедры этнографии от 08.04.1948 с оценкой диплома и сообщением о рекомендации в аспирантуру, выписку из приказа № 250 от 20.10.1945 о зачислении Ю.В. Кнорозова на исторический факультет, выписку из приказа № 285 от 14.10.1943 о зачислении Ю.В. Кнорозова на 2-й курс исторического факультета, личный листок по учету кадров (оригинал)²⁰. В зачетной книжке имеется фотография студента Кнорозова.

В деле, однако, отсутствует ряд чрезвычайно важных документов (заявление с просьбой о принятии на истфак, автобиография, дополнительные материалы, касающиеся пребывания на факультете). С большой долей вероятности можно предположить, что это связано с тем, что Ю.В. Кнорозов был зачислен сразу на второй курс исторического факультета, после учебы в Харьковском государственном университете, и ряд документов у него могли не требовать. В Харьковском университете Ю.В. Кнорозов успел закончить два курса, проучившись с сентября 1939 по июнь 1941 г., поэтому его зачисление на второй курс исторического факультета МГУ произошло «с потерей года»²¹. По отметкам в зачетной книжке можно понять, что при себе приехавший для поступления в МГУ студент Кнорозов имел зачетку исторического факультета Харьковского университета: некоторые предметы в имеющейся зачетной книжке МГУ выставлены с пометкой «на осн[овании] зач[етной] кн[ижки] ХГУ 39/297».

результаты исследований // Дагестанские этнографические экспедиции Е.М. Шиллинга [1944–1946]. М., 2013. С. 5–22.

¹⁷ *Альбедиль М.Ф.* Биография Ю.В. Кнорозова // Ю.В. Кнорозов. Избранные труды. СПб., 2018. С. 6–27.

¹⁸ *Ершова Г.Г.* Последний гений XX века. Юрий Кнорозов: судьба ученого. М., 2019. 798 с.

¹⁹ *Корсун С.А.* Ю.В. Кнорозов: штрихи к научной биографии // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. СПб., 2014. С. 109–116.

²⁰ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 5л. Д. 2226а.

²¹ *Ершова Г.Г.* Указ. соч. С. 109–113.

Этот документ в деле отсутствует, поскольку позже Кнорозов увез харьковскую зачетку в Ленинград при поступлении в аспирантуру, и она сохранилась в его личном деле в Архиве МЭА РАН.

На основании имеющихся в деле документов мы попытаемся реконструировать ход обучения будущего дешифровщика письменности майя, интеллектуальную и образовательную среду, которая его окружала.

Судя по известной биографической информации, Ю.В. Кнорозов прибыл в Москву в сентябре 1943 г. и после обращения к декану исторического факультета МГУ С.Д. Сказкину с просьбой о переводе в МГУ²² был зачислен на исторический факультет с 19 октября 1943 г. приказом № 285 от 14.10.1943. Сведения Личного листка по учету кадров позволяют уточнить некоторые детали первых дней пребывания в МГУ.

Личный листок по учету кадров был заполнен собственноручно Ю.В. Кнорозовым 6 октября 1943 г. Представляя сведения о себе, он указал адрес: «г. Бабушкин, Кирпичный з[аво]д, д[ом] № 41»²³. Согласно биографической работе Г.Г. Ершовой, по этому адресу ученый никогда не проживал²⁴, однако именно он был указан на командировочном удостоверении, которое привез его отец в село Старая Криуша (Воронежской обл.), чтобы на официальном основании забрать сына в Москву.

В качестве документа, удостоверяющего личность, в листке указан паспорт № 641, выданный «Ст.-Криуш. РО НКВД» 10/IX-43 на срок до 10/X. 1943 г.²⁵ Таким образом, при отъезде Ю.В. Кнорозова ему был выдан паспорт сроком всего на один месяц, и этот срок закончился вскоре после его прибытия в Москву.

Итак, Ю.В. Кнорозов приступает к занятиям на историческом факультете МГУ, здесь он сдает следующую зимнюю сессию, однако оценки ему продолжают ставить в харьковскую зачетку²⁶. Позже, в марте 1944 г. все оценки перенесли в новую зачетную книжку Московского университета. Впрочем, полноценно окончить учебный 1943/1944 г. ему не удалось: 15 марта 1944 г. студент Кнорозов был призван Краснопресненским военкоматом и направлен сначала в Московскую школу младших специалистов ремонтных авточастей, а затем переведен телефонистом в 158-й пушечный артиллеристский

²² См.: Там же. С. 109–113.

²³ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 5л. Д. 2226а. Л. 10об.

²⁴ См.: *Ершова Г.Г.* Указ. соч. С. 109–113.

²⁵ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 5л. Д. 2226а. Л. 10об.

²⁶ *Ершова Г.Г.* Указ. соч. С. 109–113.

полк²⁷. Только после Победы и демобилизации 15 октября 1945 г. он смог восстановиться и продолжить обучение на 3-м курсе исторического факультета МГУ.

Как уже было сказано, курсы первого года обучения были зачтены на основании зачетной книжки Харьковского государственного университета, причем это было сделано 21 марта 1944 г., когда Кнорозов формально уже не числился студентом университета, а проходил воинскую службу. На странице о первой сессии мы можем узнать только наименования предметов. Были сданы экзамены по истории Древнего Востока («отлично») и языковедению («отлично»), а также три зачета: по основам марксизма-ленинизма, французскому языку и русскому языку. Данных о количестве часов и фамилии преподавателей отсутствуют.

На следующей странице, посвященной второй сессии, указаны более подробные сведения из харьковского периода обучения. Кнорозов сдал 9.06.1940 экзамен по основам марксизма-ленинизма на оценку «хорошо» (120 [лекционных] часов, преподаватель Первомайский), 14.06.1940 — историю древней Греции и Рима на оценку «отлично» (120 [лекционных] часов, преподаватель Семенов-Зусер) и 23.06.1940 античную литературу также на оценку «отлично» (часы не указаны, преподаватель Качанов). Среди зачетов указаны: «Древняя история» (преподаватель Потемкина), латинский язык (преподаватель Стефани) и «Первобытное общество» (преподаватель Гринберг).

Из названных преподавателей заслуживает отдельного упоминания Семен Анатольевич Семенов-Зусер (1887–1951). Это был один из наиболее ярких преподавателей и исследователей Харьковского университета. Основной сферой его интересов были археология и античная история Северного Причерноморья. В рамках подходов 1930-х — 1940-х гг. он изучал родовую организацию скифов, мегалитические памятники Крыма. Он работал в различных научных учреждениях. Так, с 1929 по 1933 г. был ученым хранителем Музея антропологии и этнографии, а с 1937 по 1942 г. — заведующим кафедрой древнего мира и археологии Харьковского университета. Примечательно, что в 1940 г. он выпустил книгу «Физическая культура и зрелища в древнегреческих колониях Северного Причерноморья»²⁸.

В сведениях о третьей сессии Кнорозова также фигурируют оценки, внесенные по зачетной книжке ХГУ, и фамилии преподава-

²⁷ Там же. С. 125.

²⁸ Семенов-Зусер С.А. Физическая культура и зрелища в древнегреческих колониях Северного Причерноморья. Харьков, 1940.

телей этого университета, однако отсутствуют даты сдачи. В третью сессию студент Кнорозов сдает экзамен по дисциплинам: «Всеобщая литература. Средние века и Возрождение» на «отлично» (преподаватель Качанов), «Средневековая история» на оценку «посредственно» (преподаватель Пакуль), «История русской литературы» на оценку «хорошо» (преподаватель Зверев) и латинский язык на «отлично» (преподаватель Стефани). Также им были сданы зачеты по истории средних веков (преподаватель Гринберг), основам марксизма-ленинизма (преподаватель Бадьян) и французскому языку (преподаватель Коврайская).

Единственную в аттестате Ю.В. Кнорозова оценку «посредственно» поставил ему еще один известный преподаватель (и выпускник) Харьковского университета Николай Макарович Пакуль (1880–1953). В 1929 г. он издал научно-популярную книгу «История Нидерландской революции», которая вышла в одном переплете с книгой московского историка В.Ф. Семенова «Английская революция XVII в.». В 1936 г. без защиты диссертации ему было присвоена степень доктора исторических наук. С этого же года, хотя и с перерывами, он исполнял обязанности декана исторического факультета ХГУ. С 1939 г. до конца жизни Пакуль был заведующим кафедрой средних веков, при этом он вел курс и по новой и новейшей истории²⁹.

Четвертую (последнюю харьковскую) сессию Кнорозов сдал полностью на «отлично»: это экзамены по военному делу (преподаватель Егоров), французскому языку (преподаватель Крутчевская), истории СССР (преподаватель Мякшин), истории западноевропейской литературы (преподаватель Качанов) и основам марксизма-ленинизма (преподаватель Бадьян). Также им были получены зачеты по истории средних веков (преподаватель Гринберг), истории СССР (преподаватель Мякшин) и латинскому языку (преподаватель Стефани).

На следующей странице, озаглавленной «5-ый семестр», обозначены уже предметы из учебного плана исторического факультета МГУ, а также фамилии московских преподавателей. Однако рядом с оценками вновь присутствует приписка: «На осн[овании] зач[етной] книжки ХГУ. 21.03.44», т.е. оценки в зачетную книжку МГУ были переписаны из харьковской зачетки, куда они первоначально проставлялись. Напротив каждого предмета стоят даты их сдачи: «Археология — [А.В.] Арциховский — хорошо — 25/XI/43»; «Исто-

²⁹ Головки А.Б. Харьковский медиевист Николай Макарович Пакуль (1880–1953 гг.) // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2014. № 1. С. 160–162.

рия первобытного общества — [Д.Г.] Редер — отлично — 1/ХП/43»; «Арабский язык — Петров — отлично — 27/П/43» (здесь вероятнее всего описка, должен стоять 1944 г. — А.Т., А.С., Н.К.); «Этнография — [С.П.] Толстов — отлично — 5/П/44»; «История средних веков — [А.И.] Неусыхин — хорошо — 19/П/44». Также были проставлены зачеты по французскому языку (Бородина) и истории Древнего Востока (В.И. Авдиев).

Из преподавателей, выставивших первые оценки за «московские» курсы, не требуют пояснений фигуры А.В. Арциховского³⁰, А.И. Неусыхина³¹, а также будущего научного руководителя Ю.В. Кнорозова — С.П. Толстова. Стоит сказать несколько слов о Д.Г. Редере. Вероятнее всего, он читал курс «Истории первобытного общества» вместо не вернувшегося из эвакуации М.О. Косвена. Дмитрий Григорьевич Редер преподавал на кафедре истории Древнего мира и был специалистом по папирусологии. Вот как описывал его К.Г. Левыкин: «Необычным он был человеком, еще не старым, но давно уже не молодым, рыхлого телосложения, с почти лысой головой и одутловатым лицом. Он удивлял нас всех необычным звучанием своего какого-то немужского голоса. <...> За толстыми стеклами очков он выглядел отрешенным от всех житейских страстей. Специалистом он был редким»³².

Первую полноценную сессию в МГУ Ю.В. Кнорозов сдавал уже зимой 1945/1946 г. после демобилизации и восстановления на истфаке. Он получил оценку «отлично» за курс «История первобытного хозяйства» у Н.Н. Чебоксарова (21/ХП/1945), «отлично» за курс «Этнография народов СССР» у С.А. Токарева (4/П/1946), «отлично» за «Новую историю Востока. 1 ч.» у Г.Б. Эренбурга (9/П/1946), «отлично» за «Новую историю. 1 ч.» у И.Д. Белкина (15/П/46), «отлично» по предмету «История СССР XX в.» у Б.Г. Верховня (23/П/46). Также на этой же странице занесена информация о еще двух экзаменах, сданных в мае 1946 г., о которых будет сказано ниже. В зимнюю сессию 1945/1946 учебного года Ю.В. Кнорозов получил зачеты по политэкономии (преподаватель Сомов), английскому языку (преподаватель Н.Н. Бромлей), истории материальной культуры и антропологии (речь идет о физической или биологической антропологии. — А.Т.,

³⁰ Янин В.Л. Из воспоминаний об Артемии Владимировиче Арциховском // Российская археология. 2002. № 4. С. 128–130; Янин В.Л., Канторович А.Р. К 75-летию кафедры археологии исторического факультета МГУ // Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2015. № 3. С. 5–45.

³¹ Мильская Л.Т. Александр Иосифович Неусыхин. Тернистый путь ученого // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 147–173.

³² Левыкин К.Г. Мой университет: Для всех — он наш, а для каждого — свой. М., 2006. С. 97.

А.С., Н.К.) (преподаватель обоих предметов Н.Н. Чебоксаров) и древнеегипетскому языку (преподаватель В.И. Авдиев).

Кратко расскажем о наиболее значимых преподавателях. Начать следует с преподавателей языковых курсов Н.Н. Бромлей и В.И. Авдиева, поскольку к языкам у Кнорозова был особый интерес, а также потому, что эти преподаватели вели у него занятия не один семестр, а несколько.

Наталья Николаевна Бромлей преподавала английский язык на историческом факультете с 1934 по 1950 г. с перерывом в 1941–1945 гг., когда она сначала отправилась в эвакуацию, а затем, с 1943 по 1945 г., работала в Институте международных отношений. Наталья Николаевна была дочерью обрусевшего англичанина, предпринимателя Николая Эдуардовича Бромлея, который владел в Москве машиностроительным заводом. Однако в 1904 г. завод сторел, а Николай Эдуардович разорился и работал инженером на различных предприятиях. Именно поэтому «в семье не было репрессированных»³³. С 1911 по 1918 г. Наталья Николаевна работала в организации «Городские ткани», а с 1918 по 1924 г. — «на разных должностях в НКВД». С 1927 по 1932 г. она обучалась на Курсах иностранных языков (с 1930 г. — Московский институт новых языков, с 1935 г. — Московский педагогический институт иностранных языков) на преподавателя английского языка. С 1930 по 1933 г. работала преподавателем английского сначала в Комакадемии, затем в Коммунистическом университете трудящихся Востока и с 1934 г. устроилась работать на истфак МГУ.

В 1910 г. Наталья Николаевна вышла замуж за специалиста по древней истории Владимира Сергеевича Сергеева, который в 1935–1941 гг. был заведующим кафедрой истории древнего мира на историческом факультете МГУ, а в 1942 г. посмертно был удостоен Сталинской премии. Поскольку они состояли в гражданском браке, их сын — Юлиан Владимирович Бромлей, будущий известный этнограф, академик — получил фамилию матери. К сожалению, о преподавательской манере Натальи Николаевны и ее роли в жизни Ю.В. Кнорозова нам ничего не известно, однако именно английский язык долгое время был основным языком его общения с иностранными коллегами.

Еще в период учебы на старших курсах исторического факультета Кнорозов приступил к переводу и комментированию труда францисканского священника Диего де Ланды «Сообщения о делах в Юкатане», который и стал основой для его дешифровки письмен-

³³ Архив МГУ. Ф. о/к. Оп. 2. Д. 1089. Л. 5.

ности майя, поскольку содержал своеобразную билингву, текст, параллельно записанный иероглифами майя и буквами испанского алфавита. Перевод выполнялся по трем изданиям: оригинальное издание испанского текста Шарля-Этьена Брассёра де Бурбура (на микрофильме) с переводом на французский язык (1864), издание Жана Жэне также испанского текста с французским переводом (1928) и свежее на тот момент англоязычное издание Альфреда Тоззера (1941)³⁴. Если на раннем этапе работы над текстом перевод с испанского Кнорозов делал со словарями, то французский и английский тексты освоил достаточно легко. Как уже упоминалось выше, французскому языку он обучался еще на первых курсах в Харькове, а владение английским языком как раз стало результатом занятий у Н.Н. Бромлей.

Имя Всеволода Игоревича Авдиева достаточно часто встречается в воспоминаниях однокашников Ю.В. Кнорозова. В.И. Авдиев был специалистом по истории Древнего Египта, автором монографий «Древнеегипетская реформация» (1924), посвященной реформе Аменхотепа IV, и «Военная история Древнего Египта» (1948–1959). С 1942 по 1978 г. Авдиев работал на кафедре истории древнего мира в МГУ, а в 1951–1973 — заведовал ей.

Всеволод Игоревич был известен среди студентов истфака тем, что начинал первую лекцию фразой «Солнце восходит с Востока». Его очень боялись первокурсники, потому что ему было сложно сдать экзамен³⁵. Также примечательно, что учебник по истории Древнего Востока 1948 г., за который он был удостоен Государственной премии, сложился в результате чтения лекций в 1946–1949 гг.³⁶, т.е. именно в годы обучения Ю.В. Кнорозова, а также его «сотоварищей» — Т.В. Степугиной и Л.Т. Мильской — в семинаре Авдиева.

Имя Н.Н. Чебоксарова почти не упоминается учеными, составившими биографии Ю.В. Кнорозова. Между тем Николай Николаевич, вместе с С.П. Толстовым и С.А. Токаревым, был ярчайшим представителем кафедры этнографии МГУ, да и всей этнографической науки того времени. В.В. Пименов, студент исторического факультета в 1949–1954 гг., будущий заведующий кафедрой этнографии (1986–2006 гг.), охарактеризовал Н.Н. Чебоксарова как «одного из

³⁴ *Ершова Г.Г.* Указ. соч. С. 159.

³⁵ *Ягодкина Е.О.* Студенчество исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (1943–1953 гг.): источниковедческое исследование. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 186.

³⁶ *Ладынин И.А., Тимофеева Н.С.* Обсуждения учебника В.И. Авдиева «История Древнего Востока» в конце 1940-х — начале 1950-х гг. // *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры.* 2017. Т. 6. С. 381.

самых интересных и ярких людей, которых довелось встретить на моем жизненном пути. <...> При чем речь шла, так сказать, о таланте в чистом виде. Внешность профессора к этому никакого отношения не имела — красотой он явно не отличался: невысокого роста, с довольно большим животом, тонкими ногами и покатыми плечами, лысоватый, с одутловатым лицом. Но стоило ему заговорить, стоило ему начать лекцию, стоило ему принять участие в беседе, даже просто разговоре, — все менялось: он становился обаятелен, приятен, привлекателен, даже красив»³⁷.

Н.Н. Чебоксаров обладал поистине энциклопедическим кругозором. Читал лекции и писал научные работы по антропологии, этнографии народов Прибалтики и Севера, этнографии зарубежной Европы, этнографии Восточной Азии. Впоследствии, когда Николай Николаевич стал заведующим кафедрой этнографии (1951–1956 гг.), он ввел в учебный план обязательную полевую практику студентов, и именно при нем были организованы регулярные этнографические студенческие практики кафедры³⁸. С 1946 по 1951 г. Николай Николаевич занимал должность доцента и читал курсы преимущественно по антропологии и истории материальной культуры.

Г.Б. Эренбург был специалистом по истории Китая, известным своими работами по истории китайского революционного движения. Он приходился двоюродным братом знаменитому писателю и военному корреспонденту Илье Эренбургу. Вот что пишут о манере преподавания Г.Б. Эренбурга его ученики, синологи М.Ф. Юрьев и А.Б. Панцов (внук Г.Б. Эренбурга): «В условиях углубленной, но и более узкой специализации студентов по истории изучаемой страны особенно важны были широкая эрудиция, умение подойти к развитию той или иной страны в контексте истории региона, континента, всего мира, вкус к рассмотрению общетеоретических вопросов на материале отдельной страны. Все эти качества были свойственны Георгию Борисовичу, и они в полной мере проявились при чтении им лекций. Эти достоинства лекций Г.Б. Эренбурга вместе с яркой формой изложения материала, умением подать его образно и вдохновенно делали их популярными среди студентов различных специализаций и разных учебных заведений, в которых преподавал Георгий Борисович. Они не оставляли слушателей равнодушными и

³⁷ Пименов В.В. Моя профессия — этнограф. Очень личные заметки о не слишком давнем прошлом, настоящем и будущем отечественной этнографической науки. М.: СПб., 2015. С. 110–111.

³⁸ Титорский А.В. Методы сбора и способы текстуализации полевого материала (на примере Северной экспедиции кафедры этнографии МГУ) // Кафедре этнологии исторического факультета МГУ — 70 лет. М., 2010. С. 273–293.

надолго запоминались»³⁹. Впрочем, судя по воспоминаниям К.Г. Левыкина, курс лекций по востоковедению новейшего времени читали несколько лекторов: корейист М.Н. Пак и японист А.Л. Гальперин⁴⁰. Информация в зачетке позволяет узнать лишь имя экзаменатора.

Во время летней сессии оценки были следующие: «отлично» за курс «Политэкономия» у Островитянова (29/VI/46), две оценки «отлично» за курсы «Фольклор» (31/V/46) и «Эпос восточных славян» (8/VI/46) у В.И. Чичерова, «отлично» за курс «Новая история стран Востока» (14/VI/46) у Г.Б. Эренбурга, «отлично» по «Новой истории. Ч. 2» у И.С. Галкина (19/VI/46) и «отлично» за «Этнографию Востока» (24/VI/46) у С.П. Толстова. Также были получены зачеты по следующим предметам: «Диалектический материализм» (Бограчев), испанский язык (Мовенова), английский язык (Бромлей), «Этнография Средней Азии» (Толстов), древнеегипетский язык (Кацнельсон).

Во время весеннего семестра 1945/1946 учебного года Кнорзов прослушал два курса у Владимира Ивановича Чичерова. Это также был замечательный преподаватель-филолог, который читал для студентов-этнографов курсы, связанные с фольклористикой. Очень яркую характеристику этого преподавателя оставил В.В. Пименов, который сам его не слушал, но записал в своем дневнике то, что рассказывали студенты старших курсов: «В.И. Чичеров, не только, собственно говоря, читал лекции в общепринятом традиционном смысле этих слов, а играл их, будучи не только первоклассным ученым-фольклористом, но и выдающимся артистом-исполнителем фольклора. Он пел былины и лирические песни, изображал в лицах действие персонажей фольклорной народной драмы “Царь Максимилиан”»⁴¹. В 1948 г. В.И. Чичеров защитил в Институте этнографии свою монографию «Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX вв.» как докторскую диссертацию, с 1953 по 1957 г. он заведовал кафедрой фольклора филологического факультета МГУ⁴².

Следует также несколько слов сказать об Исидоре Саввиче Кацнельсоне (1910–1981), известном востоковеде, египтологе, основателе отечественной мероистики — науки об истории Древнего Судана. Выпускник факультета языка и материальной культуры ЛГУ 1931 г., И.С. Кацнельсон еще в 1935 г. поступил в аспирантуру ЛГУ, где под руководством В.В. Струве занимался исследованием

³⁹ Юрьев М.Ф., Панцов А.Б. Учитель китаеведов Г.Б. Эренбург (1902–1967) // Слово об учителях. Московские востоковеды 30–60-х гг. М., 1988. С. 112.

⁴⁰ Левыкин К.Г. Указ. соч. С. 167.

⁴¹ Пименов В.В. Указ. соч. С. 108.

⁴² Соколова В. Владимир Иванович Чичеров [некролог] // Советская этнография. 1957. № 3. С. 187–189.

проблемы возникновения государства в Нубии. С началом войны он ушел добровольцем на фронт, демобилизовался в 1945 г. После этого он перебирается в Москву и начинает преподавать древнеегипетский язык на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ, периодически возвращаясь к преподаванию и на восточном факультете ЛГУ. Параллельно Кацнельсон завершает работу над кандидатской диссертацией «Проблемы возникновения государства в древней Нубии», защита которой состоялась в 1947 г.⁴³ С 1956 г. и до конца жизни он работает в Институте востоковедения АН СССР. И.С. Кацнельсон являлся видным представителем ленинградской школы египтологии, находившейся на подъеме в середине XX в. Присутствие такого специалиста на истфаке МГУ, к тому же в период его активной работы над диссертацией, безусловно, отразилось на формировании научных взглядов молодого студента Кнорозова.

В зимнюю сессию 1946/1947 учебного года Ю.В. Кнорозов получил оценку «хорошо» по курсу «История нового времени. III часть» (9/I/47) у Любови Авксентьевны Бендриковой, оценку «хорошо» по курсу «Диалектический и исторический материализм» (14/I/47) у Куражковской) и «хорошо» по политической экономии (23/I/47 у Н. Спиридоновой). Также в эту сессию он сдал единственный зачет по английскому языку Н. Бромлей.

Летом 1947 г. Юрий Кнорозов сдал последние экзамены и зачеты. В зачетной книжке значится «отлично» за курс «История культуры Хорезма» (24/V/47, преподаватель С.П. Толстов), «хорошо» за курс «Экономическая география СССР» (31/V/47, преподаватель Луцкий), «отлично» за курс «Теория и история права» (10/VI/47, преподаватель нрзб.), «отлично» за курс «История философии» (20/VI/47, преподаватель нрзб.), «отлично» за курс «История советского права» (24/V/47, преподаватель И.И. Евтихийев). Зачтены курс узбекского языка (преподаватель Шарипов) и специальный семинар «Анимизм и шаманство у казахов» (преподаватель С.П. Толстов).

8 апреля 1948 г. Ю.В. Кнорозов защитил дипломную работу «Мазар Шамун-Наби. Среднеазиатская версия легенды о Самсоне». Работа была написана по материалам его участия в Хорезмской экспедиции под руководством С.П. Толстова. В деле присутствует выписка из заседания кафедры, датированная этим числом. В ней значится, что работа оценена на «отлично» и заслуживает напечатания. Ю.В. Кнорозов был рекомендован в аспирантуру⁴⁴.

⁴³ Памяти И.С. Кацнельсона // Народы Азии и Африки. 1981. № 5. С. 245–246.

⁴⁴ Несмотря на рекомендацию, в аспирантуру он принят не был и вскоре уехал в Ленинград.

Выписка из протокола заседания
кафедры этнографии 8/IV 1948 г.
Слушали: защита дипломной работы
студента V курса Ю.М. Кнорозова
«Мазар Шамун-Наби (среднеазиатская
версия легенды о Самсоне)»
Постановили: работу оценить на «отлично»
Кафедра рекомендует т. Кнорозова
в аспирантуру.
Работа т. Кнорозова заслуживает
напечатания.
Лаб. каф. этнографии
Т. Кис[елева]

Выписка из протокола заседания
кафедры этнографии от 8/IV 1948 г.
Слушали: Защита дипломной работы
студента V курса Ю.М. Кнорозова:
„ Мазар Шамун-наби. (Среднеазиатская
версия легенды о Самсоне) ”
Постановили: работу оценить на „отлично“.
Кафедра рекомендует т. Кнорозова
в аспирантуру.
Работа т. Кнорозова заслуживает
напечатания.
Лаб. каф. этнографии
Т. Кис.

Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 5л. Д. 2226а. Л. 6.

Важно отметить, что данные официальных учебных документов не соответствуют «устному преданию» о том, что С.А. Токарев был научным руководителем Ю.В. Кнорозова. Об этом дважды вскользь упоминает в своей книге Г.Г. Ершова. На странице 119 портрет С.А. Токарева подписан как «научный руководитель Юрия Кнорозова», а в приложении, в воспоминаниях Мириам Геффен, говорится,

что «Он (С.П. Толстов. — А.Т., А.С., Н.К.) формально был, по-моему, ну поначалу, да, руководителем был Токарев»⁴⁵. Однако официальные документы, касающиеся студенческих годов жизни Ю.В. Кнорозова, этого не подтверждают.

Можно обратить внимание, что с научными интересами С.П. Толстова Кнорозова связывает целый ряд фактов. Во-первых, Юрий Валентинович прослушал целых три специальных курса Толстова («Этнография Востока», «История культуры Хорезма», «Анимизм и шаманство у казахов»), которые последовательно углубляли его знания в культуре этого региона. В то же время у С.А. Токарева он посещал только один обязательный курс «Этнография народов СССР». Для сравнения отметим, что у В.И. Чичерова и у Н.Н. Чебоксарова он прослушал по два курса по собственному выбору. Очевидно, что у Кнорозова была возможность выбрать курсы Токарева, но в те годы он этого не сделал. Во-вторых, спецсеминар «Анимизм и шаманство у казахов» — очень узкий сюжет, непосредственно связанный с его дипломной работой. По всей видимости, спецсеминар на пятом году обучения был аналогом курсовой работы учебного плана второй половины XX в., в рамках которой студенты занимались со своим научным руководителем. В-третьих, материалы также были собраны в экспедиции С.П. Толстова, хотя, как известно по интервью М. Геффен, в 1947 г. действовала также подмосковная практика в районе Павловской слободы под руководством С.А. Токарева⁴⁶. В-четвертых, нельзя не отметить весьма теплые, неформальные слова благодарности, которыми завершается публикация диплома Кнорозова: «Считаю своим приятным долгом выразить глубокую благодарность проф. С.П. Толстову, руководившему как сбором полевых материалов, легших в основу данной статьи, так и их интерпретацией»⁴⁷.

В связи со всеми названными фактами можно предположить следующую ситуацию. Ю.В. Кнорозов последовательно занимался исследованиями по этнографии Востока, которые углублял в рамках специальных курсов и семинаров под руководством С.П. Толстова. Однако уже в студенческие годы он заинтересовался письменностью майя и принял решение посвятить свои исследования в аспирантуре именно этой теме. Поэтому в дальнейшем он стал больше взаимодействовать с С.А. Токаревым, вел с ним интенсивную переписку.

⁴⁵ Ершова Г.Г. Указ. соч. С. 707.

⁴⁶ Там же. С. 700–701.

⁴⁷ Кнорозов Ю.В. Мазар Шамун-наби (Некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса) // Советская этнография. 1949. № 2. С. 97.

Возможно, он был руководителем кандидатской работы Юрия Валентиновича, хотя в опубликованном тексте стенограммы защиты его диссертации Токарев как научный руководитель не упоминается. Однако он выступил с докладом о научной работе диссертанта, поэтому, когда было принято решение о присуждении Кнорозову сразу докторской степени, решили учитывать его как третьего оппонента⁴⁸. Впрочем, отмечается, что именно Токарев был одним из двух человек, проголосовавших против присуждения Кнорозову докторской степени, а также, что именно С.П. Толстов должен был «провести решение ученого совета через ВАК»⁴⁹.

Таким образом, роли С.А. Токарева и С.П. Толстова в судьбе Ю.В. Кнорозова чрезвычайно важны, но с трудом втискиваются в простые шаблоны научного руководства или консультирования. По всей видимости, каждый из них по-своему старался помочь исследователю, однако проявлял твердость в принципиальных вопросах. По данным студенческого дела можно однозначно сказать, что научным руководителем диплома, и руководителем уважаемым, был Сергей Павлович Толстов.

Обзор студенческих лет жизни Ю.В. Кнорозова не будет полным без некоторых ремарок относительно его однокурсников и повседневной жизни студентов-историков в 1945–1948 гг.

Однокурсниками ученого по кафедре этнографии в 1943–1948 гг. обучения были: 1) Бурьян Людмила Кузьминична, 2) Бушуева Римма Николаевна, 3) Борисова Нина Николаевна, 4) Грудинина Вера Гавриловна, 5) Жигалова Валентина Семеновна, 6) Иванова Антонина Александровна, 7) Кузнецова Нелли Александровна, 8) Лобачева Нина Петровна, 9) Метельков Михаил Иванович, 10) Минаева Клавдия Алексеевна, 11) Пискарева Евгения Алексеевна, 12) Предтеченская Зинаида Борисовна, 13) Прокофьева Галина Сергеевна, 14) Пчелина Ольга Васильевна, 15) Ридель Ирина Николаевна, 16) Рождественская Софья Борисовна, 17) Сергеева Галина Александровна, 18) Терещенко Леонид Васильевич, 19) Филимонова Тамара Дмитриевна, 20) Цилинова Галина Дмитриевна. Таким образом, вместе с Ю.В. Кнорозовым кафедру этнографии в 1948 г. окончил 21 человек⁵⁰.

Студенты жили в общежитии на улице Стромынке, называвшемся «Стромынград», в комнатах по 7–8, а иногда и по 14 человек. Иногда первокурсники вынуждены были делить одну кровать.

⁴⁸ *Ершова Г.Г.* Указ. соч. С. 253–255.

⁴⁹ Там же. С. 256–257.

⁵⁰ *Ягодкина Е.О.* Указ. соч. С. 264–268.

До 1947 г. в здании были плиты, которые топились дровами и углем, а после этого времени в комнаты был проведен газ и появились газовые плиты. В комнатах было холодно, а в кухонных отделениях, наоборот, очень жарко⁵¹. Тем не менее, студенты жили дружно. Разделяли пищу, время занятий в комнате. В том же 1947 г. была отменена карточная система, а рядом с общежитием заработала вторая студенческая столовая (первая была открыта в 1945 г. для инвалидов Великой Отечественной войны), в которую могли приходить все студенты. На дороге в университет старались экономить. Деньги тратили только на метро, а на трамвае ездили «зайцами». Трамваи ходили с открытыми дверями и «были обвешаны гирляндами висящих»⁵².

Именно эти картины надо иметь перед глазами, когда мы читаем скудные строки воспоминаний. Например, о том, что Севьян Израилевич Вайнштейн «жил в одной комнате с Юрой Кнорозовым». Или буквально понимать фразу самого Кнорозова о том, что «он может заниматься наукой даже на подножке трамвая»⁵³. Жизнь в те годы была не слишком комфортной, однако это не только не мешало заниматься наукой, но невероятно мотивировало молодых людей стремиться к знаниям.

Специализируясь по кафедре этнографии, студент Кнорозов посещал большое количество занятий факультативно, выбирал спецкурсы разных преподавателей, учил несколько иностранных языков. На наш взгляд, несколько факторов способствовало формированию прекрасного специалиста с широким кругозором, обладающего для этого разнообразными необходимыми навыками и методами исследовательской работы и одновременно целеустремленного в решении конкретных научных задач. Во-первых, это возможность максимально широкой специализации, которая предусматривала глубокое изучение истории различных регионов, языков народов мира и Советского Союза, мертвых языков. Во-вторых, это междисциплинарный характер самой этнографической науки. По словам А.А. Никишенкова, этнография — последнее прибежище гуманитарного энциклопедизма. Этнографическая специализация включала в себя, например, курсы по фольклору, которые читались преподавателями филологического факультета (оба курса филолога-фольклориста В.И. Чичерова как раз и избрал Ю.В. Кнорозов в качестве предметов по выбору), занятия по физической антропологии, а также практику

⁵¹ Там же. С. 225–231.

⁵² Там же. С. 240.

⁵³ *Ершова Г.Г.* Указ. соч. С. 113–125.

в Хорезмской экспедиции, которая сама по себе была уникальным научно-исследовательским феноменом. Наконец, в-третьих, нельзя не отметить прекрасный коллектив преподавателей, каждый из которых был корифеем в своей области — от научного руководителя С.П. Толстова, преподавателей И.С. Кацнельсона, В.И. Авдиева, Н.Н. Чебоксарова, С.А. Токарева, В.И. Чичерова до Н.Н. Бромлей. Вместе с тем, Ю.В. Кнорозов по праву может называться одним из гениев новейшего времени, и именно его собственные качества и способности позволили полностью использовать образовательный потенциал кафедры и исторического факультета.

* * *

Новые времена готовят новые вызовы и определяют совершенно иные условия учебной и научно-исследовательской деятельности. Одной из серьезных проблем поздней советской американистики стало то, что, несмотря на наличие такого грандиозного для мировой науки исследователя письменности майя, как Юрий Валентинович Кнорозов, а также целой плеяды выдающихся специалистов по истории, культуре и археологии, антропологии американского континента — Р. В. Кинжалова, В. И. Гуляева, В. А. Башилова, Ю. П. Аверкиевой, Ю. Е. Березкина, Э. Г. Александренкова, — в Советском Союзе так и не появилось регулярных учебных программ по изучению доколумбовой Америки в целом и письменности майя в частности, ни в Ленинграде, где работал Кнорозов, ни в Москве. Возможно, это было связано с тем, что практически все американисты работали в академических институтах и не занимались преподаванием в ВУЗах. Данное научное направление до начала 1990-х гг. оставалось по сути уделом энтузиастов-одиночек, самостоятельно постигавших выбранную проблематику при полном отсутствии каких-либо учебных материалов. Однако уже в постсоветской России стало совершенно очевидно, что для развития столь редкой, но крайне интересной специальности у нас в стране требовалась реализация систематической учебной программы, которая включала бы ряд спецкурсов и спецсеминаров, преподавание языка майя, позволяющих целенаправленно готовить специалистов по истории доколумбовой Америки, особенно в свете сохранения наследия Ю.В. Кнорозова. Фактически перед отечественной наукой встала задача создания такой специализации «с нуля».

Невероятную энергию в этом вопросе проявила молодой специалист, ученица Кнорозова Галина Гавриловна Ершова, поступившая в 1979 г. к нему соискателем в Ленинградское отделение

Института этнографии АН СССР (Кунсткамеру)⁵⁴. В 1993 г. Ершова по собственной инициативе и при поддержке крупнейшего специалиста по археологии майя Валерия Ивановича Гуляева пришла на исторический факультет МГУ с идеей организовать общий спецкурс для знакомства студентов с историей доколумбовой Америки, и в том числе — с работами Ю.В. Кнорозова по иероглифической письменности майя. В итоге она нашла заинтересованность, а потом и безоговорочную поддержку у заведующего кафедрой истории древнего мира В. И. Кузищина (1930–2013), выдающего отечественного антиковеда, специалиста по аграрной истории Рима и экономической истории античности, который рассмотрел возможность открытия совершенного нового направления научной специализации, нигде более не представленного на постсоветском пространстве. Так на кафедре истории древнего мира в середине 1990-х гг. появляется новая специализация — «История цивилизаций доколумбовой Америки», обязательной частью которой становится преподавание древнего письма майя (основного древнего языка специализации)⁵⁵. То есть спустя почти полвека после учебы Ю.В. Кнорозова на истфаке МГУ изучение письменности майя вновь вернулось в его *alma mater*, базируясь на результатах его гениальной работы и открывая дорогу новым поколениям исследователей. Важнейшим элементом развития специализации на историческом факультете МГУ под руководством Г.Г. Ершовой стал именно акцент на изучении письменных памятников майя, т.е. был взят курс на подготовку прежде всего специалистов в области эпиграфики майя. Надо заметить, что усилия по развитию специализации были сделаны очень вовремя, поскольку с 1980-х гг. в мировой науке — в Мексике, США, Европе — наблюдается невероятный интерес к исследованию иероглифики майя, идет процесс формирования нескольких научных групп, углубленно занимающихся анализом текстов древних майя, базирующемся на дешифровке Ю.В. Кнорозова, признанной большинством зарубежных специалистов в 1979 г. на конференции «Фонетизм в майяском иероглифическом письме» в Университете штата Нью-Йорк (Олбани). Поэтому молодые отечественные специалисты — Д.Д. Беляев, А.И. Давлетшин, А.А. Токовинин, А.В. Сафронов, вышедшие из этого «первого» майяского семинара в конце 1990-х гг., удачно оказались вовлечены в ключевые процессы, происходившие в мировой майянистике на рубеже веков, заняв там достойное место.

⁵⁴ Ершова Г.Г. Указ. соч. С. 416.

⁵⁵ Там же. С. 136.

Вторым важным элементом успешного развития специализации была открытость семинаров, когда на занятия сразу собирались студенты разных лет, на них свободно приходили и слушатели из других ВУЗов, интересующиеся доколумбовой Америкой и письменностью майя, специально приезжая с других концов Москвы. Именно благодаря тесному взаимодействию между студентами, атмосфере дискуссии и активного научного поиска сложился костяк молодых майянистов, которые стали основой развития специализации уже в XXI в. С 2006 г. под руководством кандидата исторических наук, доцента А.В. Сафронова проводится дальнейшее развитие специализации по истории доколумбовой Америки. Основные сложности, возникшие на новом этапе развития направления, состояли в грамотном и сбалансированном выстраивании системы учебных курсов, так чтобы студенты разных лет обучения последовательно знакомились с принципиально разными дисциплинами («Археологические культуры доколумбовой Америки», «История и культура Мезоамериканской цивилизации», «Древняя культура майя», «Политическая история древних майя» и др.). При этом набор курсов специализации по доколумбовой Америке должен укладываться в общие тематические и типологические рамки кафедры истории древнего мира, сложившиеся за многие десятилетия. Однако ядром специализации всегда будет оставаться изучение иероглифической письменности майя, прежде всего, как неотъемлемого элемента познания древних культурных традиций и, несомненно, как продолжение научного направления, заложенного великим открытием Юрия Валентиновича Кнорозова.

Хотя совершенно очевидно, что изучение истории доколумбовой Америки должно предполагать широкий междисциплинарный подход — это и антропологические исследования, и знание археологического материала, и обращение к лингвистическому направлению, возможность оперирования естественнонаучными и цифровыми методами исследований и многое другое. Поэтому перспектива развития специализации в ближайшем будущем видится в формировании тесного межкафедрального и мультидисциплинарного взаимодействия. Собственно, подобный подход и продемонстрировал Ю.В. Кнорозов еще в период своей учебы на историческом факультете МГУ.

Список литературы

Альбедиль М.Ф. Биография Ю.В. Кнорозова // Кнорозов Ю.В. Избранные труды. СПб.: МАЭ РАН, 2018. С. 6–27.

Востоковедческие исследования на постсоветском пространстве: Сборник научных статей, посвященный памяти профессора Сергея Петровича Полякова / Отв. ред.-сост. Е.И. Ларина. М.: Издательство Московского университета, 2014. 316 с.

Головки А.Б. Харьковский медиевист Николай Макарович Пакуль (1880–1953 гг.) // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2014. № 1. С. 160–162.

Ершова Г.Г. Последний гений XX века. Юрий Кнорозов: судьба ученого. М.: РГГУ, 2019. 798 с.

Карлов В.В., Миронова Н.П. Лев Павлович Лашук: кафедра в научной судьбе ученого (к 80-летию создания кафедры этнографии МГУ) // Вестник антропологии. 2019. № 4 (48). С. 5–17.

Кнорозов Ю.В., Бутинов Н.А. Новые материалы об острове Пасхи: О списке «королей» острова Пасхи // Советская этнография. 1957. № 6. С. 38–42.

Кнорозов Ю.В., Бутинов Н.А. Предварительное сообщение об изучении письменности острова Пасхи // Советская этнография. 1956. № 4. С. 77–91.

Кнорозов Ю.В. «Сообщение о делах в Юкатане» Диего де Ланда как историко-этнографический источник // Ланда Д., де. Сообщение о делах в Юкатане. М.: Издательство АН СССР, 1955. С. 3–96.

Кнорозов Ю.В. Древняя письменность центральной Америки // Советская этнография. 1952. №3. С. 100–118.

Кнорозов Ю.В. Иероглифические рукописи майя. Л.: Наука, 1975. 272 с.

Кнорозов Ю.В. К вопросу о классификации сигнализации // Основные проблемы африканистики: этнография, история, филология: к 70-летию чл.-кор. АН СССР Д.А. Ольдерогге / АН СССР. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; отв. ред. Ю.В. Бромлей. М.: Наука, 1973. С. 324–334.

Кнорозов Ю.В. Мазар Шамун-наби (Некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса) // Советская этнография. 1949. № 2. С. 86–97.

Кнорозов Ю.В. Об изучении фасцинации // Вопросы языкознания. 1962. № 1. С. 162–170.

Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя. М.;Л.: Издательство АН СССР, 1963. 664 с.

Кнорозов Ю.В. Протоиндийские надписи: К проблеме дешифровки // Советская этнография. 1981. № 5. С. 47–71.

Кнорозов Ю.В. Система письма древних майя. М.: Издательство АН СССР, 1955. 96 с.

Кнорозов Ю.В. Формальное описание протоиндийских изображений // Proto-indica. 1972: Сообщение об исследовании протоиндийских текстов. Ч. 2. М., Наука, 1972. С. 178–245.

Кнорозов Ю.В. Этногенетические процессы в древней Америке // Проблемы истории и этнографии Америки / АН СССР. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая; отв. ред. Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1979. С. 133–141.

Кнорозов Ю.В., Спевиковский А.Б., Таксами Ч.М. Пиктографические надписи айнов // Полевые исследования Института этнографии. 1980–1981. М., 1984. С. 226–233.

Козлова К.И., Чебоксаров Н.Н. Этнография в Московском университете // Советская этнография. 1955. № 2. С. 100–111.

Корсун С.А. Ю.В. Кнорозов: штрихи к научной биографии // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 109–116.

Ладынин И.А., Тимофеева Н.С. Обсуждения учебника В.И. Авдиева «История Древнего Востока» в конце 1940-х — начале 1950-х гг. // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2017. Т. 6. С. 379–405.

Левыкин К.Г. Мой университет: Для всех — он наш, а для каждого — свой. М.: Языки славянских культур, 2006. 592 с.

Махмудова З.У. Дагестанские экспедиции кафедры этнографии Исторического факультета МГУ под руководством Е.М. Шиллинга: творческий поиск, находки, результаты исследований // Дагестанские этнографические экспедиции Е.М. Шиллинга [1944–1946]. М.: Три квадрата, 2013. С. 5–22.

Мильская Л.Т. Александр Иосифович Неусыхин. Тернистый путь ученого // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 147–173.

Памяти И.С. Кацнельсона // Народы Азии и Африки. 1981. № 5. С. 245–246.

Пименов В.В. Моя профессия — этнограф. Очень личные заметки о не слишком давнем прошлом, настоящем и будущем отечественной этнографической науки. М.; СПб.: Аврора, 2015. 320 с.

Проблемно-тематическое пространство и теоретические границы современной этнологии. К юбилею доктора исторических наук, профессора Геннадия Евгеньевича Маркова: Сборник научных статей / Отв. ред. Т.Д. Соловей. М.: Издательство Московского университета, 2013. 293 с.

Семенов-Зусер С.А. Физическая культура и зрелища в древнегреческих колониях Северного Причерноморья. Харьков [б.и.], 1940. 44 с.

Соколова В. Владимир Иванович Чичеров [некролог] // Советская этнография. 1957. № 3. С. 187–189.

Туторский А.В. Методы сбора и способы текстуализации полевого материала (на примере Северной экспедиции кафедры этнографии МГУ) // Кафедра этнологии исторического факультета МГУ — 70 лет. М.: Издательство исторического факультета, 2010. С. 273–293.

Юрьев М.Ф., Панцов А.Б. Учитель китаеведов Г.Б. Эренбург (1902–1967) // Слово об учителях. Московские востоковеды 30–60-х гг. М.: Наука, 1988. 344 с.

Ягодкина Е.О. Студенчество исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (1943–1953 гг.): источниковедческое исследование. Диссертация ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2009. 319 с.

Янин В.Л. Из воспоминаний об Артемии Владимировиче Арциховском // Российская археология. 2002. № 4. С. 128–130.

Янин В.Л., Канторович А.Р. К 75-летию кафедры археологии исторического факультета МГУ // Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2015. № 3. С. 5–45.

Поступила в редакцию
1 октября 2022 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2022-6-147-167

И.А. Суздальцев

**БРИТАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА 1990-х гг.**

I.A. Suzdaltsev

**THE 1990s' BRITISH HISTORIOGRAPHY
OF THE COMMUNIST INTERNATIONAL**

Аннотация. В 1990-е гг. историки стали проявлять все больший интерес к изучению III Интернационала, и помимо господствовавшего традиционалистского концептуального подхода к данной теме в западной историографии окончательно утвердился оформленный в предыдущие десятилетия ревизионистский подход. Значительное количество исследований, посвященных Коминтерну, было опубликовано в данный период именно британскими учеными, причем проживающими не только в Великобритании, что обусловило расширение круга изучаемых вопросов. Появлялись монографии и статьи, посвященные как непосредственно Коминтерну, так и деятельности его зарубежных секций, а также смежным проблемам — истории коммунизма и левых сил различных оттенков, международным отношениям Советской России, коммунистическому движению в отдельных странах. Заинтересованность темой Коминтерна в зарубежной исторической науке была вызвана необходимостью разрешить ряд спорных, малоизученных или требовавших переосмысления вопросов, главным образом касающихся деятельности зарубежных секций: масштаб влияния политики Коминтерна на тактическую линию коммунистических партий различных стран, их возможность либо невозможность проводить независимую политику; «сталинизация» Коминтерна, ее хронологические рамки; изменение тактики и стратегии Коминтерна. Большинство исследований, изданных в 1990-х гг., в которых авторы придерживаются традиционалистского подхода, опираются на гораздо более ранние работы, однако благодаря открытию ряда российских архивов в значительном объеме стали привлекаться архивные материалы, что повысило объективность научных трудов, написанных, в том числе, с позиций противоположных концепций. Историографическая традиция изучения Коминтерна, существовавшая до начала 1990-х гг., подверглась изменениям: увеличение числа представителей ревизионистского подхода повлекло за собой смену акцентов и пересмотр некоторых устояв-

Суздальцев Илья Алексеевич, кандидат исторических наук, учитель истории ГБОУ «Школа №1381» г. Москвы

Suzdaltsev Ilya Alekseevich, PhD Candidate in History, Teacher of History, School 1381 in Moscow

+7-964-780-02-65; ialoko90@mail.ru

шихся точек зрения. Авторы, придерживавшиеся этой концепции, стали опираться на более современную литературу (в том числе российскую) и широкую источниковую базу, представленную материалами как зарубежных архивов, так и Российского государственного архива социально-политической истории. Согласно логике статьи, по каждому из рассматриваемых вопросов сначала представлены мнения «традиционалистов», затем «ревизионистов».

Ключевые слова: Коммунистическая партия Великобритании, «традиционалисты», «ревизионисты», «сталинизация» компартий, концепция «третьего периода», национальные секции Коминтерна.

Abstract. During the 1990s, historians began to show an increasing interest in the study of the Third International, and, in addition to the dominant traditionalist approach to the subject, the revisionist approach which had been developed in the previous decades finally gained a foothold in Western historiography. A significant number of studies on the Comintern were published during this period by British scholars, who were lived not only in the UK, and these publications widened the scope of the issues under study. Monographs and articles appeared on the Comintern and its foreign sections, as well as on related issues of the history of Communism and various left-wing forces, international relations of Soviet Russia, the Communist movement in individual countries. Interest in the topic of the Comintern in foreign historical scholarship was due to the need to resolve a number of controversial questions, little-studied or requiring reconsideration, mainly concerning the activities of foreign sections: the influence of the Comintern's policy on the tactical line of the Communist parties in different countries, their ability/inability to pursue an independent policy, "Stalinization" of the Comintern, its chronological framework. Most of the 1990s' studies, whose authors employed the traditionalist approach, are based on much earlier works, but thanks to the opening of some Russian archives and involvement of a significant number of archival materials, objectivity increased, even if the studies were conducted using opposing concepts. The historiographic tradition of the research on the Comintern, which existed until the early 1990s, underwent changes: the increase in the number of representatives of the revisionist approach entailed a change of emphasis and a revision of some established points of view. The authors who adhered to this concept began to rely on more recent literature (including Russian literature) and a broader source base, represented by documents from both foreign archives and the Russian State Archive of Social and Political History. According to the logic of the article, the opinions of "traditionalists" for each of the issues under consideration are presented first, and then the views of "revisionists".

Keywords: Communist Party of Great Britain, "traditionalists", "revisionists", "Stalinization" of Communist parties, "third period" concept, national sections of the Comintern.

* * *

Коминтерн — международная организация, объединявшая коммунистические партии различных стран, существовал в 1919–1943 гг. Британские историки с конца 1980-х — начала 1990-х гг. стали про-

являть все больший интерес к изучению ее деятельности, особенно периода с 1919 г. по конец 1930-х гг. В это время политика III Интернационала была наиболее масштабной, при этом она периодически пересматривалась, иногда полностью идя вразрез с предыдущей тактико-стратегической линией. Изначально проанализировав ситуацию с исследованиями, посвященными Коминтерну в англоязычной историографии с 2000 г. по настоящее время¹, автор данной статьи пришел к выводу, что в российской исторической науке также отсутствуют публикации, анализирующие изучение Коминтерна в 1990-х гг. британскими исследователями. Однако этот период был не менее важным, так как в результате «архивной революции», начавшейся в перестроечную эпоху и связанной, в том числе, с открытием доступа в архив Коминтерна и в свою очередь вызвавшей всплеск публикаций по истории коммунистического движения в Европе, оформилась тенденция по пересмотру некоторых тенденций, господствующих в западных научных трудах, посвященных Коммунистическому интернационалу.

На основе изученного материала можно выделить два концептуальных подхода в англоязычной историографии 1990-х гг.

Первый (традиционалистский)² был сформулирован еще в 1930-х гг. Он появился в условиях господства антисоветской политики и пропаганды, когда историкам, которые его придерживались, была свойственна демонизация руководителей Коминтерна. Последний рассматривали как централизованное советское учреждение³, акцентировалось внимание на тотальном контроле его деятельности Москвой, включая кадровые и финансовые решения. Ряд современных исследователей также придерживается этого направления в историографии.

Сторонники альтернативного (ревизионистского) подхода⁴, получившего развитие в 90-е гг. XX в., рассматривают Коминтерн как собрание национальных коммунистических партий⁵, которые обладали (в различные периоды в разной форме и степени) относи-

¹ Более подробно см.: *Суздальцев И.А.* Современная англоязычная историография Коммунистического интернационала // Новая и новейшая история. 2021. Вып. 4. С. 18–30.

² *Mcilroy J., Campbell A.* “Nina Ponomareva’s Hats”: The New Revisionism, the Communist International, and the Communist Party of Great Britain, 1920–30 // *Labour / Le Travail*. 2002. N 49. P. 147.

³ *Kocho-Williams A.* The Communist International through a British Lens // Conference: 123th Annual Meeting American Historical Association, 2009. — URL: https://www.researchgate.net/publication/267536670_The_Communist_International_through_a_British_Lens (дата обращения 23.01.2022)

⁴ *Mcilroy J., Campbell A.* Op. cit. P. 148.

⁵ *Kocho-Williams A.* Op. cit.

тельной самостоятельностью в принятии внутренних политических решений. Ведется дискуссия о том, насколько они могли влиять на принятие решений руководящими органами Коминтерн, в том числе на его тактику и стратегию.

Безусловно, принадлежность рассматриваемых в статье историков к тому или иному из указанных историографических направлений достаточно условна (сами они редко называли себя сторонниками определенной школы), однако их ключевые расхождения по основным вопросам, а также участие в дискуссиях и представленные оппонентам вполне устоявшиеся взгляды позволяют нам так или иначе определять научную направленность их работ.

В годы «холодной войны» в британской историографии появились основные работы в рамках традиционалистской концепции. Ее представители подчеркивали политическое подчинение западных коммунистических партий Советскому Союзу и политике Коммунистического интернационала, в котором доминировала «российская» коммунистическая партия⁶. Э. Хобсбаум назвал период реализации тактики «класс против класса» (1928–1934 гг.) самым мрачным в истории Коминтерна, когда сталинизм восторжествовал в Интернационале и нанес максимальный ущерб рабочему движению⁷. Лидеры национальных компартий, считает Б. Пирс, руководствовались не потребностями рабочих, а необходимостью предоставить Москве доказательства верности политической линии⁸.

1980-е гг. стали временем становления ревизионистского подхода в британской историографии Коминтерна, когда историю отношений коммунистических партий и Коминтерна перестали сводить к господству директив последнего. Вместо этого исследователи старались подчеркнуть автономию его «секций» (главным образом, Коммунистической партии Великобритании, КПВ), и отметить их положительный вклад в социальные процессы в своих странах. Ревизионистская литература изображала коммунистическое движение как такое, в котором местная инициатива чаще всего была преобладающей, а директивы из центра подлежали обсуждению и

⁶ *Pelling H.* The British Communist Party; A Historical Profile. London, 1958; *Macfarlane L.J.* The British Communist Party: Origins and Development Until 1929. London, 1966; *Kendall W.* The Revolutionary Movement in Britain, 1900–1921. London, 1969; *Martin R.* Communism and the British Trade Unions, 1924–1933: A Study of the National Minority Movement. Oxford, 1969.

⁷ *Hobsbawm E.J.* Revolutionaries; contemporary essays. New York, 1973. P. 4–5, 33, 50.

⁸ *Pearce B.* “Some Past Rank and File Movements” and “The Communist Party and the Labour Left, 1925–1929” // Woodhouse M., Pearce B. Essays on the History of Communism in Britain. London, 1975. P. 122–125.

не всегда выполнялись в той форме, в которой было предписано. «Ревизионисты», как правило, изучая конкретное направление политики на местном уровне (негритянский вопрос, политика в отношении безработных и т.д.), приходят к выводам, что тактика «класс против класса» была вполне уместна, и чаще всего оправдывают ее, в том числе спецификой политической ситуации в Европе и мире. Что касается тактики народного фронта, они чаще всего отмечали ее серьезный вклад в антифашистскую и антиколониальную борьбу, в борьбу за права рабочих и др. Тем не менее, факты не всегда были на стороне представителей этого подхода: с тактикой «класс против класса», которая была провозглашена на Девятом пленуме Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) в 1928 г. и подвела окончательную черту под тактикой единого фронта, провозгласив борьбу «и против правоконсервативных сил, и против социалистов»⁹, были согласны далеко не все лидеры и рядовые члены КПВ. В итоге с поста генерального секретаря КПВ в 1929 г. был смещен ее первый и на тот момент единственный руководитель А. Инкпин. Политикой народного фронта принято называть тактику Коминтерна, которая начала разрабатываться и осуществляться в 1934–1935 гг., когда в условиях необходимости создания широкого антифашистского фронта было принято решение о свертывании тактики «класс против класса» и о формировании союзов с различными политическими организациями и объединениями на антифашистской платформе. Отказ от этой тактики произошел в 1939 г., когда состоялась переориентация советского руководства с политики коллективной безопасности на сближение с Германией¹⁰. Однако масштабы реализации тактики народного фронта в Великобритании, по сравнению, например, с французской коалицией левых политических сил, одержавшей победу на парламентских выборах 1936 г., достаточно ограничены и сводятся в основном к неудачным попыткам воздействия на Лейбористскую партию, в которой в 1937 г. нелегально действовали 10% британских коммунистов¹¹.

Среди основных публикаций, относящихся к ревизионистскому направлению, можно назвать статью профессора Сассекского университета А. Хокинса, в которой автор указал в качестве при-

⁹ Коммунистический Интернационал в документах: Решения, тезисы и названия конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ (1919–1932). М., 1933. С. 756–757.

¹⁰ Жумажанов М.Е. Подготовка VII конгресса Коммунистического Интернационала: переход от единого фронта к народному фронту (1933–1935 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 22, 24.

¹¹ Campbell A., McLroy J. 'The Trojan Horse': Communist entriism in the British Labour party, 1933–43 // Labor History. 2018. Vol. 59 (5). P. 513.

чины прироста членства в Коммунистической партии Великобритании во время «третьего периода» (период реализации тактики «класс против класса». — И.С.) изоляцию КПВ от остальной части лейбористского движения, что позволило ей проводить независимую политику и, соответственно, пользоваться популярностью в народных массах¹². К. Морган настаивал на необходимости изучать не только линию партии, но и то, что коммунистические активисты сделали для общества, например, в промышленности. Деятельность КПВ, по его мнению, была выражением не только «российской» (т.е. советской) политики, но также и борьбы и чаяний тысяч британцев¹³.

Несмотря на появление «ревизионистов», традиционалистский подход на протяжении 1990-х гг. оставался доминирующим в британской историографии. В отличие от более поздних работ, в которых тактика и стратегия Коминтерна рассматривается подробнее, исследования, опубликованные в 1990-е гг., в основном, сосредоточены на выяснении отношений по вопросу о том, насколько зависели зарубежные секции от решений руководства III Интернационала.

Ф. Беккет, изучая деятельность КПВ, отмечает, что политика Коминтерна причинила значительный ущерб британским коммунистам и повлекла за собой много страданий в течение следующих семи десятилетий¹⁴. При этом, по мнению Беккета, ущерб, нанесенный британцам во время реализации тактики «класс против класса», незначителен по сравнению с ущербом, нанесенном Коммунистической партии Германии (КПГ), так как приверженность немцев этой тактике напрямую способствовала приходу Гитлера к власти¹⁵. О централизованной замене не устраивающих Коминтерн национальных кадров в КПВ пишут историки Б. Пирс, М. Вудхаус, также отмечая, что в партии большинство коммунистов голосовало против тактики «класс против класса», однако после перемещений, в том числе в руководстве, всё же победила позиция Коминтерна¹⁶.

Р. Дарлингтон, оставаясь на позиции историков-традиционалистов времен «холодной войны», ограниченных в доступе к архивам

¹² *Howkins A.* 'Class against Class': The Political Culture of the Communist Party of Great Britain, 1930–35 // *Gloversmith F.* Class, Culture and Social Change. Brighton, 1980. P. 254.

¹³ *Morgan K.* Against Fascism and War: Ruptures and Continuities in British Communist Politics, 1935–41. Manchester, 1989. P. 6–16.

¹⁴ *Beckett F.* Enemy Within. The Rise and Fall of the British Communist Party. London, 1995. P. 13.

¹⁵ *Ibid.* P. 45.

¹⁶ *Pearce B., Woodhouse M.* A History of Communism in Britain. London, 1995. P. 192–195.

и российским публикациям, в работе, посвященной британскому профсоюзному и коммунистическому деятелю Дж. Мерфи, отмечает, что в Коминтерне неизбежно доминировали русские, а иностранные коммунисты, в том числе британские, как правило брали на себя роль учеников, приучаясь к теоретическому пониманию марксизма, проповедуемого Лениным, Троцким, Зиновьевым, Бухариным и Радеком¹⁷. К. Лейборн и Д. Мерфи утверждают, что маргинальность КПВ была результатом политических событий, предшествовавших ее формированию и заложивших основу гегемонии РКП(б) в международном коммунистическом движении, а с 1930-х гг. препятствием на пути прогресса стал сталинизм с его сектантскими резолюциями времен «третьего периода»¹⁸.

Историки-ревизионисты, по сравнению 1980-ми гг., когда это направление еще переживало стадию становления, в 1990-е гг., во-первых, значительно расширили свое представительство в исторической науке, а во-вторых, стали гораздо более востребованы среди читающей аудитории. Возможно, это произошло из-за того, что, в отличие от своих предшественников, которым была свойственна определенная унификация, новые историки стали подчеркивать вариативность политики компартий даже в масштабах одной страны¹⁹. Однако пока их сфера интересов, так же как и научная область историков-традиционалистов, в основном, замыкалась на вопросе о том, каков был масштаб влияния политики Коминтерна на тактическую линию национальных коммунистических партий, в том числе британской.

Например, ряд «ревизионистов» находил в тактике «класс против класса» национальные корни: М. Сквайрс утверждал, что «третий период» был таким же продуктом устремлений британских коммунистов, как и Коминтерна²⁰. Позже этот тезис повторил М. Уорли, отметивший, что левый поворот коммунистической партии был основан на событиях, разворачивающихся в самой Британии²¹. М. Макьюэн, который застал время реализации этой

¹⁷ *Darlington R.* The Political Trajectory of J.T. Murphy. Liverpool, 1998. P. 136.

¹⁸ *Laybourn K., Murphy D.* Under the Red Flag: A History of Communism in Britain. Stroud, 1999. P. 74.

¹⁹ *Brown M.E.* The History of the History of U.S. Communism // New Studies in the Politics and Culture of U.S. Communism / M.E. Brown, R. Martin, F. Rosengarten & G. Snedeker, eds. New York, 1993. P. 18.

²⁰ *Squires M.* Saklatvala: A Political Biography. London: Lawrence and Wishart, 1990. P. 212–22; *Squires M.* CPGB membership during the Class Against Class years // *Socialist History*. 1993. N 3. P. 4–13.

²¹ *Worley M.* Class Against Class: The Communist Party of Great Britain in the Third Period, 1927–1932. PhD diss. Univ. of Nottingham, 1998. P. 74.

тактики, и вовсе считал, что Р.П. Датт, У. Раст (одни из лидеров британского коммунистического движения в 1930-е гг. — *И.С.*) и другие предлагали в 1930-е гг. перейти к более левой, чем хотела Москва, тактике; эту инициативу поддерживали множество коммунистов на местах²².

Н. Брэнсон, хотя и приходит к выводу, что реализация тактики «класс против класса» оторвала британских коммунистов от профсоюзов, положительно оценивает народный фронт, когда их взаимоотношения вновь стабилизировались²³. Профессор современной истории в Каледонском университете Глазго Вилли Томпсон признает, что верность Советскому Союзу составляла фундамент политических убеждений коммунистов, но при этом деятельность КПВ осуществлялась в соответствии с британскими политическими традициями. Народный фронт он так же, как и Брэнсон, считает вершиной достижений КПВ, в то время как «третий период» рассматривается им как определенный перерыв в активной деятельности, а не как торжество «русской» политической традиции над британскими императивами²⁴.

Профессор Вестминстерского университета Нина Фишман, одна из самых известных историков-ревизионистов, в своей фундаментальной монографии «Британская коммунистическая партия и профсоюзы», критикуя традиционалистскую концепцию, заявляет, что идеи об отсутствии у коммунистических партий автономии ошибочны как методологически, так и эмпирически. Более того, такие утверждения игнорировали неудобные доказательства, в них содержалась сомнительная интерпретация, либо они были недостаточно доказанными, либо зачастую вовсе бездоказательными²⁵. Даже если какие-то коммунистические партии контролировались Коминтерном, два лидера КПВ, Г. Поллитт и Дж. Р. Кэмпбелл, считает Фишман, способствовали тому, что партия была самостоятельной в принятии политических решений²⁶. В другой работе Фишман отмечает, что «традиционалистам» в рассмотрении вопроса о профсоюзах свойственно «роботизированное единообразие», что нет никаких доказательств того, что профсоюзные коммунистические

²² *MacEwen M.* The Greening of a Red. London, 1991. P. 63.

²³ *Branson N., Moore B.* Labour-Communist Relations, 1920–1951. Part 1: 1920–1935 // *Our History*. 1990. N 82. P. 54.

²⁴ *Thompson W.* The Good Old Cause: British Communism, 1920–91. London, 1992. P. 43, 46, 50.

²⁵ *Fishman N.* The British Communist Party and the Trade Unions, 1933–45. Aldershot, 1995. P. 36–43, 255, 348–349.

²⁶ *Ibid.* P. 36–43, 255.

деятели вели себя как дисциплинированные, централизованно руководимые кадры²⁷.

К. Морган, во многом соглашаясь с Н. Фишман, отмечает, что дисциплина, всегда поддерживаемая там, где этого требовали приоритеты Коминтерна, могла сосуществовать с высшей степенью автономии в тех областях, где часто позволялось преобладать местным инициативам. Это во многом было свойственно целому ряду коммунистически настроенных профсоюзных активистов в Великобритании, которые не могли полностью зависеть от линии Москвы, реализовывая свои собственные профсоюзные интересы²⁸.

Профессор Лидского университета Э. Торп, назвавший вклад Моргана и Фишман в историческую науку впечатляющим²⁹, соглашается с вышеуказанными историками в том, что влияние Коминтерна на деятельность КПВ было преувеличено большинством исследователей³⁰, партия была в значительной степени хозяином своей собственной судьбы³¹. На каждом этапе изменения тактики Коминтерна, считает Торп, в КПВ было достаточное количество несогласных, и большинство из них сохранялось в партии даже после изменения линии. Например, 20% делегатов на мартовской конференции КПВ в 1922 г. проголосовали против тактики единого фронта; в 1928 г. в партии существовали серьезные разногласия по поводу того, как проводить линию «третьего периода»³². Концепция единого рабочего фронта изначально подразумевала сотрудничество с социал-демократическими партиями, но была пересмотрена после неудачной для Коминтерна конференции Трех интернационалов (2–6 апреля 1922 г.), в дальнейшем поставив своей целью борьбу за единство трудящихся разных идейно-политических взглядов, главным образом «снизу», при допущении союзничества с некоммунистическими рабочими организациями. В отношении тактики единого фронта следует заметить, что КПВ все же не была в числе партий, которые

²⁷ *Fishman N.* Modernization, moderation and Labour tradition // *The Blair Agenda* / M. Perryman, ed. London, 1996. P. 39–62.

²⁸ *Morgan K.* Harry Pollitt, the British Communist Party and International Communism // *Communism, National and International* / T. Saarela and K. Rentola, eds. Helsinki, 1998. P. 185–186, 188.

²⁹ *Thorpe A.* *The British Communist Party and Moscow, 1920–43.* Manchester, 2000. P. 3.

³⁰ *Thorpe A.* Comintern 'control' of the Communist Party of Great Britain, 1920–43 // *English Historical Review.* 1998. Vol. 103. No. 452. P. 637–662.

³¹ *Thorpe A.* The Communist International and the Communist Party of Great Britain // *International Communism and the Communist International. 1919–1943* / T. Rees and A. Thorpe, eds P. 81.

³² *Ibid.* P. 74–75, 83.

выразили решительный отказ от ее осуществления, так как в национальных секциях, высказавшихся в отношении новой тактики отрицательно (например, во Французской коммунистической партии), в конце 1922 — начале 1923 гг. было частично либо полностью обновлено руководство³³.

Торп утверждает, что орудия принуждения были не эффективны сами по себе, они не были достаточно мощными, чтобы заставлять КПВ в течение продолжительных периодов времени делать то, что она сама не желала сделать³⁴. Торп настаивает на популярности идей коммунизма в 1930-е гг., приводя в качестве примера цитаты социалистки Б. Вебб, которая еще в марте 1931 г. писала о «фанатичной жестокости русских коммунистов», однако вскоре высказала мнение, что экономическое планирование — это путь вперед; а также драматурга Дж.Б. Шоу, который называл СССР «землей надежды» по сравнению с «западными странами отчаяния»³⁵. Помимо этого, Торп пишет, что в 1939 г. социалисты, выступавшие против войны, массово вступали в КПВ³⁶. Также Э. Торп вместе со своим соотечественником М. Уорли приходит к любопытному выводу о том, что процесс централизации и бюрократизации в 30-е гг. XX в. проходил и в Лейбористской партии, и в профсоюзах, таким образом, можно расценивать эти процессы как особые британские черты³⁷, соответственно, ни советское влияние, ни влияние Коминтерна не следует считать однозначно доминирующим³⁸.

Преподаватель Университета Центрального Ланкашира Дж. Мэнли, рассматривая деятельность канадских коммунистов, считает, что периодически, когда Коминтерн не вмешивался в ее политику, деятельность Коммунистической партии Канады (КПК) была достаточно плодотворной, например, с 1922 по 1928 г. коммунисты внесли несоразмерный их численности вклад в организацию национальной и международной забастовочной солидарности: они были в центре впечатляющего единого фронта в поддержку шахтеров Эдмонтона. Когда в 1926 г. забастовали меховщики Виннипега,

³³ Суздальцев И.А. Большевики и политика Коминтерна в 1919–1924 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Мытищи, 2019. С. 120–122.

³⁴ Thorpe A. The Communist International and the Communist Party of Great Britain. P. 85–86.

³⁵ Thorpe A. Stalinism and British Politics // History. 1998. N 83 (272). P. 619.

³⁶ Ibid. P. 616.

³⁷ Thorpe A. The Communist International and the Communist Party of Great Britain. P. 72–73; Worley M. Reflections on recent British Communist Party history // Historical Materialism. 1999. N 4. P. 245–246.

³⁸ Worley M. Op. cit. P. 245–246.

партия быстро ответила на их просьбы о поиске опытного организатора³⁹. Однако, как считает Мэнли, ошибочная тактика Коминтерна, вызванная в том числе непониманием канадской действительности, ограничила свободу действий КПК⁴⁰.

В ревизионистском лагере в рассматриваемый период не было опубликовано каких-либо значимых работ по данному вопросу.

В отношении КПП историки, представляющие разные подходы, практически единодушно признавали ошибки Коминтерна. Преподаватель Университета Стратклайда (Глазго) К. Фишер в своей работе, посвященной деятельности КПП, высказывает мнение, что уже в 1920 г. Коминтерн существенно изменился: из относительно самостоятельной организации он превратился в орган, в котором все более стали доминировать лидеры Советской России и который стал отражать советские политические интересы, в частности, после требования о принятии «21 условия»⁴¹. Также Фишер указывает на конкретные ошибки Коминтерна в Германии, соглашаясь со своим соотечественником Б. Фуксом, опубликовавшим ранее подобную работу: события марта 1920 г. (Капповский путч. — *И.С.*), а также исключение одного из лидеров КПП П. Леви, инициированное Коминтерном⁴², способствовали снижению числа членов КПП с 400 тыс. до 180 тыс. человек⁴³. Следует сказать, что «21 условие приема в Коммунистический Интернационал», принятое на II конгрессе Коминтерна (1920 г.), поставило прочный барьер для вступления в организацию правых и центристских партий, действительно укрепив в нем положение лидеров РКП(б). Леви же предлагал всем изъявившим желание вступить в III Интернационал партиям предоставить такую возможность, что шло вразрез с тогдашней тактической линией этой международной организации⁴⁴.

Ряду английских историков-ревизионистов, которые в той или иной мере изучали политику Коммунистической партии Германии, свойственна негативная оценка тактики «класс против класса»: по их мнению, упадок КПП был самым трагичным западноевропейским

³⁹ *Manley J.* Does the International Labour Movement Need Salvaging? Communism, Labourism, and the Canadian Trade Unions, 1921–1928 // *Labour / Le Travail*. Spring 1998. N 41. P. 173–174.

⁴⁰ *Ibid.* P. 148–149.

⁴¹ *Fischer C.* The German Communists and the Rise of Nazism. London, 1991. P. 14.

⁴² *Fowkes B.* Communism in Germany under the Weimar Republic. London, 1984. P. 68–73.

⁴³ *Fischer C.* *Op. cit.* P. 16.

⁴⁴ *Суздальцев И.А.* Большевики и политика Коминтерна в 1919–1924 гг. С. 68–69.

последствием катастрофической ультралевой политики «третьего периода», что во многом вызвано ошибочной тактикой Коминтерна⁴⁵. Исходя из этого, можно отметить, что ревизионистская историография занимается не только поиском аргументов о независимости партий на национальном уровне и попытками найти положительные итоги в той или иной тактике Коминтерна для оппонирования историкам-традиционалистам, им также свойственен и значительный критический подход, и признание «неудобных» фактов.

Определенная полемика была свойственна исследователям в отношении политики Коммунистической партии Китая. Профессор Кардиффского университета Гр. Бентон пришел к выводу, что с середины 1920-х гг. китайские коммунисты стали напрямую зависеть от Коминтерна, что было достигнуто, в том числе за счет смещения независимого поколения китайских кадров, стоявших у истоков формирования партии⁴⁶. М. Люк считает, что лидеры Китайской коммунистической партии, изучению которой посвящена его монография, при национальном партстроительстве приветствовали большевистскую модель и были достаточно независимы от Коминтерна⁴⁷. Профессор истории Кембриджского университета Х. ван де Вен, развивая эту тему, пишет, что, хотя большевистская партия служила образцом для подражания, политика китайских коммунистов определялась в самом Китае⁴⁸.

Несмотря на то что, как было указано выше, британские историки, посвятившие напрямую или опосредованно свои работы изучению деятельности Коминтерна, главным образом сосредоточились на изучении стратегий ряда национальных компартий, в некоторых публикациях все же проводился анализ «внутренней политики» Коминтерна, в том числе его сталинизация, а также изменения тактики. Термин «сталинизация» историки, стоявшие на ревизионистских позициях, старались не использовать, так как чаще всего он был негативно окрашен и подразумевал усиление централизации и бюрократизации Коминтерна; зато «традиционалисты» достаточно часто

⁴⁵ *Squires M.* Op. cit. P. 4–13; *Thorpe A.* Stalinism and British Politics. P. 608–627; *Thorpe A.* The Communist International and the British Communist Party. P. 67–86; *Worley M.* Class Against Class: The Communist Party of Great Britain in the Third Period. P. 45–81; *Worley M.* Reflections on Recent British Communist Party History. P. 241–61.

⁴⁶ *Benton G.* China's Urban Revolutionaries: Explorations in the History of Chinese Trotskyism, 1921–1952. Atlantic Highlands (N. J.), 1996. P. 2–16.

⁴⁷ *Luk M.Y.* The Origins of Chinese Bolshevism. An Ideology in the Making 1920–1928. Oxford, 1990. P. 218–220.

⁴⁸ *Van den Ven H.J.* From Friend to Comrade: The Founding of the Chinese Communist Party, 1920–1927. Berkeley, 1991. P. 126–127.

прибегали к нему в своих исследованиях. Например, К. Фишер и Дж. Мэнли придерживаются мнения, что «сталинизация» началась в 1928 г., когда Коминтерн отказался от дальнейшего сотрудничества с реформистами⁴⁹, а коммунисты стали «бюрократическими подхалимами Сталина»⁵⁰. На профсоюзном фронте новая линия после 1928 г. могла быть принята по образцу относительно сдержанной британской модели, отмечает Мэнли, однако обе североамериканские коммунистические партии вступили на путь сектантства, продиктованного Коминтерном⁵¹. Его соотечественник К. Макдермотт связывает возникновение сталинизма с началом 1930-х гг., тем не менее, пишет историк, он не мог полностью исключить все пространство для национальной инициативы и автономной деятельности снизу⁵². Почетный профессор экономики университета Глазго А. Новы также же, как и его соотечественник Дж. Барбер (чья статья была издана в 1976 г.) считает окончательным оформлением «сталинизации» 1938 год, когда была закрыта Международная ленинская школа, так как Сталин больше не нуждался в ней для закрепления своей власти в филиалах Коминтерна⁵³.

К. Фишер, рассуждая о тактике Коминтерна, пишет, что в 1921 г. после перехода к НЭПу, поддержка Лениным революционного авантюризма за рубежом закончилась. Советская Россия желала конструктивных торговых отношений с Западом, поэтому коммунистические партии должны были сосредоточиться на повседневных делах, обеспечивавших их привлекательность для рабочего класса⁵⁴. Действительно, линия советского правительства была поддержана Коминтерном на его III конгрессе, также состоявшемся в 1921 г., на котором оформилась гораздо более умеренная тактика, подразумевающая более обстоятельную подготовку к свержению национальных правительств. Это подчеркивал в том числе В.И. Ленин, в своем выступлении на конгрессе отмечавший, что «тот, кто в сложившейся к середине 1921 г. обстановке требует во что бы то ни стало, сейчас же, немедленно “наступать” на бур-

⁴⁹ Fischer C. Op. cit. P. 102.

⁵⁰ Manley J. Canadian Communists, Revolutionary Unionism, and the “Third Period”: The Workers’ Unity League, 1929–1935 // Journal of the Canadian Historical Association / Revue de la Société historique du Canada. 1994. Vol. 5. N 1. P. 178.

⁵¹ Ibid. P. 167–194.

⁵² McDermott K., Agnew J. The Comintern: A History of International Communism from Lenin to Stalin. Basington, 1996. P. 118–119.

⁵³ Barber J. Stalin’s letter to the editors of Proletarskaya Revolyutsiya // Soviet Studies. 1976. Vol. 28. N 1. P. 21–41; Nove A. The Stalin Phenomenon. London, 1993. P. 95–119.

⁵⁴ Fischer C. Op. cit. P. 17.

жуазию, тот толкает рабочий класс на авантюру и может погубить коммунистическую партию»⁵⁵.

Директор Института истории рабства при Ноттингемском университете Д. Гири считает, что из-за унифицированной тактики Коминтерна некоторые искусные мастера традиционных промыслов, например, резчики в Руре, инженеры в Париже, Берлине, Турине, а также неквалифицированные слои населения, особенно текстильщики в старых промышленных регионах, оставались в значительной степени невосприимчивы к идеям коммунизма⁵⁶.

Пожалуй, наибольший вклад в изучение тактики Коминтерна в 1990-е гг. среди британских историков внес К. Макдермотт, автор монографии (совместно с Дж. Агню⁵⁷, позже переведенной на русский язык⁵⁸) и ряда статей⁵⁹. Он так же, как и К. Фишер высказывает мнение, что с 1921 г. приверженность Коминтерна идее мировой революции уже не соответствует национальным интересам Советского государства; фиаско «немецкого октября» (1923 г.), усиление внутрипартийной борьбы в Советской России и первые настоящие проблемы капиталистической стабилизации на Западе ввергли Коминтерн в кризис⁶⁰. Теорию социал-фашизма, обоснованную в Коминтерне, Макдермотт называет бусинкой на сталинских четках⁶¹, при этом, по его мнению, какие бы аргументы ни приводились в пользу восходящей динамики советского террора, обоснованию ее применения к уничтожению аппарата Коминтерна недостает правдоподобия⁶². Стоит заметить, что подобную точку зрения Макдермотт высказывал еще в 1988 г., изучая чехословацкое рабочее движение, а также

⁵⁵ Цит. по: *Сыздальцев И.А.* Большевики и политика Коминтерна в 1919–1924 гг. С. 93.

⁵⁶ *Geary D.* European Labour Politics. From 1900 to the Depression. Atlantic Highlands (NJ), 1991. P. 59–64.

⁵⁷ *McDermott K., Agnew J.* Op. cit.

⁵⁸ *Макдермотт К., Агню Дж.* Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М., 2000.

⁵⁹ *McDermott K.* Stalin and the Comintern during the Third Period // *European History Quarterly*. 1995. Vol. 25. N 3. P. 409–429; *Idem.* Recent literature on the Comintern: problems of interpretation // *Narinsky M., Rojahn J.* Centre and Periphery. The History of the Comintern in the Light of New Documents. Groupe d'histoire et de sociologie du Communisme (ULB). Amsterdam, 1996. P. 28–31; *Idem.* The history of the Comintern in the light of new documents // *International Communism and the Communist International 1919–1943*. P. 31–40; *Idem.* Comintern, Stalinism and Totalitarianism // *Politics and Society under the Bolsheviks* / Ed. by K. McDermott and J. Morison. New York, 1999. P. 285–294.

⁶⁰ *McDermott K., Agnew J.* The Comintern. P. 39, 41.

⁶¹ *McDermott K.* Stalin and the Comintern during the Third Period. P. 409–429.

⁶² *McDermott K.* Recent literature on the Comintern... P. 28–29.

отмечал, что Сталину не удалось навязать коммунистическим партиям централизацию, монолитность и единообразие» вплоть до 1929 г.⁶³

Макдермотт солидарен с мнением большинства «традиционалистов» относительно влияния тактики «класс против класса» на национальные компартии, называя его итоги катастрофическими, а в некоторых случаях самоубийственными⁶⁴. Для Макдермотта и Агню является очевидным тот факт, что стратегии «третьего периода» были изобретены в Москве, сталинская дисциплина требовала, считают они, чтобы на местах строго выполнялась линия Коминтерна, а пространство для дебатов и дискуссий было строго ограничено⁶⁵. При этом Макдермотт также считает, что это доминирование во многом было оправдано значительным финансированием Москвы зарубежных секций Коминтерна⁶⁶. В более поздней работе он высказывает мнение, что международное коммунистическое движение было настолько обширным, разнообразным и развивавшимся в русле столь различных политических культур, что любые разговоры о монолитном единообразии не могут в полной мере соответствовать действительности⁶⁷. Макдермотт выделяет три уровня контроля: контроль Политбюро над Коминтерном; контроль Исполкома Коминтерна над национальным партийным руководством; контроль партийного руководства над рядовыми членами, и приходит к выводу, что практически невозможно было добиться полного контроля на всех этих уровнях сразу⁶⁸, а также, что теоретическое наследие коммунистического движения намного богаче, чем можно было бы предположить при «сталинской смиренной рубашке»⁶⁹.

С идеей почетного профессора Чикагского университета (США) Ш. Фицпатрик, стоявшей у основ формирования ревизионизма, о том, что политика «класс против класса» возникла автономно, а И.В. Сталин решил поддержать ее только тогда, когда ее поддержали лидеры европейских коммунистических партий⁷⁰, согласились бри-

⁶³ *McDermott K.* The Czech Red Unions, 1918–1929: A Study of Their Relations with the Communist Party and the Moscow Internationals. New York, 1988. P. xi.

⁶⁴ *McDermott K.* Stalin and the Comintern during the Third Period. P. 409–429.

⁶⁵ *McDermott K., Agnew J.* The Comintern. P. 94, 118, 119.

⁶⁶ *McDermott K.* The history of the Comintern in the light of new documents. P. 33.

⁶⁷ *McDermott K.* Comintern, Stalinism and Totalitarianism. P. 286.

⁶⁸ *Ibid.* P. 287.

⁶⁹ *McDermott K., Agnew J.* The Comintern. P. 216.

⁷⁰ *Fitzpatrick S.* The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. Ithaca, 1992. P. 113–114.

танские историки К. Морган, Дж. Каллахан и Э. Торп. Они также считали, что Сталин не нес полной ответственности за изменение линии Коминтерна, а столь же значительной фигурой для III Интернационала на определенном этапе был, например, Н.И. Бухарин. Кроме того, по их мнению, многие британские коммунисты, в том числе Г. Поллитт, Р.П. Датт и У. Раст также поддерживали новую линию, как и существенная часть рядовых членов партии⁷¹. Торп отмечал, что сталинизм оказал одну полезную услугу некоторым историкам: он стал козлом отпущения за ошибки группы людей и идеологии, которая в любом случае, вероятно, потерпела бы неудачу⁷².

Н. Фишман, исследуя тактику Коминтерна в 1935–1939 гг., отмечает, что истоки тактики народного фронта следует искать в «тройном взаимодействии» — национальных факторов, внутренней динамики в руководстве Коминтерна и меняющихся требований советской дипломатии⁷³.

Таким образом, британская историография Коминтерна 1990-х гг. представлена большим количеством исследований, что говорит о возросшем внимании к изучению данной тематики. Историки отмечают как положительное, так и отрицательное воздействие Коминтерна на коммунистические партии, на политическую обстановку в стране или регионе. Британской историографии 1990-х гг. чаще всего свойственен именно анализ национальных компартий, на организационную структуру стратегию и тактику Коминтерна в их работах в этот период (в отличие от более поздней историографии) делался незначительный акцент. В 1990-е гг. в британской историографии Коминтерна по сравнению с предыдущими десятилетиями произошли значительные изменения: помимо увеличения числа публикаций по теме, сформировавшийся за несколько десятилетий ревизионистский подход повлек за собой смену акцентов и пересмотр некоторых существующих тенденций, хотя исследования, написанные в рамках традиционалистского подхода, остались господствующими. При этом следует отметить, что историки, рассматривающие Коминтерн как централизованное советское уч-

⁷¹ *Morgan K.* Harry Pollitt. Manchester, 1993. P. 61–62; *Callaghan J. Rajani Palme Dutt: A Study in British Stalinism.* London, 1993. P. 106–107, 110–119; *Thorpe A.* Stalinism and British Politics. P. 613.

⁷² *Thorpe A.* Stalinism and British Politics. P. 627.

⁷³ *Fishman N.* No Home but the Trade Union Movement: Communist Activists and “Reformists” Leaders 1926–56 // *Opening the Books: Essays on the Social and Cultural History of the British Communist Party* / G. Andrews, N. Fishman and K. Morgan, eds. London, 1995. P. 102–123.

реждение, чаще всего изучают эту международную организацию в контексте какой-либо более глобальной темы, опираясь в основном на работы, написанные в разгар «холодной войны». Это во многом сказывается на их научном подходе, который обуславливает определенный схематизм в их взглядах на политику III Интернационала. Публикации, посвященные непосредственно Коминтерну, его политике в отношении компартий, чаще всего написаны с использованием ревизионистского подхода, и им свойственна, как правило, опора на более широкую источниковую базу и использование современной литературы.

Проанализированные в статье работы внесли существенный вклад в изучение коммунистического движения: историками, которые смогли посетить Россию в этот период, были проанализированы важные документы, находящиеся в архиве Коминтерна: личные дела иностранных коммунистов, протоколы заседаний Западноевропейского и других зарубежных бюро ИККИ, документы в фондах секций Коминтерна (в том числе тех, которые упоминаются в статье). В итоге ряд выводов, присущих историкам предыдущих десятилетий, которые сейчас кажутся достаточно очевидными (о том, что коммунистические партии находились под плотным контролем Москвы, а в 1928–1934 гг. проводили левосектантскую тактику «класс против класса»), основанных чаще всего на личных политических воззрениях, а также идеологической концепции западных государств времен «холодной войны», источниками для которых чаще всего служили интервью участников событий, а также официально опубликованные воззвания, брошюры и т.д., были частично подтверждены архивными документами. Однако даже после рассекречивания ряда фондов архива Коминтерна эти утверждения не стали прописными истинами: в 1999 г. К. Макдермотт (которого можно отнести скорее к «традиционалистам») и Дж. Морисон задавались вопросами о механизме распределения власти в Коминтерне и о том, верна ли все еще позиция, согласно которой Сталин через своих «заместителей» Г. Димитрова и Д.З. Мануильского определял политику Коминтерна⁷⁴. Получили новое развитие исследования, посвященные биографиям коммунистических деятелей (например, Дж. Мерфи и П. Леви); на новый уровень вышла полемика между «традиционалистами» и «ревизионистами», причем последние,

⁷⁴ *McDermott K., Morison J. Politics and Society under the Bolsheviks // Politics and Society under the Bolsheviks. Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies, Warsaw, 1995 / Ed. by K. McDermott and J. Morison. Basingstoke, 1999. P. 11.*

серьезно изучив документы партийных отделений коммунистических партий в различных регионах, на которые ранее не обращалось должного внимания, выдвигали достаточно значительные аргументы в пользу того, что эти региональные ячейки могли проводить достаточно независимую политику, в том числе и в 1928–1934 гг. Хотя, конечно, иногда их высказывания выглядят спорно, например, о том, что Г. Поллитт, Р. П. Датт и У. Раст, лидеры КПВ в 1920-е — 1930-е гг., были практически инициаторами проведения тактики «класс против класса» в Великобритании. В целом же дискуссия по вопросам, связанным с коммунистическим движением должна способствовать повышению уровня объективности работ, а также расширению охвата изучаемых проблем. Дебаты о коммунизме, предсказывает ряд англоязычных историков, останутся предметом острой полемики на долгие годы вперед⁷⁵.

Список литературы

Жумажанов М.Е. Подготовка VII конгресса Коммунистического Интернационала: переход от единого фронта к народному фронту (1933–1935 гг.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М.: ГУГН, 2004. 28 с.

Суздальцев И.А. Большевики и политика Коминтерна в 1919–1924 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Мытищи: МГОУ, 2019. 206 с.

Суздальцев И.А. Современная англоязычная историография Коммунистического интернационала // Новая и новейшая история. 2021. № 4. С. 18–30.

Barber J. Stalin's letter to the editors of Proletarskaya Revolyutsiya // Soviet Studies. 1976. Vol. 28. N 1. P. 21–41.

Beckett F. Enemy Within. The Rise and Fall of the British Communist Party. London: Murray, 1995. 246 p.

Benton G. China's Urban Revolutionaries: Explorations in the History of Chinese Trotskyism, 1921–1952. Atlantic Highlands (N. J.): Humanities Press, 1996. 269 p.

Branson N., Moore B. Labour-Communist Relations, 1920–1951. Part 1: 1920–1935 // Our History. 1990. N 82. P. 54–72.

Brown M.E. The History of the History of U.S. Communism // New Studies in the Politics and Culture of U.S. Communism / M.E. Brown, R. Martin, F. Rosengarten & G. Snedeker, eds. New York: Monthly Review, 1993. P. 15–44.

Callaghan J. Rajani Palme Dutt: A Study in British Stalinism. London: Lawrence and Wishart, 1993. 304 p.

⁷⁵ *Haynes J.E.* The Cold War Debate Continues. A Traditionalist View of Historical Writing on Domestic Communism and Anti-Communism // Journal of Cold War Studies. 2000. Vol. 2. N 1. P. 77; *McIlroy J.* Rethinking the historiography of United States communism: a comment // American Communist History // Vol. 2. N 2. P. 195; *Palmer B.D.* Rethinking the historiography of United States communism // American Communist History. 2003. Vol. 2. N 2. P. 160.

- Campbell A., McIlroy J.* 'The Trojan Horse': Communist entrism in the British Labour party, 1933–43 // *Labor History*. 2018. Vol. 59(5). P. 513–554.
- Darlington R.* *The Political Trajectory of J.T. Murphy*. Liverpool: Liverpool University Press, 1998. 316 p.
- Fischer C.* *The German Communists and the Rise of Nazism*. London: Macmillan, 1991. 285 p.
- Fishman N.* *Modernisation, moderation and Labour tradition // The Blair Agenda / M. Perryman, ed.* London: Lawrence & Wishart, 1996. P. 39–62.
- Fishman N.* *No Home but the Trade Union Movement: Communist Activists and "Reformists" Leaders 1926–56 // Opening the Books: Essays on the Social and Cultural History of the British Communist Party / G. Andrews, N. Fishman and K. Morgan, eds.* London: Pluto Press, 1995. P. 102–123.
- Fishman N.* *The British Communist Party and the Trade Unions, 1933–45*. Aldershot: Scolar Press, 1995. 380 p.
- Fitzpatrick S.* *The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. Ithaca: Cornell university press, 1992. 264 p.
- Fowkes B.* *Communism in Germany under the Weimar Republic*. London: Palgrave Macmillan, 1984. 246 p.
- Geary D.* *European Labour Politics. From 1900 to the Depression*. Atlantic Highlands (NJ): Humanities Press International, 1991. P. 59–64.
- Haynes J.E.* *The Cold War Debate Continues. A Traditionalist View of Historical Writing on Domestic Communism and Anti-Communism // Journal of Cold War Studies*. 2000. Vol. 2. N1. P. 76–115.
- Hobsbawm E.J.* *Revolutionaries; contemporary essays*. New York: Pantheon Books, 1973. 278 p.
- Howkins A.* 'Class against Class': The Political Culture of the Communist Party of Great Britain, 1930–35 // *Gloversmith F. Class, Culture and Social Change*. Brighton: Harvester Press, 1980. P. 240–258.
- Kocho-Williams A.* *The Communist International through a British Lens // Conference: 123th Annual Meeting American Historical Association, 2009*. — URL: https://www.researchgate.net/publication/267536670_The_Communist_International_through_a_British_Lens
- Laybourn K., Murphy D.* *Under the Red Flag: A History of Communism in Britain*. Stroud: Sutton, 1999. 233 p.
- Luk M.Y.* *The Origins of Chinese Bolshevism- An Ideology in the Making 1920–1928*. Oxford: Oxford University Press, 1990. 366 p.
- MacEwen M.* *The Greening of a Red*. London: Pluto Press, 1991. 306 p.
- Manley J.* *Canadian Communists, Revolutionary Unionism, and the "Third Period": The Workers' Unity League, 1929–1935 // Journal of the Canadian Historical Association / Revue de la Société historique du Canada*. 1994. Vol. 5. N 1. P. 167–194.
- Manley J.* *Does the International Labour Movement Need Salvaging? Communism, Labourism, and the Canadian Trade Unions, 1921–1928 // Labour / Le Travail*. Spring 1998. N 41. P. 147–180.
- McDermott K.* *Comintern, Stalinism and Totalitarianism // Politics and Society under the Bolsheviks. Selected Papers from the Fifth World Congress of*

Central and East European Studies, Warsaw, 1995 / Ed. by K. McDermott and J. Morison. Basingstoke: Macmillan Press Ltd., 1999. P. 285–294.

McDermott K. Recent literature on the Comintern: problems of interpretation // Narinsky M., Rojahn J. Centre and Periphery, The History of the Comintern in the Light of New Documents. Groupe d'histoire et de sociologie du Communisme (ULB). Amsterdam: International Institute of Social History, 1996. P. 28–31.

McDermott K. Stalin and the Comintern during the Third Period // European History Quarterly. 1995. Vol. 25. N 3. P. 409–429.

McDermott K. The Czech Red Unions, 1918–1929: A Study of Their Relations with the Communist Party and the Moscow Internationals. New York: Columbia University Press, 1988. 350 p.

McDermott K. The history of the Comintern in the light of new documents // International Communism and the Communist International 1919–1943 / T. Rees and A. Thorpe, eds. Manchester: Manchester University Press, 1998. P. 31–40.

McDermott K., Agnew J. The Comintern: A History of International Communism from Lenin to Stalin. Basingstoke: Macmillan, 1996. 304 p.

McDermott K., Morison J. Politics and Society under the Bolsheviks // Politics and Society under the Bolsheviks. Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies, Warsaw, 1995 / Ed. by K. McDermott and J. Morison. Basingstoke: Macmillan Press Ltd., 1999. P. 1–12.

Mcilroy J., Campbell A. “Nina Ponomareva’s Hats”: The New Revisionism, the Communist International, and the Communist Party of Great Britain, 1920–30 // Labour / Le Travail. 2002. N 49. P. 147–187.

Mcilroy J. Rethinking the historiography of United States communism: a comment // American Communist History // Vol. 2. N 2. P. 195–202.

Morgan K. Against Fascism and War: Ruptures and Continuities in British Communist Politics, 1935–41. Manchester: Manchester University Press, 1989. 328 p.

Morgan K. Harry Pollitt, the British Communist Party and International Communism // Communism, National and International / T. Saarela and K. Rentola, eds. Helsinki: SHS, 1998. P. 183–206.

Morgan K. Harry Pollitt. Manchester: Manchester University Press, 1993. 210 p.

Nove A. The Stalin Phenomenon. London: Weidenfeld and Nicolson, 1993. 216 p.

Palmer B.D. Rethinking the historiography of United States communism // American Communist History. 2003. Vol. 2. N 2. P. 139–173.

Pearce B. Some Past Rank and File Movements; The Communist Party and the Labour Left, 1925–1929 // Woodhouse M., Pearce B. Essays on the History of Communism in Britain. London: New Park Publications, 1975. P. 105–137.

Pearce B., Woodhouse M. A History of Communism in Britain. London: Bookmarks, 1995. 257 p.

Rodney W. Soldiers of the International: A History of the Communist Party of Canada, 1919–1929. Toronto: University of Toronto Press, 1968. 204 p.

- Squires M.* CPGB membership during the Class Against Class years // *Socialist History*. 1993. N 3. P. 4–13.
- Squires M.* Saklatvala: A Political Biography. London: Lawrence and Wishart, 1990. 227 p.
- Thompson W.* The Good Old Cause: British Communism, 1920–91. London: Pluto Press, 1992. 258 p.
- Thorpe A.* Comintern 'control' of the Communist Party of Great Britain, 1920–43 // *English Historical Review*. 1998. Vol. 103. N 452. P. 637–662.
- Thorpe A.* Stalinism and British Politics // *History*. 1998. N 83 (272). P. 608–627.
- Thorpe A.* The British Communist Party and Moscow, 1920–43. Manchester: Manchester University Press, 2000. 308 p.
- Thorpe A.* The Communist International and the Communist Party of Great Britain // *International Communism and the Communist International, 1919–1943* / T. Rees and A. Thorpe, eds. Manchester: Manchester University Press, 1998. P. 67–86.
- Van den Ven H.J.* From Friend to Comrade: The Founding of the Chinese Communist Party, 1920–1927. Berkeley: University of California Press, 1991. 374 p.
- Worley M.* Class Against Class: The Communist Party of Great Britain in the Third Period, 1927–1932. Unpublished PhD diss., University of Nottingham, 1998. 328 p.
- Worley M.* Reflections on recent British Communist Party history // *Historical Materialism*. 1999. N 4. P. 241–261.

Поступила в редакцию
14 ноября 2021 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2022-6-168-192

Т.В. Юденкова

**ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАРТИНЫ И.Н. КРАМСКОГО
«ХРИСТОС В ПУСТЫНЕ»**

T.V. Yudenkova

**INTERPRETATIONS OF I.N. KRAMSKOY'S
"CHRIST IN THE DESERT"**

Аннотация. Долгое время при изучении характера русской живописи второй половины XIX в. она искусственно отрывалась от православной христианской основы, религиозность же представлялась своего рода метафорой со знаком «минус», а не как научная проблема, требующая пристального анализа. Христианское мироощущение в век скептицизма, дарвинизма и позитивизма, несмотря на усиливавшуюся секуляризацию, не было вытеснено из сознания человека второй половины позапрошлого столетия, а перешло на новый качественный уровень. Свидетельством тому является не только творчество многих русских писателей, но и наследие художников-передвижников Перова, Ге, Крамского, Репина, Сурикова, Ярошенко и других мастеров второй половины XIX в., увлеченных разработкой новых смыслов и новых форм пластического выражения. Сегодня уже очевидно, что в целом ряде живописных произведений той поры христианство выступает в качестве цементирующего фундамента, или основы жизнеустройства, Христос предстает реальной исторической личностью, давшей организацию духовной жизни на земле. Названные проблемы вычитываются из живописных произведений выдающихся мастеров этого времени, из переписки и критических рецензий. Для художественной культуры второй половины XIX столетия они имеют первостепенное, стержневое значение. Глубокая неоднозначность картины И.Н. Крамского «Христос в пустыни» (1872) позволяет и допускает весьма противоречивое толкование. Его очень схематично можно выразить в двух словах — от Христа или ко Христу. Интерпретации картины, данные самим автором полотна, на протяжении многих десятилетий привлекали искусствоведов. Размышления художника о христианстве и его попытки переосмысления традиционных положений,

Юденкова Татьяна Витальевна, доктор искусствоведения, заведующий отделом живописи второй половины XIX — начала XX века Третьяковской галереи, главный научный сотрудник НИИ Российской Академии художеств

Yudenkova Tatyana Vitalievna, Doctor in Art History and Criticism, Head, Department of Painting of the Second Half of the Nineteenth and Early Twentieth Centuries, The State Tretyakov Gallery; Leading Research Fellow, Research Institute, Russian Academy of Arts

+7-985-998-26-27; udenkovatv@mail.ru

рождение нового взгляда, колебания и сомнения, чередование исторического и религиозно-мистического — всё это содержится в его богатейшей переписке. Умозаключения, сделанные писателями, художниками, коллекционерами, наконец, критиками отражают важные духовные процессы, которые происходили в умах и сердцах современников художника. А исследования историков искусства помогают проникнуть глубже в развитие художественного самосознания эпохи.

Ключевые слова: христианское мироощущение художника, искусство второй половины XIX в., Товарищество передвижников, образ Христа в русской живописи, Ф.М. Достоевский, И.А. Гончаров

Abstract. The study of the nature of Russian painting in the second half of the 19th century has long artificially detached it from its Orthodox Christian foundation, and religiosity has been presented as a kind of negative metaphor rather than as a scientific problem requiring careful analysis. Despite increasing secularization, in the age of skepticism, Darwinism, and positivism the Christian worldview was not forced out of human consciousness in the second half of the 19th century, but was elevated to a new qualitative level. This is evidenced not only by many Russian writers, but also by such painters as Perov, Ge, Kramskoi, Repin, Surikov, Yaroshenko, and other masters, who were fascinated by the development of new ideas and new forms of expression. Today it is clear that in a number of paintings of that time Christianity serves as the cementing foundation, or the basis of life order. Christ appears as a real, historical figure who gave the organization of spiritual life on Earth. These issues arise in the works of outstanding masters of this time, correspondence and reviews. They are of paramount importance to the artistic culture of the second half of the nineteenth century. The deeply ambiguous nature of Kramskoi's "Christ in the Desert" (1872) allows for a highly controversial interpretation, which can be very schematically expressed as from Christ or to Christ. The painter's own interpretation has attracted art critics for decades. His thoughts on Christianity and attempts to reconsider traditional approaches, the birth of a new view, hesitation and doubt, alternation of the historical and religious-mystical are contained in his vast correspondence. The opinions of writers, artists, collectors and critics testify to important spiritual processes that were taking place in the minds and hearts of Kramskoi's contemporaries. Studies by art historians help to penetrate deeper into the development of the artistic consciousness of the era.

Keywords: Christian outlook of the artist, the art of the second half of the nineteenth century, Itinerant Association, the image of Christ in Russian painting, F.M. Dostoevsky, I.A. Goncharov.

* * *

Долгое время изучение религиозного характера русской живописи второй половины XIX в., весьма формально называемой передвижнической, искусственно отрывалось от православной христианской основы. А религиозность отечественного искусства истолковывалась как некая метафора, но отнюдь не как научная проблема, требующая пристального анализа.

Христианское мироощущение в век скептицизма, дарвинизма, позитивизма, а также таких крайних проявлений как нигилизм и атеизм, несмотря на все более усиливающуюся секуляризацию, не вытесняется из сознания человека второй половины позапрошлого века. В последнее время привычным стал анализ русской литературы XIX в. сквозь призму философски-религиозных настроений, когда же специалисты обращаются к искусству живописи этого времени, то фокус резко меняется, несмотря на то что философско-религиозная сторона многих полотен очевидна и вполне укладывается в духовные поиски эпохи. Ярким примером является творчество Ф.М. Достоевского, всесторонне и системно изученное в последние десятилетия. В этом смысле изобразительному искусству повезло меньше. Вместе с тем, следует признать, что во второй половине XIX в. «современники Достоевского», прежде всего художники, в каком-то смысле его последователи, поклонники его творчества, также переходят на новый качественный уровень восприятия реальности. Они заняты поиском новых смыслов и новых форм пластической выразительности. Творчество не только ведущих мастеров второй половины XIX в. (по совместительству и передвижников) Василия Перова, Николая Ге, Ивана Крамского, Ильи Репина, Василия Сурикова, Николая Ярошенко, но и художников «меньшего» масштаба, например, жанристов-шестидесятников сегодня уже невозможно охарактеризовать как далекое от христианских идеалов. В целом ряде живописных произведений этого времени христианство выступает в качестве цементирующего фундамента, базовой ценности, как основа жизнеустройства, Христос — как реальная историческая личность, давшая организацию духовной жизни на земле. Всё это очевидно имело первостепенное, стержневое значение для художественной культуры той поры. Большинство художников этого времени, ориентируясь в своем искусстве на современность, откликаясь на острые насущные вопросы, тревожащие общественность, на глубинном уровне религиозного сознания придерживались традиционных воззрений своих предков, так или иначе выказывая в своих произведениях несогласие с распространенной трактовкой христианства как «отошедшего навсегда детства человечества» (И.Н. Крамской).

Проблема своеобразия русского художественного менталитета давно привлекала исследователей¹, но только в 2018 г. в музеях

¹ Вагнер Г.К. В поисках истины. Религиозно-философские искания русских художников, середина XIX — начало XX века. М., 1993; Стернин Г.Ю. Между «идеями» и «почвой». К вопросу о русском художественном самосознании 1870–1880-х годов // Вопросы искусствознания. 1993. № 4. С. 108–122; Стернин Г.Ю. Христианское и

Ватикана прошла выставка «Русский путь: от Дионисия до Малевича», в которой шедевры иконописи и живописные произведения второй половины XIX — первой трети XX в. были показаны как единое целое, навеки спаянное отечественной духовной традицией. Акцент был сделан на внутренних, глубинных связях древнерусского искусства, русского реализма XIX в., живописных экспериментов искусства рубежа XIX — XX вв. В пространстве выставки органично соединились «Явление Христа народу» (1836 — не ранее 1855, ГРМ, малый вариант одноименной картины, находящейся в ГТГ) А.А. Иванова с иконами «Крещение» и «Преображение» (ГТГ), «Неутешное горе» И.Н. Крамского вступало в диалог с иконой «Не рыдай Мене, Мати» (ГТГ), а его же «Христос в пустыне» находился рядом с «Христом в темнице», деревянной скульптурой XVIII в. из Пермской художественной галереи, вертикальный формат и колорит «Всюду жизнь» Н.А. Ярошенко в каком-то смысле вторил иконе «Богоматери Киккской» Симона Ушакова (ГТГ), «Страшный Суд» XVI в. (ГТГ) обрел свое место рядом с «Черным квадратом» К.С. Малевича. Экспозицию венчала картина «Несение креста» М.В. Нестерова и икона XVI в. «О Тебе радуется», воплощающая дух русской соборности, духовного единения всего народа в церкви и мирской жизни. Выставка имела каталог на трех языках, каждое произведение сопровождалось расширенной аннотацией². Эту выставку можно назвать первым шагом на пути к переосмыслению пластических смыслов русского искусства второй половины XIX — первой трети XX в., реализованное в выставочном проекте Третьяковской галереи.

Предлагаемая статья посвящена более конкретному вопросу — интерпретации картины И.Н. Крамского «Христос в пустыне» (1872, ГТГ), во многом отражающей те важные духовные процессы, кото-

языческое в творчестве Репина // Вопросы искусствознания. 1995. № 1–2. С. 353–368; *Поспелов Г.Г.* Русское искусство XIX века: вопросы понимания времени. Очерки. М., 1997; *Сарабьянов Д.В.* Русская живопись. Пробуждение памяти. М., 1998; *Попов С.В.* Религиозное творчество позднего Ге как практика богоискательства // Искусствознание. 2002. № 1. С. 386–414; *Москалюк М.В.* Православное мирозерцание и творчество живописцев второй половины XIX века // Русская живопись второй половины XIX века: идеал и реальность. Красноярск, 2008. С. 58–179; Николай Ге: Вектор судьбы и творчества. Материалы международной научной конференции. Архивные публикации. М., 2014; *Юденкова Т.В.* Взгляд на бытовой жанр 1860-х в свете христианских идеалов // Память как объект и инструмент искусствознания // I Международный конгресс историков искусства имени Д.В. Сарабьянова. 16–17 октября 2014. ГИИ. М., 2016. С. 216–228; *Юденкова Т.В.* «Сгущенная реальность» или «бессловесная глубь» русского искусства 1860–1890-х: от позитивизма к метафизике // Русский путь: от Дионисия до Малевича. Шедевры из собрания Третьяковской галереи и музеев России: каталог выставки в Музеях Ватикана 20 ноября 2018 — 16 февраля 2019 / Науч. ред. Н.Н. Шередега, Т.В. Юденкова. М., 2018. С. 29–57.

² Русский путь: от Дионисия до Малевича. Шедевры из собрания Третьяковской галереи и музеев России: каталог выставки в Музеях Ватикана ...

рые происходили в умах и сердцах современников художника. Сумел ли Крамской найти пластическую форму выражения христианского идеала, адекватную уровню зрительского восприятия современников? Сумел ли отразить одну из важных парадигм своего века и была ли его трактовка принята и понята? Что являл собой Христос в представлении человека XIX столетия? Как воспринимали его картину последующие исследователи? Все эти вопросы обозначены в предлагаемой статье.

Если картину Крамского «Христос в пустыне» рассматривать в оппозиции «церковное — светское», то она несомненно создавалась как произведение светской культуры, посвященное размышлениям над Священным Писанием и образом Христа. Полотно не стало и не могло стать предметом церковного культа и не предназначалось для украшения храма. Находясь еще в петербургской мастерской художника, картина была приобретена московским коллекционером Павлом Третьяковым за очень крупную по тому времени сумму — 6 тысяч рублей. С момента своего «выхода в свет» полотно экспонировалось на 2-й и 3-й передвижных выставках в 1872–1874 гг., побывав не только в столицах, Петербурге и Москве, но и в Риге, Вильно, Орле, Харькове, Одессе, Кишиневе, Киеве и других городах. Вернувшись из путешествия с выставок Товарищества передвижников, с 1874 г. оно было доступно для обозрения в залах картинной галереи П.М. и С.М. Третьяковых в Лаврушинском переулке, будущей Третьяковской галереи. В 1878 г. произведение Крамского было отобрано для участия в русском отделе всемирной выставки в Париже, представлявшей достижения русского искусства за последние 25 лет.

Сегодня картина Крамского «Христос в пустыне» по праву является одним из узловых произведений русского искусства второй половины XIX в. и главным произведением в зале И.Н. Крамского в постоянной экспозиции Третьяковской галереи.

И.Н. Крамской: истолкование образа Христа

Главное произведение жизни Крамского — «Христос в пустыне» — стало одной из попыток честного авторского высказывания. Художник никогда слепо не следовал чужим идеям, а всякий раз старался пропускать их через свой внутренний «фильтр», превращая извне пришедшее в свое, личное, глубоко осмысленное убеждение, прошедшее через «горнило всеразъедающего анализа» и выдержавшее испытание его острого ума. Крамской полагал, что именно его современникам выпала счастливая участь честно и «прямо взглянуть» на Христа потому, что историческая наука доказала, что «Христос: это уже не миф, это лицо, о котором существует чрезвычайно

обстоятельный рассказ, и в этом рассказе чрезвычайно простым, наивном и возвышенном, он выступает так рельефно, говорит и действует так естественно, что нет никакой физической возможности не поверить в его существование и не признать его за личность реальную»³.

По рождению Крамской был человеком православного вероисповедания и воспитывался в традициях бытовой религиозности. Его мать — человек верующий, свято чтивший культово-обрядовую сторону жизни православной культуры. Крамской миновал во многом тот крайний максимализм, который пережили некоторые его более страстные современники. Так, юный Вл. Соловьев, выкинул домашнюю икону из окна своей комнаты. Лев Толстой в середине 1860-х гг. описал пережитое им сложное духовное состояние, которое помогает лучше понять общее состояние умов и атмосферу эпохи: «Я теперь уже знаю, что у меня есть душа, и бессмертная (по крайней мере часто я думал знать это), и знаю, что есть Бог... Я Вам признаюсь, что прежде, уже давно, я не верил и в это. Последнее время чаще и чаще во всем вижу доказательство и подтверждение этого. И рад этому. Я не христианин и очень еще далек от этого; но опыт научил меня не верить в непогрешимость своих суждений, и все может быть»⁴.

В период «религиозного кризиса» 1860-х гг. Крамской более тяготел к большинству, погрузившись всецело в философско-религиозные метания века. Однако, можно сказать, что в конце 1860-х для Крамского наступает время обретения внутренней крепости. Религия в его понимании из простого богопочитания превращается в форму самосознания и самоопределения человека в мире. Он настолько созрел, что готов привнести свое, личное, «самобытное» представление в сокровищницу идей своего века.

Анализ писем Крамского помогает выявить саму идею Христа, вокруг которой так мучительно долго размышлял художник. Диапазон авторских характеристик весьма противоречив: от атеиста до человека «действительного и легендарного», сына Божия. Между тем проблему упрощать не следует: полной или однозначной приверженности той или иной системе взглядов Крамской в своих письмах не выказал. Его письма условно можно разделить по корреспондентам на две категории — в соответствии с тем, что сам Крамской делил всех людей на художников и зрителей.

³ Крамской И.Н. Письма, статьи: в 2 т. [подгот. к печ. и примеч. С.Н. Гольдштейн]. Т. 1. М., 1965. С. 81.

⁴ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений / Под общей ред. В.Г. Черткова. Т. 61. М., 1936. С. 115.

К первой, «исповедальной», категории следует отнести письма к пейзажисту Ф.А. Васильеву, который в период работы над картиной стал его первым доверенным лицом. Ему вверялось самое сокровенное и тайное. Эти письма, по-видимому, наиболее полно отразили художественное понимание образа Христа. К ним также примыкают письма И.Е. Репину, относящиеся к периоду кристаллизации замысла второй большой картины Крамского «Хохот», определенной самим автором как продолжение «Христа в пустыне». Они носят скорее полемический характер и представляют его позицию в знаменательном споре о Христе XIX столетия.

Ко второй категории относятся письма к зрителям, малознакомым художнику людям. В них сделана попытка интерпретации картины для широкой публики. Они писались, когда Крамской уже вышел «из творческой бездны», когда картина была выставлена и имела успех, когда художник находился в центре общественного внимания. В них нет и тени сомнения, высоких мудрствований и сознательных недоговоренностей, напротив — прослеживается некоторое уплощение мысли, а может быть ее определенность. Письма к Васильеву и Репину — скорее, добровольное самоизлияние, сердечный порыв души. В письмах Чиркину и Гаршину читается изложение хорошо продуманной и не раз, по-видимому, уже проговоренной концепции, которая вполне укладывалась в определенный круг представлений эпохи. Более того, есть ощущение, что именно такой концепции и ожидало от автора общественное мнение.

Крамской полагал, что «христианство, с момента своего появления до настоящего времени, никогда не было не только усвоено человечеством органически, но даже и понято правильно не было»⁵. Он считал, что настало время переосмысления роли и значения Христа в истории человечества. Художник прямо не выступал против церковного положения о том, что Христос есть Бог. Между тем в самом тоне письма выражено несогласие с общепринятой точкой зрения: «Говорят, Христос — есть идеал, — больше Бог. Отчего же все, что он сказал, — тут же возражал сам себе Крамской, — все, что он сделал, возможно и понятно?»⁶. То, что доступно простому человеческому сознанию, мышлению и чувству, по мысли художника, не соотнобразится с высоким, но абстрактным понятием Бога. «Итальянский Христос прекрасен и даже, так сказать, божественен, но потому то он мне и чужой ... Что мне за дело до такого Бога, которого я никогда не могу узнать, полюбить, который есть совсем особое существо и которому

⁵ Крамской И.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 217.

⁶ Там же.

я, стало быть, не могу следовать и подражать, в силу непоколебимых законов природы...»⁷, — восклицает Крамской.

Крамской «ни на минуту» не сомневался в исторической достоверности Евангелия, в действительном существовании Христа. Для него Христос — реальная историческая личность, «действительный человек», но и вместе с тем «мировой человек», «легендарный», «человек любви всеобъемлющей», сын Божий. Порой он его называет «чудаком, знающим, где спасение». Ни разу Крамской не говорит о Христе как о Боге, ни как о Богочеловеке.

«Христос был человек, и только потому, что он был действительный человек, он и доказал, что он может быть истинным сыном Божиим»⁸, — полагал Крамской. «...у него и было земного что форма... Но разве же форма не есть доказательство присутствия *августейшей* мысли?»⁹, — декларирует художник в письме к Васильеву одно из важнейших своих положений в понимании идеи Христа. Человеческая и божественная ипостаси входят в Христа Крамского. Но как они соотносятся? Это вопрос вопросов в концепции художника, на который в письмах ответа нет и который неизменно встает перед картиной «Христос в пустыне».

В письмах звучат определенные колебания: «страшно за такой сюжет приниматься»¹⁰. Он не уверен в себе, в силе своего мастерства, но также он сомневался и в верности собственных размышлений о Евангелии и Христе. Вместе с тем, в них звучит твердая убежденность в том, что поставленная «дерзкая» задача переосмысления традиционного воззрения оправдана и необходима в «нынешнее время». Подражание классическим образцам, в особенности Рафаэлю или Тициану, для Крамского оказывается невозможным, для него это — повторение когда-то и кем-то уже обретенной истины. Единственный выход в новое время — пластически выразить современное «самобытное» воззрение. Работа над образом Христа для Крамского стала непреодолимой потребностью высказаться и завершить наконец свой труд: «... я должен был написать его, чтобы отделаться от него, — пишет Крамской, имея в виду преследовавшие его в течении пяти лет видения, — ...бывало до ужаса дойдешь и видишь фигуру»¹¹.

В письмах Крамского историческое и религиозно-мистическое чередуются, не соприкасаются, существуют отдельно, умозритель-

⁷ Там же. С. 219.

⁸ Там же. С. 131.

⁹ Там же. С. 132.

¹⁰ Там же. С. 113.

¹¹ Там же. С. 132.

но, а в художественном пространстве картины эти два начала сосуществуют. И в этом нет непримиримого противоречия.

Ослабление православной церкви, отмеченное с началом петровской реформы 1721 г., повлекло за собой многие изменения в религиозной жизни страны на протяжении XVIII–XIX вв. Церковь оказалась на содержании государственной казны, от нее постепенно стали отдаляться образованные слои русского общества, духовенство превратилось в особую категорию чиновничества. Вместе с тем со второй трети XIX в. в общественном сознании начали происходить и обратные, если можно так определить, компенсаторные процессы, в которых «обнищание» духовной жизни до некоторой степени возмещалось неугасимой верой в историческую предопределенность событий, в действительность происходившего и описанного в Священном Писании, которое неустанно подкреплялось развитием исторической и археологической наук в ту пору, верой, что «когда наука объяснит нам всё, как, что и почему, тогда, быть может, будет еще удивительнее; и самые обыкновенные вещи теперь станут тогда самыми чудесными», т.е. верой, что мир преисполнен чуда, и всё чудесное станет когда-нибудь научно-обоснованным. «В эпоху знания и убеждения», по мысли Крамского, «гораздо чудеснее и уж не менее удивительно обыкновенное, так называемое естественное рождение, чем неестественное»¹².

В своих письмах Крамской усиливает философско-нравственную проблематику христианства в соответствии с духом позитивистски настроенного XIX в. Именно такой поворот в трактовке картины намечен в его письмах. Христианство предстает как учение, как многовековая нравственная сила. Величие и сила Христа в том, что он указал возможный путь, ведущий к перерождению человека, стоящего у края гибели. «В это время нравственного разложения, отчаяния за будущую тьму, он, проживший до 30-ти лет, ел, пил и спал, как все; он один почувствовал, где выход, он один знал, какую надо дать форму содержанию, но прежде чем сказать людям правду громко в глаза, нужно ничем от них не зависеть, надо обдумать, надо уйти от всех, остаться одному ... дело в том, что перед ним с высоты однажды раскрылась панорама ... пойти направо, пойти налево?»¹³.

Величие Христа в том, что он сумел поместить «центр божества в самое средоточие человеческого духа», написал Крамской в одном из писем, назвав Христа «самым высоким и возвышенным

¹² Там же. С. 118.

¹³ Там же.

атеистом», «доказавшим возможность человеческого счастья через усилия каждой личности над собою и победившим самого сильного врага — собственное “Я” ...»¹⁴. Эти высказывания художника позволили многим исследователям констатировать атеизм самого Крамского, а некоторым назвать его высказывание «великой претензией». В свою очередь, Репин, для которого «атеизм есть отрицание Бога полное», более терпим к «крамольным» мыслям Крамского, считая, что «атеизм недостоин Христа, т.к. это для него мелко»¹⁵. Так что же имел в виду Крамской под пресловутым атеизмом? «Атеизм, как я понимаю (...это только мое личное измышление) есть последняя, высшая ступень развития религиозного чувства»¹⁶. Далее, следуя за мыслью художника, можно утверждать, что, победив собственное “Я”, свое человеческое эго, Христос Крамского становится Богом. Умалая человеческое, Он сливается с абсолютным бытием, заявляя: “Я есмь Бог”. «Для Христа нет сомнения, что Он Бог», — настаивал Крамской. «...ведь атеист — безбожник, так ведь? ... Ну а Христос всюду говорил: я сын Божий, я одно с Отцом, он чувствовал и говорил, что он Бог, значит для него не было Бога, кроме него самого»¹⁷. Далее он уточнил: «под атеизмом я разумею действительно нечто иное, чем может быть должно и вообще разумеют ... различия между моими и Вашими мыслями немного...». И, завершая спор с Репиным, добавил: «В моем атеизме, так сказать, нет и тени отрицания любви»¹⁸. Таким образом, как бы Крамской ни был встроен в современный образ мысли, в условиях всё побеждающего и всё отрицающего XIX столетия для него оказалось невозможным отказаться от таких глубинных, бытийных и очень личностных представлений человека, как вера и любовь в самом высоком смысле этих понятий, в его интерпретации имеющих несомненно религиозно-мистическое значение.

В смысловой структуре картины Крамского «Христос в пустыне» огромная роль принадлежит пространству пустыни. Ее не назовешь нейтральным пейзажным фоном, дикой скалистой природой. Активное художественное пространство, целенаправленно лишенное пластического многословия, строится на приглушенной серо-серебристо-лиловой гамме, создающей впечатление вибрирующей, мерцающей формы в лучах розовеющего неба. Оно кажется ирреаль-

¹⁴ Там же. С. 219.

¹⁵ Переписка И.Н. Крамского: переписка с художниками / Общая ред., примеч. С.Н. Гольдштейн. М., 1954. С. 289.

¹⁶ Крамской И.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 231.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 235.

ным, немного надуманным, словно вылепленным из глины или сконструированным из папье-маше, хотя отдельные детали трактованы вполне натуралистично. Реалистическая трактовка природы, эмпирическое понимание пустыни как внеположенной человеку данности, внутренне свойственное XIX в. вообще, перевело бы картину в несколько иной смысловой план, снизив моменты напряжения и противостояния чуждому и хаотичному миру, которые наполняют картину.

Многие смыслы, несомые образом пустыни, кажутся принадлежащими ей испокон веков, с момента сотворения. Пустыня — пристанище зла и мглы, кишаших тварей, извечный образ «всеобщей тьмы и хаоса». Однако пустыня является и местом зарождения света, новой жизни, местом встречи земной и внеземной жизни. В то же время пустыня обозначает психо-эмоциональное состояние внутреннего одиночества и неприютности, подобное состоянию уединения отшельника в «своей пустыни». Вообще, для христианского сознания пустыня является конкретным знаком — символом события в сфере духа. В духовных стихах обретение чудодейственной силы становится возможно только после пребывания в затворе, в пустыни. В картине Крамского пустыня представляет собой мрачное каменистое плато, хаотичное нагромождение серых валунов, где всё иссечено ветрами, источено песком, оттого она и представляется суровым и непреодолимым пространством. Пустыня — как это ни парадоксально — производит впечатление ледящей субстанции, в которой нет и не может быть никакой жизни. В своей оголенности без конца и без края, в серо-лиловой дымке она уподобляется некоей вулканической материи, далекой от своего земного прообраза, напоминает нечто первозданное, космическое.

Пустыня диктует способы поведения. Ее безжизненность и необъятность сковывают все живое, пригибают по закону притяжения к земле, заставляют опуститься все ниже и ниже. Она противопоставит не менее огромному небу по принципу «верха — низа». Линия горизонта проходит ровно посередине холста, тем самым небо и земля имеют равные доли. Бесконечной шири пустыни противопоставит могучая вертикаль сидящей фигуры Христа, как центр противопоставит периферии.

Окаменелость фигуры Христоса сродни самой каменистой пустыни. Она застыла посреди мертвенного окружения под гнетом собственных дум, в состоянии чрезвычайного напряжения.

Мелкие складки одежд свободно и спокойно облекают человеческое тело, проявляя его плоть. Гиматий и хитон имеют традиционную каноническую для русской и европейской традиции изображения

образа Христа пурпурно-красно-синюю цветовую гамму, но не контрастную, а приглушенную, будто бесстрастную. Пирамидальная композиция выявляет часть фигуры темным силуэтом на фоне начинающего светлеть после ночи неба, приходится пристально всматриваться в лицо, венчающее композицию, и руки, являющиеся геометрическим центром картины.

Напряжение обнаруживается прежде всего в лице и в судорожно сжатых руках. Они почти не выбиваются из несколько притупленного тона всей картины. Световые отблески, идущие откуда-то справа, легко ложатся на них, рождая ощущение жизни в человеческой фигуре.

В лице, особенно во взгляде, полном напряженной мысли, доведенной до страдания, читается некая отрешенность, отсутствие ощущения реальности здешнего мира. Согбенное положение фигуры, поникшая голова являют осязаемый символ сложного расположения духа. По представлениям древней византийской традиции, с которой Крамской был, несомненно, знаком, образ человека, преисполненного духовного содержания, включенного в божественную жизнь, неподвижен. Подобное состояние глубокого раздумья, доведенное до полной отстраненности от всего происходящего, созвучно молитвенному состоянию, которое может парализовать человека.

В Христе Крамского есть молитвенное напряжение, о котором будет писать сам художник: «Молитвенное состояние — это одна из самых таинственных лабораторий в человеке. Когда горы несправедливостей, эгоизма, тупости и зверства людского опрокидываются на благороднейшие побуждения наши, человеческий дух как бы стихает, не противоречит, и только ищет место, где бы спокойно можно было заплакать, чтобы никто не видал этого, и два-три часа такого состояния достаточно для того, чтобы все, что еще химически не соединилось, приняло ту новую, до страшной упругости силу, которая способна заставить затрепетать окружающее. До этого момента постороннее, внешнее беспокоит, ранит меня, я еще под влиянием внешних впечатлений, они на меня действуют, после — я творец и активный деятель. И если молитвенное состояние было действительно, причины к нему были уважительны, тогда мое влияние на действительность будет несокрушимо, а последствия необъятны и качественно, и количественно»¹⁹. Эти слова Крамского свидетельствуют несомненно об определенной автобиографичности, которая вычитывается из писем, о его непрестом личном духовном опыте, который он пытался перенести в картину.

¹⁹ Крамской И.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 231

Обладая невероятной гипнотической энергией, заключая в себе драматизм человеческого величия и воли, Христос Крамского показан в бездействии, его сила будто свернута в пространстве и времени. Но вместе с тем, она обещает быть раскрытой, предполагая разворот, и в этом значение образа — в возможности разворота, в надежде на второе духовное рождение... Похожее, почти родственное впечатление притягательной силы, внутреннего глубокого движения и явления волевого напряжения дает портрет Ф.М. Достоевского работы В.Г. Перова (1872, ГТГ). Неслучайно эти два шедевра русского искусства XIX в. в научных трудах исследователей и на выставках, в документальных фильмах и лекциях по истории русского искусства и конечно в популярной литературе, а главное — в нашем сознании очень часто сближаются не только как выдающиеся памятники эпохи, но и как идейно-близкие произведения.

Этот признанный факт свидетельствует об устойчивой традиции восприятия и интерпретации образа Христа и о его несомненной соотнесенности с образом современника (но не в смысле «призыва к выполнению гражданского долга»²⁰, как отмечалось историками искусства в середине — второй трети XX в.). Значение Достоевского не только для целостного миропонимания XIX в. (об этом не раз писали исследователи), но и для понимания жизненного кредо самого Крамского принципиально. Автор «Христа в пустыне» признал, что Достоевский «играл роль огромную в жизни каждого (я думаю), для кого жизнь есть глубокая трагедия, а не праздник», и не принимал позицию обывателей, для которых «дело Христа своим чередом, а практика жизни своим»²¹. Если Крамскому тициановский образ Христа казался чужим, аристократом по внешности, тонким политиком и несколько сухим сердцем, но при этом умным, проницательным, хитрым человеком, то в своей картине он сделал попытку, как писал он сам, создать образ «своего Христа», близкого и понятного, которому можно «следовать и подражать», не чуждого «нашему времени»²².

Современники и историки искусства XX века о картине Крамского

Исходя из критических рецензий, посвященных «Христу в пустыне» Крамского, публику очень условно можно разделить на тех, кто выступал против «светской» живописной манеры, кто требовал

²⁰ Гольдштейн С.Н. Иван Николаевич Крамской. Жизнь и творчество. М., 1965. С. 101.

²¹ Крамской И.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 60.

²² Там же. Т. 1. С. 219.

привычного церковно-канонического изображения Христа, и тех, кто принимал авторскую интерпретацию художника.

Первые хотели видеть не человеческое, но божественное, нечто особенное, сверхъестественное в его облике. Они выражали недоумение по поводу слишком реалистичного изображения «Христа, идеала красоты совершенной», в виде «неизящной фигуры», лишенной выражения «тихой безграничной любви», «величавой божественной силы»²³. Другими словами, картину Крамского осуждали за «атеистическое» посягательство на чувства верующих людей и за несоответствие православному канону (напомним, что под канонем в то время понимали свод представлений, который сформировался в Новое время — XVIII–XIX столетиях). Были люди, которые отрицали вообще возможность изображения Христа как существа высшего и идеального, так как понимали, что никогда он не будет соответствовать их представлению, вынесенному из детства или сложившемуся в течении всей жизни. «Но было ли божественное в земном облике Христа, и кто видел это?» — возражал им писатель И.А. Гончаров, единомышленник Крамского, и сам же и отвечал: «Не было, иначе бы мир знал о том»²⁴. По мнению Гончарова, художественную критику в основном волновал один вопрос: верует или не верует в Богочеловека живописец²⁵, другими словами, насколько Крамской подпал под современное пагубное влияние антирелигиозных идей.

Вторая группа зрителей соглашалась с возможной авторской интерпретацией образа, с индивидуальным видением художника, сделавшим попытку проникнуть во внутренний смысл событий Священного Писания. Эта группа современников Крамского малочисленна в сравнении с первой.

Эти позиции нашли отражение, в частности, в дискуссии, которая развернулась в киевской периодической печати во время 2-й передвижной выставки²⁶. Главными оппонентами стали профессора

²³ Урусов Г.Г. Полный обзор третьей художественной выставки Товарищества передвижных художественных выставок в России. М., 1875. С. 9–10.

²⁴ Гончаров И.А. «Христос в пустыне». Картина г. Крамского // И.А. Гончаров — критик. М., 1981. С. 107. Статья была написана после посещения Гончаровым 3-й передвижной выставки в 1874 г. Нельзя исключить также, что в этот период художник и писатель много общались, в 1874 г. Крамской исполнил портрет писателя (ГТГ). Многие их мысли чрезвычайно близки не только по смыслу, но и по построению предложений. Впервые статья Гончарова опубликована в журнале «Начала» (1921. № 1).

²⁵ Там же. С. 103.

²⁶ 2-я передвижная выставка прошла с 11 ноября 1873 по 6 января 1874 г. в Киеве (Товарищество передвижных художественных выставок. 1869–1899. Письма, документы / Предисл. и общая ред. С.Н. Гольдштейн. М., 1987. С. 544).

А. Сикорский²⁷ и А. Шкляревский²⁸, олицетворявшие соответственно первую и вторую категорию зрителей.

Первый, проанализировав подробно строение лица Христа у Крамского с точки зрения физиогномики, утверждал, что в картине «Спаситель в пустыне» предстает не Богочеловек, а Боевоеврей, что художник согрешил, изобразив неправильность черт семитского типа. По его мнению, образ в картине страдает «преувеличенным носом», «чрезмерной скуластостью», «обиженным, брезгливым» ртом, он оставляет впечатление капризного и в конце концов голодного человека. Физиолог Сикорский предположил, что на полотне Крамского скорее показан «Магомет в пустыне» или равнодушный и жестокий «Изгнанник», способный к насилию. И, наконец, он увидел в картине «самого будничного смертного, который неизвестно когда и надолго ли уселся на камень и раздумывает ... как ему жить в пустыне одному»²⁹.

Напротив, его оппонент профессор Киевского университета Шкляревский³⁰ уверен, что нет и не будет художника, способного «наглядно изобразить форму и сущность Христа от Микеланджело и Леонардо да Винчи до наших современников»³¹, поскольку выработанный за многие столетия известный идеал Христа, вмещающий «благодать, любовь, красоту», не может и не должен соответствовать конкретному художественному изображению. Вместе с тем, он высоко ценит всех, кому «удается бросить электрический свет хоть на один уголок этой таинственной личности, кто попытается приблизиться к тайне Христа»³². Размышляя о живописном представлении образа Христа, Шкляревский неожиданно ставит вопрос иного свой-

²⁷ Биография А.И. Сикорского (1842–1919) во многом типична для представителей разночинной интеллигенции, формировавшейся в 1860-е гг. Он окончил Киевскую духовную семинарию, затем учился на факультете естественных наук в Киевском университете, перевелся на медицинский факультет, с 1873 г. работало в клинике душевных болезней при Военной медико-хирургической Академии. В 1890-е основал журнал «Вопросы нервно-психической медицины и психологии».

²⁸ Шкляревский А.С. (1839–1906) окончил медицинский факультет Московского университета, стажировался за границей, с 1870 г. профессор Киевского университета по кафедре медицинской физики. Как художник-любитель писал критические статьи в газете «Киевлянин».

²⁹ Цит. по статье: Шкляревский А.С. Великое и возвышенное в художественных произведениях. «Спаситель в пустыне», картина И.Н. Крамского. Киев. 1901. С. 5–9.

³⁰ 11 декабря 1873 г. в газете «Киевлянин» была напечатана статья А.С. Шкляревского, посвященная «Христу в пустыне». Статья была издана в виде отдельной брошюры (Киев, 1873). Цит. по более позднему изданию: Шкляревский А.С. Великое и возвышенное в художественных произведениях... (1901).

³¹ Там же. С. 10.

³² Там же.

ства, важный для понимания возможностей живописи, или, выражаясь более понятно, — его интересует потенциал живописи реализма. Способна ли современная живопись вообще, обычно передающая «одно мгновение действия или бытия», передать длительность процесса психологической борьбы человека, разнородность его мыслей, чувств, настроений, драматически переживаемые в душе? Он отдает дань художнику, выбравшему и сумевшему изобразить такой острохарактерный переходный момент в сорокадневном искушении Христа в пустыне, в котором зритель получает возможность проследить переходное состояние, включить «фантазию» и продолжить размышлять в направлении, заданном художником, в установлении причин и последствий. «Еще минута, и все видимое нами, должно существенно преобразиться ... и *благая весть* заставит затрепетать остывшие сердца людей ... Христос... начнет тернистый путь своего посланничества на земле. В этот момент... совершится также переход старого мира в новый, начнется период триумфа и мартирологии христианства, не закончившихся и в наши дни»³³. Автору статьи важно понимание, что Христос Крамского олицетворяет собой «Спасителя на рубеже двух миров». Критик отмечает органичность соединения пейзажа с образом, настраивающим на «благоговейное созерцание», создающим ощущение льющейся «тихой музыки»: дымящееся утренним туманом озеро, отдаленный блеск грядущего дня, камни как единственные свидетели события, сгруппированные в виде доисторического жертвенника³⁴. В «галерее портретов Христа» от Микеланджело и Леонардо до современных мастеров картина Крамского занимает видное место — к такому заключению приходит Шкляревский.

Крамской мечтал своей картиной произвести такое художественное впечатление на зрителя, которое заставило бы «задуматься над изображенным предметом, и в конце даже согласиться с художником относительно взгляда на ту или иную сторону человеческой жизни»³⁵. Шкляревский, несомненно, высказывался от имени той немногочисленной группы наиболее чутких зрителей, кто оказался способным принять образ Крамского и кому была адресована картина. К таким восприимчивым зрителям следует отнести главного собирателя отечественного изобразительного искусства во второй половине XIX столетия, приобретшего полотно еще до его появления на выставке, П.М. Третьякова: «Спаситель Крамского мне очень

³³ Там же. С. 3

³⁴ Там же. С. 4.

³⁵ Крамской И.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 289.

нравился и теперь также нравится, почему я и спешил приобрести его, но многим он не очень-то нравится, а некоторым и вовсе. По-моему, это самая лучшая картина в нашей школе за последнее время — может быть ошибаюсь»³⁶. Но и спустя двадцать лет коллекционер остался верен своим первым впечатлениям: «Более всех для меня понятен “Христос в пустыне” Крамского. Я считаю эту картину крупным произведением и очень радуюсь, что это сделал русский художник, но со мной в этом едва ли кто будет согласен»³⁷.

Стало банальностью упоминать глубину потрясения, пережитую от картины писателем В.М. Гаршиным. Сохранилось живое впечатление К.Д. Кавелина³⁸, назвавшего картину Крамского «единственной в целом мире, передающей живой образ Христа вполне, со всех сторон, как Сикстинская Мадонна передает Богородицу»³⁹. По мнению философа, картина Крамского занимает особое место в ряду близких ей произведений. Находясь на выставке рядом с человеком, увидевшим в «Спасителе» «нигилиста», а в картине — «насмешку над святыней и кощунство», Кавелин вспоминает свое сильнейшее впечатление, которое невозможно не привести полностью, т.к. его реакция являет пример одного из тех благодарных откликов публики, которого ожидал и ради которого работал Крамской: «Перед этим лицом, измученным глубокой и скорбной думой, перед этими руками, сжатыми великим страданием, я остановился и долго стоял в немом благоговении; я точно ощущал многие бессонные ночи, проведенные Спасителем во внутренней борьбе; я точно видел за опущенными ресницами глаза, в которых читалось и обещание блаженства тем, кто прост сердцем, и покой страдающим и удрученным;

³⁶ П.М. Третьяков — Ф.А. Васильеву. 26 января 1873 // ОР ГТГ. Ф. 1. Ед. хр. 19. Л. 2.

³⁷ П.М. Третьяков — Л.Н. Толстому. 12 июля 1894 // Переписка Л.Н. Толстого с П.М. Третьяковым / Публ. М. Бубенчикова // Литературное наследство / АН СССР. Институт литературы (Пушкинский дом). Т. 37–38: Л.Н. Толстой. П. М., 1939. С. 263.

³⁸ Взаимоотношения И.Н. Крамского и К.Д. Кавелина требуют более тщательного рассмотрения. В 1870–1880-е гг., сойдя с «арены общественной борьбы», Кавелин погрузился в занятия философией и психологией. В его многочисленных работах человек почти всегда осознает в себе два совершенно различных начала (духовное и телесное), его внимание обращено «на внутренний психический мир», на поиск «истины в духе», в сознании личности. Есть все основания предполагать, что Крамской был знаком с философом. Но если и не был знаком, то, безусловно, следил за его работами, которые обнимали тот круг вопросов, который неизменно привлекал и художника («Задачи психологии» (1872), «Задачи этики» (1884)). В его взглядах на искусство, не говоря уже о характеристиках современного общества, можно найти близкие Крамскому мотивы. В 1885 г. Крамской исполнил портрет Кавелина на смертном одре. Подобного рода изображения в творчестве Крамского нельзя назвать случайными.

³⁹ Русская старина. 1899. № 1. С. 154.

и потом вдруг эти глаза светились негодованием, провидя, что слова любви и мира бросят меч посреди людей, — или горели гневом, пророча беды городам, которые гордо возносили свои головы до небес. В умилении и трепете я забыл всех и все около себя. Мне казалось, что я стою перед самым Спасителем. Меня начинали давить слезы умиления и восторга, какими плачет человек, когда правда, чистота, самоотверженная любовь к другим являются перед ним не в виде несбыточной мечты или недостижимого идеала, а как живой образ, действительное существо, и он снова надеется и верит надеждой и верой лучших лет, казавшейся навсегда утраченной ... Мне картина Крамского дала минуту невыразимого восторга и счастья...»⁴⁰.

К самым внимательным и признательным зрителям Крамского следует отнести И.А. Гончарова, автора неизданного в свое время художественно-критического очерка, который носил скорее просветительский характер. Автор пытался оправдать современных художников, обратившихся к изображению лиц и событий Священного писания. Он выступил против цензуры и общественного мнения (вероятно, в этом и коренилась причина, по которой очерк не появился в печати в год написания), обвинивших этих художников в безверии за то, что они лишили евангельскую историю и ее персонажей возвышенного характера. Гончаров размышлял о светских, религиозных, сектантских, любительских суждениях об искусстве, о том, имеют ли вопросы веры художника прямое отношение к художественной критике, о том способен ли «живописец-атеист», обратившись к евангельским сказаниям, изобразить его сокровенный смысл? Он анализировал картины «Тайная вечеря» и «Вестники Воскресения» Н. Ге, «Сикстинскую мадонну» Рафаэля, обратился к именам Веронезе, Тициана и Леонардо да Винчи.

Писатель выделил три группы зрителей по уровню восприятия евангельских образов.

К первой он отнес большинство публики, которая не вникала глубоко во внутренний смысл события Священного Писания, выступала против «светской» или «суетной манеры писать Христа и его историю»⁴¹ и считала ересью всё, что не соответствовало старинному византийскому стилю, необходимо добавить — в рамках доступных в ту пору науке знаний. Известно, что до конца XIX в. сведения о древнерусской живописи исчерпывались исследованиями относительно поздних памятников, преимущественно XVI и XVII столетий.

⁴⁰ Кавелин К.Д. О задачах искусства // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. М., 1989. С. 370.

⁴¹ И.А. Гончаров. Указ. соч. С. 106.

Более древние иконы оставались неизвестными специалистам, тем более широкой публике.

Вторая группа зрителей ожидала увидеть нечто особенное и сверхъестественное — не человеческое, но божественное. Этой группе зрителей Гончаров возражал и приводил следующие доводы: если бы Христос имел черты божественного естества, то весь мир пал бы к его ногам, «и не было ни борьбы, ни подвига, ни страданий, ни тайны искупления!»⁴².

К последней группе он относил людей, допускавших свободу при писании евангельских сюжетов и пытавшихся изображать события и лица «реально, то есть как оно было и происходило»⁴³. В приведенных суждениях писателя прочитывалась определенная доля позитивистского прочтения образов, свойственная XIX столетию.

Гончаров отстаивал при создании образа Христа право искусства на изображение «одной художественной правды, не искажая исторической», при этом не отказываясь от «черт высшей мудрости, высшей благодати и кротости, чистоты душевной и высоких помыслов», которые художник неизбежно должен искать «у высших и лучших, пожалуй, особенных, но все же человеческих натур»⁴⁴. Это важное положение эстетических воззрений Гончарова, солидарных с современными ему художниками, ищущими образы и вдохновение исключительно в окружающей жизни. Божественность Христа отражена в его учении, подвигах, страданиях, во всей его жизни, — размышлял Гончаров, в то же время, возможности искусства живописи ограничены, когда живопись пытается в пространстве одного холста соединить «человеческое» и «сверхъестественное». Он также напоминал, что живопись не способна изобразить сразу несколько моментов на одном холсте, в то время как понятие в целом о Христе как Боге можно выразить, по его мнению, лишь множественностью изображений.

Гончаров пытался доказать, что «христианская вера имеет огромное и единственное влияние» как на зрителя, способного или неспособного воспринять произведение, написанное на евангельский сюжет, так и на художника, способного или неспособного проникнуть в тайну священного текста и представить в пластическом образе свое видение. Высшим проявлением фантазии художника, находящегося под влиянием христианской веры, для него стала «Сикстинская Мадонна» Рафаэля. Вопрос соотношения веры художника

⁴² Там же. С. 107

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 107–108.

и реалистического мышления, понимаемого как изображение правдивости явления, является камнем преткновения в размышлениях писателя.

Глубокий и проникновенный анализ картины Крамского, данный Гончаровым, свидетельствует о том, что он был воодушевлен созданным образом, поднявшим многие важные назревшие вопросы эстетического восприятия Евангелия для современников: «Художник глубоко уводит вас в свою творческую бездну, где вы постепенно разгадываете, что он сам думал, когда писал это лицо, измученное постом, многотрудной молитвой, выстрадавшее, омывшее слезами и муками грехи мира — но добывшее себе силу на подвиг»⁴⁵.

Анализируя полотно «Христос в пустыне», он пришел к важному для художественной критики этого времени заключению, что реализм стремится к невозможному — «он хочет добиться какой-то абсолютной, почти математической правды, но такой правды в искусстве не существует». Любое изображение в искусстве появляется не само по себе, а исключительно как следствие художественного «отражения фантазии, которая и придает ему тот образ, краски и тон, какой установил исторический взгляд и какой осветила фантазия»⁴⁶ живописца. Итак, Гончаров допускает авторское, как мы сказали бы сегодня, самобытное видение или прочтение образа, и сам, как явствует, относит себя к третьей группе зрительского восприятия.

Показательно, что Гончаров требовал от публики соответствующего настроения — благожелательности и чувства веры в изображенное⁴⁷. Близкие мысли излагал Крамской в своей ранней статье об А. Иванове, сожалея о «публике, утратившей веру». Картина может и должна дать в некотором роде толчок для развития в обществе определенных идей и представлений, но направление этих идей определяется, прежде всего, «верой или неверием зрителя», — писал Крамской. С ним был солидарен Гончаров. Мало найти достойный сюжет для картины и талантливо его исполнить, нужно заставить зрителя поверить в изображенное, пережить его, то есть создать некое самодостаточное психоэмоциональное пространство, — констатировал писатель. Размышления Гончарова и Крамского более сопрягаются по многим позициям, ежели расходятся, но это тема другого исследования.

⁴⁵ Там же. С. 112.

⁴⁶ Там же. С. 113–114.

⁴⁷ «... чувство веры должен приносить и зритель, чтоб увидеть в картине Спасителя или девы Марии не просто человека — Богочеловека, а в деве Марии — мать Бога, чего неверующий никогда не увидит, с какой бы верой и с каким бы гениальным талантом ни писал живописец» (Там же. С. 109).

Наиболее чуткие современники Крамского относились к его картине как к драгоценной части религиозной мысли, духовных переживаний и откровений, в которых они остро нуждались. Поэтому имя Крамского современниками было приобщено к именам европейских художников Тициана, Рембрандта, Рубенса, Рафаэля, внесших свой вклад в иконографию Христа.

Восприятие картины Крамского еще одной категорией зрителей во многом обязано самому автору: «И когда я кончил, то дал ему дерзкое название, — отвечал Крамской Гаршину, — направляя ход размышлений зрителей, а впоследствии и исследователей в определенное русло — “от Христа”». «Христос ли это? Не знаю. Да и кто знает, какой он был?» — продолжал Крамской спустя шесть лет после создания картины. Примечательно, что именно это письмо Крамского многие исследователи рассматривали в качестве ключевого при истолковании картины. «Итак, это не Христос, то есть я не знаю, кто это. Это есть выражение моих личных мыслей...»⁴⁸ — так закончил свое знаменитое письмо к Гаршину художник. Много писалось и говорилось о том, что в период религиозного охлаждения и зарождения атеистического мировоззрения в обществе образ Христа был созвучен крестному жертвенному пути русской интеллигенции, новой личности, поставившей себя на место Бога. Живым свидетельством тому стали воспоминания современников — В. Короленко, О. Аптекмана, В. Фигнер, Н. Морозова и многих других. Кроме того, в этом русле много размышляла русская философская мысль более позднего времени («Вехи», Г. Федотов и т.д.)

Человек в одеждах, напоминающих одежды Христа, представлен в ситуации выбора, особо актуальной в те годы. Он выглядел типичным представителем эпохи, стремящимся к решительному действию, его называли «революционером», «нигилистом», «атеистом», т.е. он попадал под образ современника, чье социальное поведение отвечало совершенно определенным идейным настроениям 1870-х гг. А картина Крамского, являя собой некий «абстракт мысли, иероглиф», попадала в разряд антиклерикального, антицерковного искусства. Мысли Крамского о моменте выбора в жизни каждого человека позволили впоследствии многим исследователям в период идеологической цензуры спроецировать ситуацию выбора между добром и злом на историко-политическую атмосферу тех лет. «Горячее время настало. Русский образованный слой ... разделился на два враждебных лагеря ... В золотой середине ... оставаться теперь невозможно... Служение и Богу и Маммоне невозможно ... нет более глу-

⁴⁸ Крамской И.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 447.

боко мучающих душу жгучих вопросов, все решено, все дело в факте переворота...»⁴⁹, — можно было прочесть в 1871 г. в грозной листовке С.Г. Нечаева, автора радикального «Катехизиса революционера».

В годы советского искусствознания по известным причинам была принята именно подобная характеристика русского общества 1870-х гг. Метод назойливого и некритичного наложения устоявшихся штампов о времени и искусстве изучаемой поры приводил к тому, что ведущие мастера эпохи выступали исключительно носителями программы революционно-настроенной части русского общества. Передвижничество напрямую связывалось с народническо-освободительным движением, а передвижение выставок уподоблялось «хождению в народ». Крамскому, выпускнику Императорской Академии художеств, духовному лидеру Товарищества передвижников, отводилась роль «рупора народнических идеалов». Его центральное полотно рассматривалось в контексте историко-политической борьбы как ситуации выбора между благом и злом, когда один путь признавался за революционный, другой — за реакционный, а «золотая середина» в «воссозданных» исторической наукой условиях объявлялась нереальной. Таким образом, картина «Христос в пустыне» описывала момент выбора и мобилизации сил в период революционного накала страстей, представляя ситуацию «предподвига». В 1990-е и следующие за ними постперестроечные годы кардинальным образом изменился научный взгляд на многие процессы, происходившие в русской художественной культуре, но только не отношение к искусству второй половины XIX в., к искусству передвижников, которое по-прежнему оставалось «под шапкой» одного сплошного обличения и безрадостной социальной критики. Взгляд на эпоху, окрашенную в целом в позитивистско-атеистические тона, органично, по мнению автора статьи 1990-х гг., переносится на картину Крамского, которая является свидетельством «больного духа и больной плоти» XIX в.⁵⁰

Между тем параллельно, в те же последние двадцать-тридцать лет, получила развитие противоположная точка зрения в оценке творчества Крамского⁵¹. Если взглянуть на картину «Христос в пустыне» со стороны содержания Евангелия, то Крамской может быть

⁴⁹ Новый журнал. 1993. № 1. С. 146–147.

⁵⁰ Прохоров Г. «Христос, величайший из атеистов...» Евангельский цикл И. Крамского // Вопросы искусствознания. 1994. 4/93. С. 134.

⁵¹ Вагнер Г.К. Об истолковании картины И.Н. Крамского «Христос в пустыне» // Вопросы искусствознания. 1995. № 1-2. С. 408–430; Юденкова Т.В. Еще раз о картине И.Н. Крамского «Христос в пустыне» // Вопросы искусствознания: журнал по истории и теории искусств. 1997. XI (№ 2). С. 465–475.

назван «глубоко верующим» художником, для которого образ «Христа в пустыне» «никакой не миф, никакой не “нравственный архетип”... и уж во всяком случае не религиозная модернизация революционно-демократических идей эпохи разночинного движения, а глубоко внутреннее движение необыкновенно чуткого художника, наделенного даром божественного озарения»⁵², — писал Г.К. Вагнер. При такой постановке вопроса идейным вектором анализа творчества И.Н. Крамского логично станут религиозно-философские труды В.С. Соловьева, а именно — разработка проблемы Богочеловечества. И хотя первые чтения о Богочеловечестве состоялись только в 1876 г., мысль художника в 1860–1870-е гг. формировалась в указанном направлении. Крамского интересовала «психо-теологическая (не разночинная) природа личности Христа»⁵³, — настаивал исследователь. Однако в письмах Крамского ни разу не встречается упоминания Богочеловека, что заставляет сомневаться в предложенной гипотезе. Вместе с тем, нужно иметь в виду, что вопрос о двуединой природе Христа стоял перед русской мыслью на протяжении всего XIX в.

Кстати сказать, понятие «искушение» также отсутствует в письмах Крамского. Означает ли это, тем не менее, что тема искушения была вне поля зрения художника? Или, по мысли Крамского, искушение присутствовало только в форме выбора, «пойти ли направо или налево». Возможно, что, являясь устоявшимся церковным термином, понятие искушения отменяло возможность внутренней борьбы и подразумевало присутствие внешних сил.

Так или иначе, в картине Крамского «Христос в пустыне» выражено актуальное состояние духа времени, напряженный процесс Богопознания. Художник подошел к решению глубочайших вопросов смысла человеческой жизни в связи с христианским учением. Он искал Бога не философски-умозрительного, а такого, которого можно «узнать, полюбить...», которому можно «следовать и подражать»⁵⁴. Без сомнения, духовный опыт Крамского, воплотившись в живописном творчестве как своеобразной исповеди-проповеди, художественном откровении имеет свою ценность, являя собой один из возможных путей русского художника позапрошлого столетия в его попытке проникнуть в тайны мироустройства.

Художественная культура второй половины XIX в. чрезвычайно богата творческими индивидуальностями. Со Львом Толстым и Владимиром Соловьевым Крамской был знаком лично и писал их

⁵² Вагнер Г.К. Об истолковании картины ... С. 413.

⁵³ Там же. С. 419.

⁵⁴ Крамской И.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 219.

портреты. Федора Достоевского называл своим любимым писателем, исполнив его графический портрет на смертном одре (1881, ИРЛИ). Безусловно, их влияния так или иначе заметны в его высказываниях. То была эпоха «высокого напряжения». Крамской рядом с великими современниками был также увлечен онтологическими думами, стремясь, однако, сохранить самостоятельность суждений. Он как всякий большой, талантливый художник, «являясь своеобразной точкой приложения воли и сил своей эпохи», прикасаясь к одному из наболевших вопросов века, встраивался, таким образом, в большую традицию русского самосознания, тем самым рисуя автопортрет русского общества, представителем которого он являлся.

Таким образом, движение исследовательской мысли в истолковании картины Крамского и сегодня очень условно можно разделить на два направления: от Христа и ко Христу. Картина Крамского присуще свойство глубокой неоднозначности художественного образа — «позволять и допускать» весьма противоречивое толкование. А верным основанием к нашим размышлениям безусловно служило само произведение и письма художника.

Своей картиной Крамской заходит глубже, чем можно показать «художественной действительностью». Он открывает новые пространства мысли, тем самым, несомненно, свидетельствуя о раздвижении границ реалистического искусства. Его герой не теряет реального контура, но при этом вокруг него расширяется духовное пространство. Другими словами, происходит преодоление реализма средствами живописи, т.е. художественным идеализмом, быть может. Русский реализм, осваивая действительность, устремляется за ее пределы, таким образом, его искания несомненно получают трансцендентный характер.

Список литературы

Вагнер Г.К. В поисках истины. Религиозно-философские искания русских художников, середина XIX — начало XX века. М.: РИП-холдинг, 1993. 189 с.

Вагнер Г.К. Об истолковании картины И.Н. Крамского «Христос в пустыне» // Вопросы искусствознания. 1995. № 1-2. С. 408–430.

Гольдштейн С.Н. Иван Николаевич Крамской. Жизнь и творчество. М.: Искусство, 1965. 439 с.

Москалюк М.В. Русская живопись второй половины XIX века: идеал и реальность. Красноярск: Красноярский краевой науч.-учебный центр кадров культуры, 2008. 195 с.

Николай Ге: Вектор судьбы и творчества / Материалы международной научной конференции. Архивные публикации. М. : Гос. институт искусствознания, 2014. 399 с.

Попов С.В. Религиозное творчество позднего Ге как практика богоискательства // *Искусствознание*. 2002. № 1. С. 386–414.

Поспелов Г.Г. Русское искусство XIX века: вопросы понимания времени. Очерки. М.: Искусство, 1997. 287 с.

Русский путь: от Дионисия до Малевича. Шедевры из собрания Третьяковской галереи и музеев России: каталог выставки в Музеях Ватикана 20 ноября 2018 — 16 февраля 2019 / Науч. ред. Н.Н. Шередега, Т.В. Юденкова. М.: Государственная Третьяковская галерея, 2018. 278 с.

Сарабьянов Д.В. Русская живопись. Пробуждение памяти. М.: Журнал «Искусствознание», 1998. 431 с.

Стернин Г.Ю. Между «идеями» и «почвой». К вопросу о русском художественном самосознании 1870–1880-х годов // *Вопросы искусствознания*. 1993. № 4. С. 108–122.

Стернин Г.Ю. Христианское и языческое в творчестве Репина // *Вопросы искусствознания*. 1995. № 1-2. С. 353–368.

Юденкова Т.В. Еще раз о картине И.Н. Крамского «Христос в пустыне» // *Вопросы искусствознания: журнал по истории и теории искусств*. 1997. XI (№ 2). С. 465–475.

Юденкова Т.В. Взгляд на бытовой жанр 1860-х в свете христианских идеалов // *Память как объект и инструмент искусствознания. Сборник статей*. М.: Гос. институт искусствознания, 2016. С. 216–228.

Юденкова Т.В. «Сгущенная реальность» или «бессловесная глубь» русского искусства 1860–1890-х: от позитивизма к метафизике // *Русский путь: от Дионисия до Малевича. Шедевры из собрания Третьяковской галереи и музеев России: каталог выставки в Музеях Ватикана 20 ноября 2018 — 16 февраля 2019* / Науч. ред. Н.Н. Шередега, Т.В. Юденкова. М.: Государственная Третьяковская галерея, 2018. С. 29–57.

Поступила в редакцию
6 октября 2022 г.

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 2022 г.**

	Стр.
Абрамова Н.Г., Голиков А.Г. Юбилей кафедры источниковедения	№ 4 124–148
Агратина Е.Е. Пенсионер Парижской академии живописи и скульптуры в Риме до Великой французской революции: быт, обучение, впечатления, знакомства	№ 2 172–197
Александров Г.В. Законодательное регулирование Critical Race Theory и политика памяти в США	№ 5 141–158
Алмазов М.Г. Николай II и подавление Московского вооруженного восстания 1905 г.	№ 2 70–92
Андреев Н.Д. Образы африканских мигрантов в современных китайских социальных сетях	№ 4 107–123
Андронов И.Е. Папская область в 1815–1848 гг. в контексте италийского Рисорджименто	№ 4 3–23
Барabanова М.А. К биографии народовольца Михаила Грачевского (1849–1887)	№ 4 38–50
Бартенев В.И., Хлебникова Л.Р. Американская программа «Ближневосточное региональное сотрудничество»: научное измерение содействия мирному процессу (1978–2022).	№ 3 120–144
Барыкина И.Е. Дневник П.А. Валуева 1847–1860 гг.: становление государственного деятеля	№ 1 43–56
Безугольный А.Ю., Бородкин Л.И., Леонтьева Н.И. Санитарные потери Красной армии в период Великой Отечественной войны: опыт статистического анализа национального состава военнослужащих	№ 5 67–92
Белосова О.В. Граф С.Д. Шереметев и император Николай II: история аудиенций	№ 3 41–52
Березкина О.С. Как чистили партию: проверка непроизводственных ячеек РКП(б) в 1924–1925 гг.	№ 2 107–131
Большакова О.В. От славистики к Russian studies: о некоторых обстоятельствах конституирования дисциплины в 1940-е гг.	№ 5 93–116
Бугаева Н.В. Заговор Катилины в «Истории Пистой» Джанноццо Манетти	№ 3 3–18
Бурков С.Б. В.Б. Виноградов (1938–2012) — выпускник кафедры археологии исторического факультета Московского университета: становление профессионала	№ 2 151–171
Ванеян Е.С. Иконография «Явления будды Амиды» в японской скульптуре XI–XIII вв.: источники, формирование, типология	№ 5 180–206
Волгин Е.И. Проблема принятия закона «Об оппозиции» в РФ во второй половине 1990-х гг.	№ 1 123–144
Воронов В.П. Причины импичмента президента Бразилии Дилмы Русеф в 2016 г.	№ 4 96–106

Воскресенская А.Н. Позиция французского МИД по отношению к первому правительству независимого Алжира в 1962 г.	№ 3	103–119
Голиков А.Г., Абрамова Н.Г. Гражданин и педагог. К 100-летию Юрия Александровича Мошкова	№ 2	3–12
Гордеев П.Н. «Хочется идти к вам и своими руками очистить дорогой театр от скверны, занесенной стихийным безумием»: разгром Малого театра в начале ноября 1917 г.	№ 2	53–72
Горская Н.И. Земство, администрация и «смоленский голод» конца 1860-х — начала 1870-х гг.	№ 5	23–45
Ермишин Л.В. Прощай, оружие? Укрытие оружия в Болгарии после Первой мировой войны	№ 4	65–81
Жданова А.Е. Жан-Луи Девельи (1730–1804?) — мигрирующий французский мастер в русском культурном пространстве XVIII в.	№ 4	149–165
Иванова Н.А. От демократов к республиканцам: Израиль во внешней политике США в 1952–1953 гг.	№ 6	109–121
Исмаилова З.А. «Милостники» Древней Руси.	№ 6	3–19
Исэров А.А. Густав Адольф Бергуд, Тадеуш Костюшко, Франсиско де Миранда: из истории революционных движений рубежа XVIII–XIX столетий	№ 6	34–58
Кирильчик Д.В. Частный капитал в Туркестане: дискуссия на страницах периодических изданий в 1880–1910-х гг.	№ 4	51–64
Кияшко Н.В. Фактор «религиозного нэпа» в отношениях советской власти с Православной церковью на Юге РСФСР	№ 2	132–150
Козлова Н.В. Интересы казенного и частного капитала в торговле России с Китаем в первой трети XVIII в.	№ 6	20–33
Кривченков Г.В. Влияние крестьянской этики на правовую практику волостных судов (по материалам Смоленской губернии второй половины XIX в.).	№ 4	24–37
Кулаков В.И. Социальная специфика воинского снаряжения пруссов X– XIV вв.	№ 3	145–155
Куликов С.В. И.И. Тхоржевский и создание Основных государственных законов 23 апреля 1906 г.	№ 6	88–108
Лабутина Т.Л. Повседневная жизнь послов Великобритании при дворе российской императрицы Анны Иоанновны.	№ 2	13–29
Ларина Е.И. Ритуалы, достоинство и уважение в центрально-азиатском обществе	№ 1	145–165
Ларюшкин О.В. Смешанные браки в среде московского купечества иностранного происхождения (середина XVIII — середина XIX в.).	№ 2	43–69
Лившин А.Я. Образ советских государственных служащих 1920-х — начала 1930-х гг. в свете институциональной теории	№ 1	74–87
Ма Ифэн. Казахстанский проект «Нурлы Жол» и китайская инициатива «Один пояс и один путь»: точки сопряжения и перспективы	№ 5	159–179
Матасова Т.А. «В Ыспанском государстве воздух здоров и весел»: Петр Потемкин в Испании в 1667–1668 гг. (Заметки о новом сборнике документов).	№ 3	19–40
Минкова К.В. «Экономические и торговые взаимоотношения Советского Союза и Америки будут расти и крепнуть»: визит в СССР Эрика Джонстона в 1944–1945 гг.	№ 1	88–107

Мироненко С.В. Три российских реформатора (к 250-летию юбилею М.М. Сперанского)	№ 6	59–70
Налимова Н.А., Корзун А.А. Сцена купания младенца Диониса в декорации театров Малой Азии: истоки иконографии и римский контекст	№ 3	156–171
Ненашева З.С. «Его величество учебник»: из истории кафедры южных и западных славян исторического факультета МГУ	№ 5	117–140
Носов А.В. «Духовная брань» преподобных XIV–XV вв. в ходе сакрализации пространства.	№ 1	3–21
Первошиков Д.В. Выжить в Бухенвальде: неизвестные факты из судеб узников концлагеря	№ 3	92–102
Петрова О.С. Опыт коммуникативного подхода к реконструкции диалога интеллектуалов и власти (на примере деловой переписки А.С. Уварова)	№ 6	71–87
Полянская Е.Е. Российское общество Красного Креста и помощь душевнобольным воинам на Кавказском фронте (1914–1918)	№ 1	57–73
Расторгуев А.Л. Базилика Сен-Дени в России XXI века. Рассуждения о памятнике и о методе его исследования	№ 1	166–194
Рухлин А.Н., Чуканов И.А. Создание «образа врага» в начальный период Первой мировой войны в российской прессе: по материалам симбирской и самарской периодической печати.	№ 3	73–91
Садомцева А.Р. Позиция Швеции по вопросу о заключении советско-финляндского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи 1948 г.	№ 1	108–122
Суздальцев И.А. Британская историография Коммунистического Интернационала 1990-х гг.	№ 6	147–167
Туторский А.В., Сафронов А.В., Каргина Н.П. Юрий Валентинович Кнорозов — выпускник кафедры этнографии исторического факультета Московского университета	№ 6	122–146
Федоров Д.А. «Крестьянский вопрос» на страницах газеты «Киевлянин» (1864–1878 гг.)	№ 1	22–33
Хлебников Д.В. «Хъровимъ трълични суть»: следы глаголического оригинала Изборника Святослава 1073 г. в русской иконографии символов евангелистов.	№ 5	207–226
Ходяков М.В., Сунь Ичжи. Чума в Маньчжурии: российское общественное мнение об эпидемии на Китайско-Восточной железной дороге в 1910–1911 гг.	№ 2	93–106
Хрулёва И.Ю. Конфликт и/или сотрудничество? Взаимоотношения колонистов и коренного населения Новой Англии в XVII в.	№ 2	3–42
Хрулёва И.Ю., Павлов В.В. «Послания, дарованные нам с небес, адресованы не только христианам»: роль евреев в экуменическом проекте Тысячелетнего царства пуританского теолога Коттона Мезера (первая четверть XVIII в.)	№ 5	3–22
Чжан Цзунхуа, Цзян Яньхун. Русские эмигранты в Харбине после Октябрьской революции 1917 г.	№ 4	82–95
Шильникова И.В. Организация водоснабжения Транссибирской магистрали в конце XIX — начале XX в.	№ 5	46–66
Юденкова Т.В. Интерпретации картины И.Н. Крамского «Христос в пустыне»	№ 6	168–192

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» публикует статьи и материалы по отечественной и всеобщей истории, истории искусства, источниковедению, историографии и вспомогательным историческим дисциплинам, этнологии, археологии, архивные документы с научными комментариями, информацию о научных мероприятиях с участием сотрудников исторического факультета МГУ.

Страницы журнала открыты для дискуссий, поэтому его содержание может не отражать точку зрения учредителей и редакционной коллегии. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, имен собственных, географических названий, статистических и иных сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» выходит один раз в два месяца. При перепечатке материалов журнала в другом издании ссылка на первую публикацию обязательна.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

- текстовый редактор: Microsoft Word;
- шрифт: Times New Roman (Times New Roman Cyrillic), 12 кегль;
- полуторный межстрочный интервал (как в тексте, так и в сносках);
- сноски: нумерация сквозная, расположение постраничное, шрифт — 10 кегль, фамилии авторов выделяются курсивом.

Текст представляется в редакцию по электронной почте (scobo_chka2@mail.ru) или на usb-накопителе без компьютерных вирусов. Объем статьи — не более 32 тыс. знаков с пробелами для аспирантов, не более 60 тыс. знаков с пробелами — для преподавателей и научных сотрудников. Схемы, рисунки, фотографии и другие изобразительные материалы — в отдельных файлах.

Статья должна содержать:

- аннотацию объемом не менее 250 слов;
- 6–8 ключевых слов или словосочетаний (в словосочетании не должно быть более трех слов);
- сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;
- список литературы, т. е. перечень всех исследований, процитированных и упомянутых в статье, с указанием издательства и количества страниц.

Предлагаемую для публикации статью аспирантам исторического факультета МГУ нужно сопроводить выпиской из протокола заседания кафедры с рекомендацией ее к печати. Редакция организует для всех полученных ею статей двойное «слепое» рецензирование.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается. Плата за публикацию рукописей не взимается.